

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А. Н. Алексеев

**Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия**

Том 3

НОРМА
Санкт-Петербург
2005

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(издательский проект № 05-06-87007)

А 49 **Алексеев А. Н.**
Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 3. —
СПб.: Норма, 2005. — 808 с.
ISBN 5-87857-109-9

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70—80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты — «Ожидаете ли Вы перемен?». Другое неординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием «эксперимент социолога-рабочего». Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиболее полным образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый эксперимент — «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то освоение нового оборудования на производстве или самооборона от идеологических и политических обвинений (в середине 80-х гг.). Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Томы 1 («В поисках жанра») и 2 («Контрапункты») настоящей книги вышли в свет в петербургском издательстве «Норма» в 2003 г. Ныне издаваемые тома 3 («Полигон») и 4 («Версии») продолжают и завершают тетралогию.

Автор является одним из пионеров внедрения качественных («гибких», «мягких») методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

© Алексеев А. Н., 2005	© Захаров В. П., 2005	© Рубашкин В. Ш., 2005
© Баранов А. В., 2005	© Кесельман Л. Е., 2005	© Рывкина Р. В., 2005
© Баранцев Р. Г., 2005	© Климентов Г. А., 2005	© Солипастров А. Г., 2005
© Басова И., 2005	© Козина О. А., 2005	© Седов А. В., 2005
© Бурковский Г. В., 2005	© Лауристин М., 2005	© Седунова М. В., 2005
© Вейхер А. А., 2005	© Ленчовский Р. И., 2005	© Старовойтова О. В., 2005
© Вихалем П., 2005	© Минакова С. Ф., 2005	© Тихонов А. В., 2005
© Георгина М. В., 2005	© Никитин С. Г., 2005	© Чеснокова В. Ф., 2005
© Глухов В. Д., 2005	© Огибин Ю. А., 2005	© Шейнис В. Л., 2005
© Дмитриевский В. Н., 2005	© Пинчуков Л. А., 2005	© Ющенко А. Н., 2005
© Дудченко Л. К., 2005	© Ракитская Э. Б., 2005	© Норма, 2005

Содержание тома 3

Несколько вступительных слов к томам 3 и 4	15
Благодарю!	18
Действующие лица	20

Глава без номера (между 10-й и 11-й). Прологомены

0.1. Так что же такое — драматическая социология?	34
0.2. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования (авт. — И. Кон)	40
0.3. О жизненной позиции, жизненной линии и жизненной стратегии (авт. — К. Абульханова-Славская)	43
0.4. Из истории биографического метода в психологии и социологии (авт. — А. Валевский)	46
0.5. «...в точке пересечения биографии и истории...» (авт. — А. Алексеев; Р. Баранцев; К. Пигров)	51
0.6. Бездны неведомого Бытия, открывающиеся через Делание (авт. — В. Налимов)	61
0.7. «Каждый человек должен сам стать философом...» (авт. — С. Минакова)	62
0.8. Синтез реальности и творчество жизни (авт. — Вяч. Дудченко; Ю. Резник)	65
0.9. «Ведут ли тебя по жизни или ты сам определяешь ее?..» (авт. — А. Марасов)	76
0.10. Счастье, воля, свобода, ответственность... (авт. — Г. Тульчинский)	80
0.11. «Стереоскопичная и достоверная картина переломного времени...» (авт. — В. Кавторин)	83
0.12. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» (1) (авт. — О. Гарьгина; В. Мирошниченко; А. Малюк; А. Рябчук; Ю. Романюк; М. Фирсова; У. Ходоровская)	86

Ремарки:

«...долг перед идеей, перед людьми, перед собой» (раздел 0.5);
Вспомним А. Швейцера (0.7); Драматическая социология как
жизнетворчество (0.8); Одно из возможных определений
человеческой жизни... (0.8); Интеллектуальная биография (0.9);
Угол зрения (0.12)

Часть 3. Полигон

Глава 11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма»

- 11.1. «Человек в системе реальных производственных отношений». 1983 100
- 11.2. «В статье содержатся искажения отдельных фактов, а выводы и обобщения представляются неправильными...» 138

Ремарка:

«Крамольный» вывод из анализа реальных производственных отношений или социального механизма советской экономики (раздел 11.1)

Приложение к главе 11

- П.11.1. «Новосибирский манифест» советской социологии
(авт. — Т. Заславская; Б. Фирсов) 145

Ремарка:

... «Ремонту» не поддается; пришлось «демонтировать» (раздел П.11.1)

Глава 12. Хозяйственный механизм глазами рабочего

- 12.1. Апрельские заморочки 150
- 12.2. О дневных личных заданиях 169
- 12.3. Собрались вокруг стакана... 170
- 12.4. «Привязал себя...» 171
- 12.5. О коммунистических субботниках 173
- 12.6. Июльские аккорды 175

Ремарки:

Работа «по правилам» как форма забастовки (раздел 12.1); Самоидентификация в качестве рабочего (12.6); О форме «Производственных дневников...» (12.6)

Приложения к главе 12

- П.12.1. Как же повысить КПД общественной системы?
(авт. — А. Солипатров) 186
- П.12.2. Будни производственной жизни (20 лет спустя)
(авт. — Б. Максимов) 193

Ремарки:

Завод точного машиностроения (раздел П.12.1); Переработки и сверхурочные — раньше и теперь (П.12.2); Как же они «выкручиваются»? (П.12.2); Жизнь рабочих на «ленинградском-питерском» предприятии — вчера и сегодня (П.12.2)

Глава 13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества)

- 13.1. Социолог-рабочий — в первичную партийную организацию (для сведения) 208
- 13.2. Эпизод из жизни Советской социологической ассоциации 209
- 13.2.1. Неправомочное собрание. 1983 209
- 13.2.2. «На сотню умных — один дурак... Иначе несправедливо!» 212
- 13.3. «Не тот дух...». К вопросу о демократическом централизме 214
- 13.3.1. Партийная реакция на критику. Новое обращение 214
- 13.3.2. Нужен Закон СССР об общественных организациях 217
- 13.4. К вопросу о демократическом централизме (два года спустя) 219
- 13.4.1. И опять на собрании Отделения ССА нет кворума. 1985 219
- 13.4.2. «Взять под контроль проведение социологических исследований...» 222
- 13.5. «Кость в горле» Советской социологической ассоциации 224
- 13.6. «Факты не подтвердились, часть из них сознательно искажена автором...» (авт. — Х. Момджян и др.) 226
- 13.7. К вопросу о защите чести и достоинства. Попытка диалога с Президентом ССА 228
- 13.8. Заседание бюро ЛО ССА и вокруг него 236
- 13.9. Иск в защиту чести и достоинства и его «продвижение» ... 242
- 13.10. Судебный процесс и вокруг него 244
- 13.10.1. «Апеллирую к живым свидетелям, не заинтересованным в сокрытии правды...» 244
- 13.10.2. «Свидетельские справки», со стороны истца (авт. — Н. Белова; М. Илле; Л. Кесельман) 250
- 13.10.3. Ответчик и его свидетели 251
- 13.10.4. «Благодарю за гражданственную поддержку...» 253
- 13.11. Что установил и что решил суд 253
- 13.12. Возмещение судебных издержек 255
- 13.13. Перемены в Москве. Поддержка из Киева (авт. — Т. Заславская; А. Назимова; В. Хмелько; В. Паниотто) 257
- 13.14. Перемены в Ленинграде. Демократические выборы на собрании СЗО (ЛО) ССА. 1987 (авт. — О. Божков; А. Ющенко) 260
- 13.15. Всесоюзная отчетно-выборная конференция ССА. 1987 (авт. — А. Алексеев; Т. Заславская, А. Габиани) 263
- 13.16. Новые организационные инициативы ленинградских социологов 264

- 13.16.1. Коллективная научная заявка — «по всем правилам»
(авт. — А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов) 265
- 13.16.2. Поддержка от социологической общественности
(авт. — В. Костюшев, И. Травин, Л. Кесельман и др.) 267
- 13.16.3. У истоков нового социологического института
(авт. — П. Протасенко; В. Ядов и др.) 269

Ремарки:

Партийное руководство наукой (раздел 13.2); Продолжение следует (13.3); Маршрут письма (13.6); Проф. Момджян и его «соавторы» (13.6); Специалист по «социально-психологическому климату» (проф. Парыгин) (13.7); «...сочтут за сумасшедшего...» (13.7); «Не успели...» (13.8); Что нужно, чтобы «процесс пошел»... (13.9); Различие между намеренным и неумышленным искажением фактов (13.10); В чем отличие гражданского иска от уголовного преследования? (13.10); Заочные свидетельские показания приобщены к делу (13.10); Выполнено ли решение суда? (13.11); Продолжение следует (13.12); «Победителя не судят!» (13.13); Волеизъявление ленинградских социологов (13.14); Этапы общественной реабилитации (13.15); Эскалация коллективной поддержки (13.16); В ИСЭП так и не вернулся... (13.16); Социальные изменения — в центр исследований! (13.16); «Исход» социологов из ИСЭПа (13.16)

Приложения к главе 13

- П.13.1. Пятнадцать лет спустя: к истории Социологического института Российской академии наук 271
- П.13.2. Пятнадцать лет спустя: драматическая история СПАС 279

Ремарка:

О журнале «Телескоп» (раздел П.13.2)

Глава 14. Делаем перемены (начало)

- 14.1. Рабочие и начальство (взаимные «разъяснения») 293
- 14.2. «Прессинг по всему полю»
(два месяца из жизни рабочего-социолога) 297
- 14.3. Вот так мы работаем 322
- 14.4. Ситуация ожидания перемен 324
- 14.5. 1986-й, не бедный событиями... 325
- 14.6. «Дело» социолога-рабочего: новые повороты 326
- 14.6.1. Надо ли беречь «неудобных»? 326
- 14.6.2. «Намек» сверху или инициатива «снизу»? 329
- 14.6.3. Между Москвой и Ленинградом 333
- 14.7. Поток и разноцветье жизни. 1986 334
- 14.7.1. Эти неизнашиваемые съемники... 334

- 14.7.2. Партийные, профсоюзные, журналистские страсти... 335
- 14.7.3. Как у нас «выбирали» цехком 336
- 14.7.4. Фрагменты экспериментальной социологии... 338
- 14.8. А тем временем — в академическом институте.
Борьба обостряется (авт. — Г. Саганенко; А. Алексеев;
О. Божсков; И. Травин) 339

Ремарки:

Опуская подробности (раздел 14.2); «...записывай эти заморочки!» (14.2); Не оставляют вниманием... (14.6); Написали — «как оно есть»... (14.6); «Меры приняты»... (14.7); Мой со-участник, собеседник и со-автор Леонид Кесельман (14.8); Памяти Валерия Голофаства (14.8); «Неделовые игры» в ИСЭПе (14.8)

Глава 15. Делаем перемены (продолжение)

- 15.1. Производственные страсти, или как мы боролись с двухсменкой. 1986 350
- 15.1.1. Для дела или для рапорта?
(авт. — А. Алексеев, В. Косильников, Е. Рыжов и др.) 350
- 15.1.2. «...повсеместно и бездумно — до полного идиотизма» 351
- 15.2. Дело о «поврежденной двери» (окончание). 1987 360
- 15.3. Дело об опоздании с обеда на 10 минут
(авт. — А. Алексеев; А. Сыцевич) 367
- 15.4. Бригада требует повышения заданий
(авт. — А. Сыцевич и др.) 371
- 15.5. «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак...» 372
- 15.6. «Гримасы» перестройки и триада социологического познания 375
- 15.7. Двухсменка: продолжение следует. 1987—1988
(авт. — Т. Нилова; А. Алексеев) 378
- 15.8. «Дело» социолога-рабочего: неординарные шаги и неожиданные эффекты 381
- 15.9. Спорные вопросы социалистического соревнования 388
- 15.9.1. Как я был победителем социалистического соревнования 388
- 15.9.2. «Какую систему соревнования ни придумают, все не те получаются победители...» 393
- 15.10. Общественно-политическое противостояние. 1987
(А. Алексеев; А. Ежелев; А. Головков; С. Десярев) 397
- 15.11. Из опыта гражданской защиты (1986-1987)
(авт. — Р. Рывкина; Г. Зяблова; Т. Дурасова; Р. Блюм, М. Лауристин, П. Вихалемм, Е. Голиков; А. Юценко, Л. Кесельман, Б. Докторов и др.; А. Сыцевич, Е. Рыжов, М. Гуцин и др.; В. Хмелько, Р. Ленчовский; Э. Клопов, Л. Гордон, А. Назимова, Ю. Мархашов) 402

Ремарки:

Неувязка вышла... (раздел 15.2); Зачем писать в журнал? (15.2); Пора кончать этот «эксперимент»! (15.2); Эскалация трудового спора (15.3); Городской суд подтвердил решение районного (15.3); «Не ваше дело!» (15.4); Игра по правилам Системы (15.9); Справедливость восторжествовала (15.9); Наблюдатель, мыслитель, делатель (памяти Леонида Гордона) (15.11)

Глава 16. Сотворение легенды

16.1. Преодоление пределов (авт. — Л. Графова)	410
16.2. Разговор героя с Автором. «Аргумент перестройки»	420
16.3. Интервью с «героем дня» (авт. — С. Ненашев, А. Алексеев) ..	432
16.4. Побратимы-экспериментаторы («вольнодумцы» и «инакодействующие»)	440
16.5. Мария «с безымянной высоты» (авт. — М. Георгина; А. Алексеев)	446
16.6. Не личная драма (авт. — Л. Графова)	454
16.7. «Ленполиграфмаш» против «Ленинградского рабочего» (авт. — С. Михельсон; Д. Макаров, Ю. Стукалов; Г. Панков; А. Алексеев)	457
16.8. «Принимая во внимание установившуюся в партии обстановку откровенности...»	462
16.9. «...Мир погибнет, если я остановлюсь» (авт. — А. Головков)	463

Ремарки:

Лидия Графова — журналист-правозащитник (раздел 16.1); «Литературная газета» и «Огонек» (16.2); Периоды жизни (16.3); Правдоборцы (16.5); Почта социолога-испытателя (16.5); Профессор В. Я. Ельмеев, 10 лет спустя (16.6); Новации в гражданском законодательстве (16.7); Точка в «деле» социолога-рабочего еще не поставлена (16.8)

Приложения к главе 16

П.16.1. Под прожекторами гласности. Случай Владимира Богданова (авт. — И. Руденко; В. Богданов)	467
П.16.2. Под прожекторами гласности. Случай Рэма Баранцева ...	478
П.16.2.1. Ярлык (авт. — И. Преловская)	478
П.16.2.2. Отклики на выступление «Известий» (авт. — М. Голубовский; Р. Наумов; В. Кожара, Е. Чевкина)	485
П.16.2.3. А тень осталась. После выступления «Известий» (авт. — И. Преловская)	489
П.16.2.4. Из переписки Р. Баранцева с К. Свасьяном (авт. — Р. Баранцев; К. Свасьян)	493

П.16.3. Под прожекторами гласности. Случай Геннадия Богомолова (авт. — А. Ежелев)	495
--	-----

Ремарки:

Сопоставим разные «случаи»... (раздел 16.2); За кулисами гласности (16.2)

Глава 17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...

17.1. А тем временем — на «Ленполиграфмаше»... ..	502
17.1.1. Дело об опоздании с обеда на 10 минут (окончание). 1988 (авт. — Н. Поречная)	502
17.1.2. 27 лет в КПСС. У партии не в долгу... ..	505
17.2. Возвращение в ряды... (Союз журналистов и Союз театральных деятелей)	506
17.3. Документальные фильмы	507
17.3.1. «Не могу иначе» (авт. — А. Аронов; Л. Тархова; Ю. Черняков; И. Васильева)	507
17.3.2. «Интерпретация» (авт. — С. Дегтярев, А. Алексеев)	510
17.4. Диалог с драматургом Александром Гельманом. 1984-1988 (авт. — А. Гельман, А. Алексеев)	512
17.5. Прощание с «Ленполиграфмашем» (8,5 лет)	515
17.6. «Герой-аргумент в раме-концепции...» (авт. — В. Герчиков; А. Алексеев)	516
17.7. Познание через действие, или что я могу один (авт. — Т. Васильева, А. Алексеев)	517
17.8. «Герой перестройки» — «агент влияния»	524
17.8.1. В поддержку «Рабочей инициативы»	524
17.8.2. «Неудобным» — кроме гласности другой помощи не нужно	526
17.8.3. Как журналист, чую — тут «фитиль!»	526
17.8.4. «Ваш корреспондент-организатор...»	528
17.8.5. «Первый учитель...»	529
17.8.6. О рабочем-журналисте Александре Лебедеве	530
17.8.7. «Ручаюсь своим партийным билетом за его правоту...» ..	531
17.8.8. «Не профессиональное» мнение по «медицинскому» случаю	533
17.8.9. Нештатный рецензент ленинградской газеты	535
17.8.10. «Решение парткома Ленинградского университета 1983 года... требует сегодня гласной отмены...» (авт. — А. Алексеев, М. Голубовский, Я. Гордин, В. Конецкий, Ю. Рыжов; В. Захаров; Л. Графова)	537
17.9. «Встретимся через 900 лет...». Интермедия (авт. — Н. Максимова)	540
17.10. Что я читаю сегодня (авт. — А. Алексеев; И. Фояков)	545

- 17.11. «Старый должок»... Имею ли я претензии к Управлению КГБ? 549
- 17.12. «Робость передо мной, которую... разделяю» (авт. — З. Д.; А. Алексеев) 552
- 17.13. «Судьба, востребованная историей...» (авт. — Л. Графова) 553
- 17.14. И, наконец, мифопоэзия... (авт. — Ю. Линник) 555

Ремарки:

Эпизод борьбы за гласность (17.3); Не финал! (раздел 17.5); «Разменная монета перестройки»... (17.6); Вершина красноречия (17.7); «В человеческом измерении» (17.8); «Наставник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» (17.8); Загадка собственного «я» (17.10); «Герой-экспонат»... (17.13); Легенда и действительность (17.13); Сколь долговечен миф? (17.13); И опять скрещение жизненных путей! (17.14)

Приложения к главе 17

- П.17.1. Двое побратимов из села Юрковка, Винницкой области. Владимир Мельник и Олег Байдан 558
- П.17.1.1. «Нужна служба “народной социологии”!» (авт. — В. Мельник) 558
- П.17.1.2. «Крепкий орешек» («...попытались исключить, посадить, выгнать — не получилось») (авт. — О. Байдан; А. Алексеев) 560
- П.17.2. Алла Ярошинская, журналист. Народная героиня перестройки на Житомирщине 562
- П.17.2.1. «Круг Любимых женщин расширился...» 562
- П.17.2.2. Из переписки с М. Георгиной и А. Ярошинской (авт. — А. Алексеев; М. Георгина; А. Ярошинская) 564
- П.17.2.3. Народная избранница (авт. — Л. Графова) 568
- П.17.2.4. «Какое было светлое, трепетное, наивное время!...» (авт. — А. Ярошинская) 570
- П.17.3. У истоков комитетов общественного самоуправления. (авт. — В. Гэфенидер) 572
- П.17.4. Биолог Лев Пинчуков: «творцы, карьеристы, трудяги и лентяи» (авт. — Л. Пинчуков) 574
- П.17.5. Стоит ли экспериментировать «по Алексееву»? (авт. — Е. К-в; А. Алексеев) 575

Ремарка:

«Героиня XX века» (раздел П.17.2)

Глава 18. Начальная школа демократии (Производственное самоуправление)

- 18.1. На производстве: перестройка или «перестроение»? 581

- 18.2. Рабочие задают вопросы руководителям (авт. — Н. Козлов) 586
- 18.3. Выборы советов трудовых коллективов (авт. — Н. Лукашевич, И. Виноградов, В. Коряк и др.; А. Алексеев) 588
- 18.4. Первые шаги СТК (авт. — В. Коряк) 592
- 18.5. Как нам организовать работу совета 594
- 18.6. К вопросу о «Доске почета» (авт. — А. Алексеев, Е. Рыжов, С. Русинов, В. Косульников) 596
- 18.7. Выборы должны быть всеобщими (авт. — Б. Хохряков, В. Юфимец и др.) 598
- 18.8. Каким быть положению о совете трудового коллектива? 599
- 18.9. О праве рабочих на защиту своих прав 600
- 18.10. Каким быть производственному самоуправлению? 601

Ремарки:

«Ленполиграфмаш» и клуб «Перестройка» (раздел 18.5); По следам наших выступлений (18.6); За голосование на рабочих местах (18.7)

Глава 19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...)

- 19.1. Межпрофессиональный клуб «Перестройка» 611
- 19.2. Уроки обсуждения «антиперестроечного манифеста» 613
- 19.2.1. «Коллапс гласности» (авт. — колл.) 613
- 19.2.2. «Если бы не было статьи Андреевой, ее следовало бы придумать...» (авт. — Ю. Зерчанинов) 615
- 19.3. К ситуации в Нагорном Карабахе (авт. — В. Рамм, А. Алексеев, П. Шелищ, О. Божков) 616
- 19.4. КГБ сообщает и комментирует (предупреждает...) (авт. — А. Алексеев, В. Рамм, П. Шелищ) 618
- 19.5. «Язык народа, обращенный им к самому себе» 619
- 19.5.1. К Дебатам о свободе печати 619
- 19.5.2. Атмосфера дискуссий, организуемых клубом «Перестройка» (авт. — А. Винников) 622
- 19.6. Кому доверяют ленинградские социологи (авт. — колл.) 624
- 19.7. Как я не стал делегатом XIX Всесоюзной партконференции (авт. — В. Дмитриев; В. Монахов; О. Поддобрый; М. Чулаки) 626
- 19.8. На «Ленполиграфмаше» обсуждают тезисы ЦК КПСС (авт. — Н. Харьков; В. Курсов) 629
- 19.9. «Дальше... Дальше...» 630
- 19.9.1. Союз Демократических Сил — «детище и инструмент современной общественной перестройки» 630

19.9.2. Дальше... Дальше... (Обсуждение тезисов ЦК КПСС к XIX партконференции) (авт. — А. Алексеев, Ю. Нестеров)	634
19.10. «...Не пройдет!» (история одного «персонального дела») (авт. — Ю. Нестеров; Н. Корнев, А. Вейхер, А. Сунгуров и др.; С. Дегтярев; А. Алексеев)	635
19.11. «Молодым людям середины 80-х повезло...»	639
19.12. Ленинград — цитадель «Памяти»? (авт. — А. Алексеев, А. Арьев, Я. Гордин и др.)	639
19.13. «Отвечаю всем, кто меня об этом спрашивает...»	640
19.14. «Неформальное движение» с точки зрения социолога (авт. — Т. Васильева, А. Алексеев; А. Темкина; О. Вите)	644
19.15. Конфликт «Кравченко-Чичеров» и вокруг него	648
19.15.1. Проблема «политических молчаливых» и «свадебных генералов» (авт. — А. Алексеев, О. Божков, О. Вите, Г. Генкин и др.)	648
19.15.2. «Пора становиться рядом...» (авт. — А. Алексеев; М. Горный, О. Харитонов, С. Дегтярев и др.; А. Зубков)	651
19.16. Народ и власть (социологический десант в г. Лугу) (авт. — Г. Кузнецов; П. Филиппов, Л. Гольдштейн, Н. Корнев; А. Алексеев; В. Ронкин)	657
19.17. «Верю ли я в перестройку?» (авт. — А. Алексеев, С. Балухев)	663
19.18. Мораторий на членство в клубе	665
19.19. Неформальный центр общественно-политической жизни города (авт. — А. Сунгуров)	667

Ремарки:

Структура клуба «Перестройка» (раздел 19.1); Устаревшие предложения (19.5); «Знаковые» фигуры (19.6); Претендент на мандат делегата XIX Всесоюзной партконференции (19.7); Подписи, собранные на Невском проспекте (19.7); Хранится в архиве... (19.9); Моделирующая ситуация (19.14); «...клуб “Перестройка” вмешивается не в свое дело...» (19.15); Документы прошлого и воспоминания о минувшем — взаимодополнительны (19.16)

Приложения к главе 19

П.19.1. Из истории демократического движения Ленинграда (1987-1988) (авт. — А. Винников)	669
П.19.2. Басня о перестройке (авт. — А. Ющенко)	671
П.19.3. «Шел рыцарь хоробрый к дракону “на Вы”...» (образ города и мира) (авт. — В. Кривулин; Н. Беляк; Т. Лиханова; А. Чернов)	678
П.19.4. Литераторы-нонконформисты: из «подвала» — на общественно-политический простор (авт. — В. Долинин, Д. Северюхин)	685

П.19.5. «Кандидат в делегаты» XIX Всесоюзной партконференции ...	689
--	-----

Ремарка:

Что такое «двоичная система»? (раздел П.19.2)

Глава 20. Народный фронт

20.1. За Народный фронт! (авт. — Ю. Нестеров; А. Алексеев)	691
20.2. К вопросу об экстремизме (послесловие к митингу на стадионе «Локомотив») (авт. — Ю. Артемьев; А. Алексеев; О. Вите; А. Соснин; Г. Трубников; Л. Соколецкий; А. Зубков)	694
20.3. Выборы в партком: «тестовое» голосование	702
20.4. Клуб: «субъект-субъектная» модель	703
20.5. Реформа политической системы: «Избирательное право должно быть прямым и равным!» (авт. — А. Алексеев, Г. Богомолов, Ю. Нестеров; В. Антошин, Ю. Кондратьева, Н. Корнев и др.; Р. Ленчовский)	709
20.6. Несвоевременные мысли	713
20.7. Мы с Эстонией, потому что мы с Россией! (авт. — А. Алексеев; В. Антошин, Г. Богомолов, А. Голов и др.)	719
20.8. Диалог с НН (о соотношении политики и нравственности) (авт. — НН; А. Алексеев)	722
20.9. Статья 70-я УК РСФСР пока не отменена (авт. — А. Алексеев; М. Чулаки, А. Крестинский, Е. Анисимов и др.; В. Костюшев; Д. Веревкин)	725
20.10. «Вызываю на судебную дуэль...». Интермедия (авт. — В. Харитонов, А. Батаев)	728
20.11. Возвращение в клуб «Перестройка»	729
20.12. Демократическое движение: хроника декабря 1988 года и взгляд в наступающий, 1989-й (авт. — В. Долинин, Б. Иванов, Н. Кронов и др.; В. Ходырев, Л. Ходченкова)	730

Ремарки:

Срочная телеграмма в ВС СССР (раздел 20.5); «Вы стали политиком...» (20.8); «...устал!» (20.8); Из опыта «перестроечных батальев» (20.10); Накал страстей рубежа 1988-1989 гг. (20.10)

Глава 21. Выборы-1989

21.1. Общественный комитет «Выборы-89» (авт. — колл.)	733
21.2. Один из способов ослабить бюрократический заслон, выставленный против «неугодных» кандидатов	737

21.3.	Будни избирательной кампании (авт. — колл.; В. Беляков; А. Винников)	741
21.4.	«Выборы-89»: кто из кандидатов выдвинут «снизу»? (авт. — колл.)	744
21.5.	Один месяц из жизни Геннадия Богомолова (эпизод предвыборной кампании 1989 г.) (авт. — колл.; Н. Козлов; С. Дегтярев, Ю. Нестеров, В. Монахов и др.; В. Закревский, А. Богданов; Н. Харьковская; В. Широких; Н. Пашко, Г. Фадеева, Н. Цфас и др.; А. Алексеев; И. Федоров, В. Юфимец, Н. Мителев, О. Кабаков)	747
21.6.	Журналисты «Ленполиграфмаша». Интермедия (авт. — Н. Харьковская; А. Луговцева, С. Михельсон, В. Татарникова; Н. Поречная; Н. Козлов)	756
21.7.	Голосуйте честно, принципиально, осознанно! (авт. — колл.; Г. Лебедев, Е. Прошина)	763
21.8.	Ленинградцы сделали свой политический выбор (авт. — колл.; А. Алексеев, О. Вите, В. Рамм и др.)	769
21.9.	Общественный центр изучения и прогнозирования социальных процессов (авт. — Л. Кесельман; Б. Докторов; А. Алексеев)	771
21.10.	Опыт предвыборной программы. 1989	783

Ремарки:

Что было потом (раздел 21.4); Социолог-испытатель «интригует» (21.5); Что было потом (21.5); Акция солидарности (21.6); Оплошал секретарь парткома... (21.6); «Наблюдающее участие» в избирательной кампании (21.7); Как удалось предотвратить фальсификацию выборов (21.7); «Делегированное наблюдение» Леонида Кесельмана (21.9); Политическая эйфория конца 80-х гг. (21.10); Не только депутатом, но и зарегистрированным кандидатом не стал... (21.10)

Приложения к главе 21

П.21.1.	Пятнадцать лет спустя: выборы в Государственную Думу Российской Федерации — 2003. Социологический комментарий	788
П.21.2.	Еще год спустя: последние события и вопросы дня (авт. — Д. Сысов; О. Попова; А. Скобов; колл.)	795
П.21.3.	Демократические реформы: 20 лет спустя (авт. — Ю. Афанасьев; Ю. Левада; Л. Шевцова; Ю. Рыжов; А. Гельман; А. Яковлев)	801
Сокращенное оглавление к тому 4		806

Несколько вступительных слов к томам 3 и 4

Первые два тома (две части) книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» вышли в свет в петербургском издательстве «Норма», при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в 2003 году.¹ Напомним читателю, о чем там шла речь.

Сквозным сюжетом книги является социально-личностный (направленный как «во-вне», так и «во-внутри») эксперимент, предпринятый четверть века назад. Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод, в качестве рабочего. В этой социальной роли автор пребывал с 1980 по 1988 г.

Первая часть книги называлась «В поисках жанра». В ней своего рода прологом выступает история проведения андерграундного экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» (рубеж 1970—80-х гг.). А затем — описываются «приключения» социолога, предпринявшего попытку экспериментального исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». Время действия — 1980-1983 гг. Это был начальный этап эксперимента.

Том 1 (включающий в себя часть 1) состоит из шести глав:

1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»).
2. Театр жизни на заводских подмостках (начало).
3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение).
4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога).
5. Человек и его работа: вид изнутри.
6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь.

(Главы 1, 5 и 6, а также часть 1 как целое сопровождаются приложениями).

Во второй части, названной «Контрапункты», рассматривалось продолжение эксперимента социолога-рабочего при «вновь возникших» обстоятельствах: состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Последний пытается развернуть самооборону и включает эти новые обстоятельства в поле своего исследования. Время действия — 1983-1986 гг.

¹ Указанные два тома книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» размещены также на WEB-сайтах: Научно-информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург): <www.memspb.org/press/pres.html> и Киевского международного института социологии: <www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/book.html>, а также на частном сайте <www.alekseev_andrej/narod.ru>. Здесь пользуюсь случаем выразить в этой связи свою признательность: Ирине Флиге и Мирону Муждабе (Санкт-Петербург); Валерию Хмелько и Владимиру Паниотто (Киев); Леониду Грингаузу (Санкт-Петербург).

Том 2 (включающий в себя часть 2) состоит из пяти глав:

Глава без номера: Интермедии.

7. «Дело» социолога-рабочего (начало).

8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение).

9. Год Оруэлла (1984).

10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

(Главы 7 и 8, а также часть 2 как целое сопровождаются приложениями).

Ныне вниманию читателя предлагаются тома 3 и 4 (включающие в себя, соответственно, части 3 и 4) «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».

Основное содержание третьей части, под названием «Полигон», составляет заключительный этап эксперимента социолога-рабочего (1986–1989). Как и предыдущие, данная часть книги являет собой композицию авторских текстов разных лет (тексты — личные, деловые, научные). Причем, как и в предыдущих томах, эти аутентичные документы — иногда развернуто, иногда вкратце — комментируются автором «из сегодня».

Том 3 (включающий в себя часть 3) состоит из двенадцати глав:

Глава без номера: Прологомены.

11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма».

12. Хозяйственный механизм глазами рабочего.

13. Люди лучше учреждений (Из жизни социологического сообщества).

14. Делаем перемены (начало).

15. Делаем перемены (продолжение).

16. Сотворение легенды.

17. «Поборник», «аргумент», «символ», «разменная монета»...

18. Начальная школа демократии (Производственное самоуправление).

19. Клуб «Перестройка» (Дальше... Дальше...).

20. Народный фронт.

21. Выборы-1989.

(Главы 11, 12, 13, 16, 17, 19 и 21 сопровождаются приложениями).²

Широко представлены в книге — во всех ее частях — также тексты других лиц (как правило, коллег и друзей автора).³ Это в особенности относится к заключительной, четвертой части, под названием «Версии».

Содержание данной части книги составляет сопоставление разных трактовок, истолкований эксперимента социолога-рабочего (от апологетических до резко критических), представление материалов экспертно-

прогностического исследования «Ожидаете ли вы перемен?» (рубеж 1970—80-х гг.), а также обсуждение проблем разнообразия и соотношения различных способов социального познания.

Том 4 (включающий в себя часть 4) состоит из четырех глав:

22. Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения.

23. Эпистемологические дебаты.

24. Человек в обществе и общество в человеке.

25. Возвращаясь к началу (Ожидали ли перемен?).

(Главы 22, 23 и 25 сопровождаются приложениями).

Итак: книга «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» состоит из 4 частей и 27 глав (некоторые из них — с приложениями).

Вся тетралогия (тома 1—4) представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение. При этом автор ставил своей задачей не только отобразить характерные черты производственной, социокультурной и общественно-политической жизни 80-х гг. минувшего века, но и, отталкиваясь от «исследования случая», выявить некоторые универсальные закономерности и механизмы взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов.

Основные научные идеи книги заявлены в «Предисловии» (в начале тома 1). Ниже будет представлено несколько извлечений оттуда.

Здесь воздержусь от пересказа «фабулы» эксперимента социолога-рабочего, как таковой. Глава 11, в настоящем (3-м) томе, включает мою работу 1983 года («Человек в системе реальных производственных отношений»), где отражены хронология и предварительные результаты эксперимента (как они тогда виделись автору). Таким образом, читатель, даже не знакомый с предыдущими двумя томами, окажется сразу введенным «в курс дела».⁴

Последняя (10-я) глава в томе (части) 2 обрывалась на событиях весны 1986 г. — обращение автора, исключенного из партии, к Генеральному секретарю ЦК и к XXVII съезду КПСС с инициативной аналитической запиской под названием «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки». Что же было после?

Впереди — еще два с лишним года эксперимента и «дела» социолога-рабочего, на фоне совершающихся общественных перемен.

А. А., июнь 2005

⁴ Этой же цели отчасти служит глава без номера (между 10-й и 11-й), которой открывается том 3.

² Полное оглавление этого тома см. выше.

³ В большинстве случаев использование чужих текстов является перепечаткой или пространственным цитированием из ранее опубликованных работ. Авторы таких текстов, которые написаны специально для этой книги, либо публикуются здесь впервые, либо публиковались ранее ничтожным тиражом, отмечены на форзаце «копирайтом».

Благодарю!

В «Предисловии», открывавшем собой том 1, автор уже высказывал слова благодарности своим давним и нынешним *со-беседникам* и *со-авторам* (они же, как правило, *со-участники* событий, описанных в томах 1 и 2 настоящей книги). Здесь напомним их имена:

— Ирина Баландина, Рэм Баранцев, Юрий Барбой, Николай Беляк, Арлен Блюм, Геннадий Богомол, Зинаида Вахарловская, Игорь Виноградов, Георгий Гачев, Александр Гельман, Анатолий Головков, Яков Гордин, Вадим Гороховский, Даниил Гранин, Лидия Графова, Людмила Гурьева, Виталий Дмитриевский, Виктор Дудченко, Людмила Дудченко, Владимир Дьяченко, Анатолий Ежелев, Галина Жерновая, Владимир Земсков, Борис Иванов, Фазиль Искандер, Нина Катерли, Леонид Кесельман, Анри Кетегат, Геннадий Климентов, Олеся Козина, Нелли Крюкова, Ирма Кудрова, Эдуард Кудрявцев, Игорь Кузьмичев, Роман Ленчовский, Юрий Линник, Николай Лукашевич, Лев Лурье, Борис Максимов, Нина Максимова, Анатолий Марасов, Светлана Минакова, Алла Назимова, Вилен Очаковский, Владимир Павленко, Владимир Паниотто, Станислав Политов, Ирина Прусс, Сергей Рапопорт, Валерий Ронкин, Розалина Рывкина, Евгений Рыжов, Марина Седунова, Иван Смирнов, Виктор Сокирко, Анатолий Солипатров, Анатолий Сычевич, Валерий Тимошенко, Александр Тихонов, Борис Фирсов, Нина Харьковская, Валерий Хмелько, Геннадий Хороших, Андрей Чернов, Виктор Шейнис, Борис Шифрин, Владимир Шубкин, Нина Шустрова, Юрий Щеголев, Александр Ющенко, Владимир Ядов.

Многих из названных выше лиц читатель встретит также и на страницах томов 3 и 4. Однако здесь круг прямых или косвенных *со-трудников* существенно расширяется. И я должен продолжить этот список.

Благодарю также: Владимира Абрашкевича, Елену В. Алексееву, Ксению Абульханову-Славскую, Марию Алесину, Антуана Аракеляна, Олега Байдана, Сергея Балуева, Альберта Баранова, Ирину Басову, Сергея Белановского, Бориса Беленкина, Ванду Белецкую, Таисию Беликову, Нину Белову, Ивана Бельговского, Владимира Белякова, Владимира Богданова, Олега Божкова, Юрия Болдырева, Марка Борнштейна, Анатолия Бородинова, Александра Брикача, Георгия Бурковского, Алексея Валевского, Ирину Васильеву, Татьяну Васильеву, Валерию Василькову, Светлану Вахарловскую, Андрея Вейхера, Нелли Венскую, Александра Винникова, Олега Вите, Пеэтера Вихалемма, Анатолия Вишневого, Галину Волкову, Юлю Вооглайда, Елену Высочину, Владимира Гельмана, Григория Генкина, Владимира И. Герчикова, Владимира М. Герчикова, Марию Георгину, Владимира Гефендера, Валерия Глухова, Евгения Голикова, Анатолия Голова, Льва Гольдштейна, Михаила Горного, Александра Гофмана, Леонида Грингауза, Павла Гутионтова, Михаила Гущина, Нину Давыдову, Сергея Дегтярева, Екатерину Дмитриевскую, Маргариту Доброхотову, Бориса Докторову, Вячеслава Долиннина, Вячеслава Дудченко, Ларису Дудченко, Татьяну Дурасову, Александра Железцова, Владимира Жидкова, Татьяну Заславскую, Виктора Захарова, Елену Здравомыслову, Марию Зоркую, Александра Зубкова, Галину Зяблову, Вячеслава Игрунова, Михаила Илле, Виктора Ильина, Людмилу Иодковскую, Владимира Кавторина, Моисея Кагана, Владимира Каратаева, Эдуарда Клопова, Бориса Колоницкого, Игоря Кона, Николая Корнева, Наталью Костенко, Владимира Костюшеву, Елену Костюшеву, Валентина Косульникова, Геннадия Кравченко, Самуила Кугеля, Марью Лауристин, Михаила Левина, Владислава Лекторского, Валерия Ли, Юрия Леваду, Татьяну Лиханову, Сергея Логинова, Самуила Лурье, Светлану Лурье, Мэри Маколи, Лидию Марасову, Роберта Мартиросяна, Николая Мартынова, Юрия Мархашова, Ольгу Маслову, Марию

Мацкевич, Эльвиру Межерауп, Владимира Мельника, Бориса Миронова, Сергея Михельсона, Романа Могилевского, Виктора Монахова, Куаньша Муздыбаева, Сергея Ненашева, Юрия Нестерова, Сергея Никитина, Василия Николаева, Татьяну Нилову, Ольгу Новиковскую, Виктора Носова, Юрия Огибина, Вадима Ольшанского, Тамару Петкевич, Сергея Петрухина, Константина Пигрова, Льва Пинчукова, Андрея Плохина, Олега Поддубного, Григория Померанца, Ингу Преловскую, Николая Преображенского, Татьяну Протасенко, Дмитрия Равинского, Бориса Ракитского, Эвелину Ракитскую, Владимира Рамма, Юрия Резника, Аллу Родионову, Ирину Ронкину, Юрия Роста, Валерия Рубашкина, Инну Руденко, Андрея Рудому, Сергея Русинова, Юлия Рыбакова, Галину Саганенко, Бориса Сазонова, Виктора Салтыкова, Фуата Самигуллина, Сергея Самойлова, Альфреда Сарно, Карена Свасьяна, Дмитрия Северюхина, Александра Седова, Валентина Семенова, Викторину Семенову, Надежду Сергееву, Никиту Серова, Наталью Сидорову, Эрику Сидорову, Инну Сигиреву, Леонида Соколецкого, Аркадия Соснова, Лидию Сошлюкову, Осипа Спасова, Ольгу Старовойтову, Леонида Столовича, Елену Струкову, Александра Сунгурова, Анну Темкину, Валентину Терехову, Николая Толоконцева, Михаила Толстого, Дмитрия Травина, Игоря Травина, Эдуарда Троппа, Георгия Трубникова, Будимира Тукумцева, Григория Тульчинского, Виктора Тягушева, Сергея Файбушевича, Анатолия Фатеева, Петра Филиппова, Ирину Флиге, Илью Фоякова, Бориса Хохрякова, Светлану Целикову, Радия Цимеринова, Галину Цурикову, Тимура Чагунаву, Сергея Чеснокова, Валентину Чеснокову, Илью Шаблинского, Петра Шелища, Овсея Шкаратана, Владимира Шляпентоха, Николая Щербакова, Владимира Юфимца, Ирину Яковлеву, Феликса Якубсона, Аллу Ярошинскую.

Вклад если не всех, то подавляющего большинства названных лиц воплощен также и во включенных в состав этой книги их собственных текстах (будь то научный труд, публицистическое произведение, деловой документ, политическое заявление, экспертный лист, дневниковая запись, личное письмо...).

И, конечно же, светлая и благодарная память тем моим *со-беседникам* и *со-авторам*, прямым или косвенным соучастникам этого труда, кого сегодня уже нет в живых: Андрею Абрашкевичу, Размику Айдиняну, Валентину Алексееву, Елене И. Алексеевой, Анатолию Альтшуллеру, Цецилии Андреевой, Анатолию Базникому, Леониду Барденштейну, Геннадию Батыгину, Борису Беликову, Рэму Блюму, Глебу Вахарловскому, Владимиру Вишаренко, Владимиру Владыкину, Елене Вонсик, Михаилу Гефтеру, Николаю Гиренко, Валерию Голофасту, Леониду Гордону, Ирине Грушевой, Тамаре Дридзе, Гурию Забелкину, Вениамину Иофе, Федору Калугину, Николаю Козлову, Юлии Кондратьевой, Виктору Кривулину, Глебу Лебедеву, Ларисе Ленчовской, Владимиру Малушенко, Борису Мовчану, Лукерье Мовчан, Михаилу Молоствову, Рэму Наумову, Наталье Поречной, Варваре Пузановой, Сергею Розету, Виктору Секерину, Эльмару Соколову, Владимиру Соловью, Ларисе Солоницкой, Анатолию Соснину, Галине Старовойтовой, Анатолию Харчеву, Генриаде Хмаре, Вадиму Холобаеву, Михаилу Чулаки...

Следует добавить к этому имена ныне покойных Владимира Безносова, Анатолия Давыдова, Натальи Козловой, Сергея Мейена, Василия Налимова, Сергея Поршнякова, Софьи Фирсовой, Юлии Шрейдера, чьи тексты также использованы в этой книге.

Выражаю свою признательность сотрудникам петербургского издательства «Норма»: Наталье Барзуковой, Нине Калининной, Татьяне Коськовой, Юлии Куршевой, Наталии Фофановой. Моя особая благодарность — руководителю названного издательства Маргарите Филипповой.

Действующие лица

Ниже дается именной список действующих лиц томов 3 и 4 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».⁵

Главы, в которых фигурируют указанные персоналии, обозначены соответствующими номерами (11...25); приложения — буквой «П», с указанием номера соответствующей главы; глава без номера — «0»; «Вместо заключения» — В3.

- Абельс** Хайнц — немецкий социолог: П.23 #
Абульханова-Славская Ксения А. — психолог (г. Москва): 0 #
Авагумов — начальник бюро патентов и НТИ завода: 11
Аганбегян Абел Г. — экономист, академик АН СССР: 11, 14
Агафонов Н. Т. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
Алексеев Андрей Н. — социолог, рабочий, журналист: 0, 11 — 25, В3 # *
Алексеева Елена В. — математик: 17
Алексеева Елена И. — социолог: 13
Алесина Мария А. — социолог: 19
Андрианова Нелли А. — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
Анисимов Евгений В. — историк: 20 #
Антошин Владимир Н. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 20, 21 #
Аракелян Антуан Г. — правозащитник: 19
Артемьев В. — журналист: 20 #
Аронов Александр — журналист, поэт (г. Москва): 17 #
Арьев Андрей Ю. — писатель: 19 #
Афанасьев Василий Г. — редактор газеты «Правда», председатель СЖ СССР (г. Москва): 17 *
Афанасьев Юрий Н. — историк (г. Москва): П.21 #
Базникин Анатолий К. — экологист, помощник лесничего Кавказского гос. биосферного заповедника (Адыгея): 16, 17, 23
Байдан Олег И. — агроном (с. Юрковка, Винницкой обл.): П.17 #*
Балуев Сергей Г. — журналист: 18, 19 #
Баранов Альберт В. (он же — «Ученый») — социолог: 13, П.13, 14, 21, 25 #
Баранцев Рэм Г. — математик, философ: 0, 16, П.16, 17, 20, 23, 24, П.24, 25, В3 #
Барнинова Галина И. — зав. отделом обкома КПСС: 19
Барсуков Сергей — слесарь: 15
Басова Ирина — студентка Ульяновского гос. университета (г. Ульяновск): 24 #

⁵ Подобный список был представлен в томе 1 настоящей книги, но там содержались отсылы только к томам 1 и 2.

Напомним, что к действующим лицам нами относятся:

а) **авторы** публикуемых здесь текстов, кроме случаев внутритекстового цитирования и эпиграфов (в списке такие персоналии отмечены: #); б) **адресаты** публикуемых текстов (писем, обращений), если они поименованы (в списке такие персоналии отмечены: *); в) лица, чья деятельность находит **отображение** в публикуемых текстах.

Для случаев (а) и (б) список является исчерпывающе полным. В случае (в) список полным не является.

Как правило, сведения о действующих лицах ограничиваются профессиональной атрибуцией. Должностное положение указывается лишь тогда, когда оно является существенной для описываемых событий ролевой характеристикой. Не отражены ученые степени и звания для работников науки.

В случае отсутствия указания на город, имеется в виду Ленинград (Санкт-Петербург). В случае отсутствия указания на название предприятия (для рабочих и инженерно-технических работников), имеется в виду производственное объединение «Ленполиграфмаш».

- Батаев** А. П. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 20 #
Баталов — сменный мастер: 14
Батыгин Геннадий С. — социолог (г. Москва): 24 #
Белановский Сергей В. — социолог (г. Москва): 17, 23 #
Беликов Борис Д. — социолог: 14, 23 #*
Белова Нина И. — социолог: 13 #
Беляк Николай В. — театральный режиссер: 17, П.19 #
Беляков Владимир Г. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 19, 21 #
Бережний Александр Ф. — историк: 16, 22
Березкина Е. — техник: 21 #
Берго Даниэль — французский социолог: П. 23 #
Библиер Владимир С. — историк, философ, культуролог (г. Москва): В3 #
Блюм Рэм Н. — философ (г. Тарту): 15, 24 #
Богданов А. А. — научный работник: 21 #
Богданов Владимир В. — газосварщик, правозащитник (г. Рига, Латвия): 15, 16, П.16 #*
Богданов Олег — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
Богданова Татьяна — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
Богомолов Геннадий А. — фрезеровщик: 12, 15, 16, П.16, 19, 20, 21 #
Божков Олег Б. — социолог: 13, П.13, 14, 19, 21 #
Бозрикова Лиля В. — социолог: 13 #
Болдырев Юрий Ю. — инженер, народный депутат СССР: 19, 21
Борисова Майя И. — поэт: 20 #
Борнштейн Марк И. — театральный художник: 19, П.19
Боровик В. С. — главный ученый секретарь ССА (г. Москва): 13
Брикач Александр — слесарь: 15, 16 #
Бурковский Георгий В. (он же — «Инструктор») — психолог: 25 #
Бурмыкина Ольга Н. — социолог: 13 #
Валевский Алексей Л. — философ (г. Киев): 0 #
Валентинова Н. Г. — социолог (г. Москва): 13
Варсоби Андрей К. — редактор «Ленинградской правды», председатель правления ЛО СЖ СССР: 19, 20 *
Васильев А. Д. — прокурор города: 17
Васильев В. (он же — В. В.) — начальник инструментальной группы цеха: 12, 14
Васильев В. И. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 21 #
Васильева Ирина А. — актриса (г. Петрозаводск): 18 #
Васильева Татьяна — радиожурналист: 17, 19 #
Вахарловская Зинаида Г. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): П.22, 24
Вейхер Андрей А. (он же — «Лютеранин») — социолог: 13, П.13, 15, 19, 21, 25 #
Вережкин Д. — прокурор города: 20
Веселовский В. А. — инженер: 21 #
Вилочкин Ю. В. — сотрудник УКГБ ЛО: 15, 17
Винер Борис Е. — социолог: П.13
Винников Александр Я. — физик: 17, 19 #
Виноградов А. В. — зам. начальника цеха: 19, 21
Виноградов Игорь В. (он же — И. В.) — бригадир слесарей: 12, 14, 15, 16, 18 #
Вите Олег Т. — социолог: 17, 19, 20, 21 #
Вихалем Пеэтер А. — социолог (г. Тарту, Эстония): 15, 25, П.25 #
Вишаренко Владимир С. — социолог, эколог: 13, 15 #
Вишневский Анатолий Г. — социолог, демограф (г. Москва): 17 *

Владимиров Э. В. — сотрудник УКГБ ЛО: 15
 Власова В. Ф. — работник Облсовпрофа: 14
 Волков Л. И. — заточник: 19
 Вольнский Н. — журналист: 19
 Вооглайд Юло — социолог (г. Таллинн): 20, 24
 Воронков Виктор М. — социолог: 13, П.13 #
 Воронцов Алексей В. — председатель ревизионной комиссии ЛО ССА: 13, 22 #
 Воропаев М. Г. — член КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
 Воскобойников Валерий М. — писатель: 20 #
 Выжutowич Валерий В. — журналист (г. Москва): 13 #
 Высочина Елена — составитель и редактор сборника «Аутсайдер — человек вопроса» (г. Москва): ВЗ #
 Габини А. А. — социолог, председатель ревизионной комиссии ССА (г. Москва): 13 #
 Галкина Галина Ф. — социолог: 13, 15 #
 Гарыгина Ольга — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
 Гачев Георгий Д. — философ, культуролог, писатель (г. Москва): 23, П.23, 24 #
 Геворкян В. — цеховой экономист: 18
 Герасимова Лариса Л. — зам. секретаря парткома, потом — начальник отдела кадров объединения: 0, 16
 Гельман Александр И. — драматург: 17, 19, П.21 # *
 Гельман Владимир Я. — инженер, политолог: 19, 21
 Генкин Григорий — инженер: 19, 20 # *
 Георгина Мария В. — техник-геолог (пос. Боровая, Житомирская обл., Украина): 16, П.17 # *
 Герман Александр Ю. — кинорежиссер: 21 #
 Герчиков Владимир И. — социолог (г. Новосибирск): П.23 #
 Герчиков Владимир М. — тележурналист (г. Воронеж): 17 #
 Гефендер Владимир — юрист (г. Москва): П.17
 Гефтер Михаил Я. — историк (г. Москва): 0, 23, 25, ВЗ #
 Гилинский Яков И. — социолог: 13, П.13, 21
 Глинка Михаил С. — писатель: 17, 20 #
 Глотов Владимир — журналист (г. Москва): 17
 Глухов Валерий Д. — социолог: 19, 25 #
 Голиков Евгений А. — социолог (г. Таллинн): 15, 24 #
 Голов Анатолий Г. — член клуба «Перестройка»: 19, 20, 21 #
 Головков Анатолий Э. — журналист (г. Москва): 15, 16, 17, 18, 19, 22 # *
 Голод Сергей И. — социолог: 13, П.13 #
 Гололобов — начальник 60-го отделения милиции: 15
 Голофаст Валерий Б. — социолог: 13, 14, 15, 21, П.23 #
 Голубовский Михаил Д. — биолог (г. Новосибирск): П.16, 17 #
 Гольберг Валентин В. — социолог: П.13
 Гольдштейн Лев И. — инженер, журналист: П.13, 18, 19 #
 Горбачев Михаил С. — Генеральный секретарь ЦК КПСС: 15, 19, 20, 21, 23 #
 Горданов — член профкома объединения: 15
 Гордин Яков А. — писатель: 17, 19 #
 Гордон Леонид А. — социолог, историк (г. Москва): 11, 13, 15, П.25 #
 Горный Михаил В. — инженер: 18
 Городецкая И. Г. — экономист: 13 #
 Городчиков — фрезеровщик: 14

Гороховский Вадим — социолог: 13
 Горячкин А. П. — зам. председателя партийной комиссии обкома КПСС: 15
 Готовский А. Ф. — зам. начальника управления городской прокуратуры: 15
 Гофман Александр Б. — социолог (г. Москва): 24 #
 Гофман Ирвинг — американский социолог: П.23 #
 Гранин Даниил А. — писатель: 0, 17, П.17, 19, 20, 21, П.22 # *
 Графова Лидия И. — журналист, правозащитник: 13, 15, 16, 17, П.17, 19, 22 # *
 Гребенщиков И. Л. — зам. заведующего отделом ВЦСПС: 15
 Гребнев В. М. — секретарь горкома КПСС (г. Луга, Ленинградской обл.): 19
 Гревцов Ю. И. — социолог: 13, 22 #
 Грибалева Николай П. — социолог: 11
 Григорьев — прокурор Василеостровского района: 15
 Григорьев Виталий Е. (он же — «Л. Г. Григорьев») — социолог: 19, 23 #
 Грингауз Леонид Е. — член организации «За НФ»: 19, 20 #
 Грицаков А. А. — философ: П.23 #
 Гуляев В. А. — заведующий отделом обкома КПСС: 13
 Гурьева Людмила С. — социолог (г. Томск) — 11, 13
 Гутионтов Павел С. — журналист (г. Москва): 19
 Гушин Михаил (он же — «Миша») — слесарь: 12, 14, 15, 16 #
 Данилушкин Анатолий И. — начальник цеха: 12
 Дашкевич Игорь А. — издатель журнала «Рубикон»: 19
 Дегтярев Александр Я. — секретарь обкома КПСС: 13
 Дегтярев Сергей С. — тележурналист: 15, 17, 19, 21 #
 Дейч М. В. — секретарь районного суда (г. Москва): 13
 Денисов А. А. — народный депутат СССР: 21
 Дмитриев В. — журналист: 19 #
 Дмитриевский Виталий Н. (он же — «Алазанская») — театровед, социолог: П.13, 25 #
 Доброхотова Маргарита В. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 19
 Докторов Борис З. — социолог: 13, П.13, 14, 15, 21, 22, 24 #
 Долбежкин Александр Д. — генеральный директор производственного объединения: 11, 12, 14, 15, 18, 19, 22
 Долгов В. Г. — социолог: 22
 Долинин Вячеслав Э. — инженер-экономист: П.19, 20 #
 Дольский Александр А. — артист: 21 #
 Дридзе Тамара М. — социолог (г. Москва): 23, 24 #
 Дубровский В. — журналист: 21
 Дудченко Виктор П. — член клуба «Перестройка»: 19, П. 22, 23
 Дудченко Вячеслав С. — социолог, философ (г. Москва): 0, 11 #
 Дудченко Людмила К. (она же — «Бирюк») — социолог (г. Москва): 0, 12, 25, П.25 #
 Дука Александр В. — социолог: П.13
 Дурасова Татьяна Б. — журналист: 15 #
 Дьячков И. Н. — директор завода (не «Ленполиграфмаш»): 21 #
 Дьячкова Елена В. — социолог: 13
 Ежелев Анатолий С. — журналист: 15, 16, П.16, 19, 21 # *
 Елисеева Ирина И. — экономист, чл.-корр. РАН: П.13
 Ельмеев Василий Я. — социолог: 13, 16, 22 #
 Ельцин Борис Н. — первый секретарь горкома КПСС (г. Москва): 15, 20
 Еремичева Галина В. — социолог: 13, 14 #
 Ершов Гений С. — главный конструктор объединения: 11 #

Ефимов А. — наладчик станков с ЧПУ (не «Ленполиграфмаш»): 14
Ефимов В. А. — секретарь райкома КПСС: 19
Жирнова Л. — инженер-конструктор: 18
Журавлева З. — писатель: 19 #
З-в Сергей (он же — С. З., «Серега») — слесарь: 12
Забелкин Гурий И. — шофер (г. Пушкин): 25 #
Зайцев В. А. — слесарь-сборщик, член парткома завода: 21
Закревский В. А. — научный работник: 21 #
Заславская Татьяна И. — социолог, экономист, академик АН СССР (г. Москва): 11, П.11, 13, 14, 16, 22, П.25 #
Захаров Василий Г. — секретарь обкома КПСС: 13 *
Захаров Виктор В. — секретарь парткома Ленинградского университета: 17 #
Захаров Виктор П. — филолог: 25 #
Здравомыслов Андрей Г. — социолог (г. Москва): П.13
Здравомыслова Елена А. — социолог: П.13
Зелинская Елена К. — журналист: 19
Земсков Владимир В. (он же — Володя З.) — заточник: 12
Зерчанинов Ю. — журналист (г. Москва): 19 #
Зоркая Мария В. — литературный критик (г. Москва): П.23 #
Зубков Александр А. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 19, 20 #
Зяблова Галина Г. — журналист: 15 #
Иванов Борис И. — писатель, публицист: 19, 20, 21 #
Иванов Дмитрий В. — социолог: П.13
Иванов Олег И. — социолог: 14
Иванюшин Б. Г. — председатель профкома производственного объединения: 22
Игнатъев Н. С. — секретарь райкома КПСС: 20
Изотов Сергей — слесарь: 14
Иконникова Светлана Н. — социолог: 13
Илле Михаил Е. — социолог: 13, П.13, П.21 #
Ильин Виктор — слесарь: 15, 16, 18 #
К. Николай — фрезеровщик: 16
К-в Е. Н. — инженер (Рыльский р-н, Курской обл.): П.17 #*
Кабаков В. С. — ректор ЛИЭИ им. П. Тольятти: П.19, 21
Кабаков О. П. — рабочий: 21
Кавторин Владимир В. — писатель, историк: 0, 19, 20 #
Каган Моисей С. — философ: 14 #
Калашникова Ксения — учащаяся 11-го класса средней школы: 24 #
Калинин М. Ф. — расточник, зам. секретаря партбюро цеха: 14
Калугин Федор Ф. — слесарь-инструментальщик: П.12
Капитонов Иван В. — председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС (г. Москва): 15 *
Карпов Андрей Ю. — инженер: 18, 19 #
Карпов Вячеслав Г. — социолог: 13, 14 #
Карцев Г. Н. — председатель районного суда (г. Москва): 13 *
Катерли Нина С. — писатель: 17, 19, 21 #
Кесельман Леонид Е. — социолог: 13, П.13, 14, 15, 16, 19, 21, П.21, П.22, 24 #
Кетегат Анри А. — социолог, рабочий (г. Вильнюс): 0, 11, П.22, 23, 24, 25, П.25 #
Кириллов — секретарь парткома вуза: 20
Кириллов Юрий — журналист, зам. редактора «Ленинградской правды»: 17 #
Киц С. Г. — заточник: 19

Клецин Александр А. — социолог: 13, 14 #
Климентов Геннадий А. (он же — «Марианна») — экономист: 11, 20, 25 #
Клопов Эдуард В. — социолог, историк: 11, 15, П.25 #
Ковалев А. Д. — социолог (г. Москва): П.23 #
Ковалев Алексей А. — археолог, руководитель группы «Спасение»: 19, 21 #
Кожара В. Л. — биолог (Ярославская обл.): П.16 #
Кожевников Петр В. — писатель, экологист: 19, 21 #
Кожемяко В. — журналист (г. Москва): 19
Козина Мария — школьница (г. Ульяновск): 24
Козина Олеся А. — философ, социолог, поэт (г. Ульяновск): 17, 24 #
Козлов Николай А. (он же — «Н. Брянцев») — журналист, сотрудник заводской газеты: 18, 21 #
Козлова Лариса А. — социолог, зам. гл. редактора «Социологического журнала» (г. Москва): 23 #*
Козлова Наталья Н. — философ, социолог, культуролог (г. Москва): 23 #
Кочаров Владимир Г. — декан факультета журналистики Ленинградского университета: 16, 22
Комиссаренко Светлана — клубный работник: 19
Комышан А. И. — инспектор уголовного розыска: 15
Кон Игорь С. — социолог (г. Москва): 0, П.13 #
Кондратьев В. Н. — секретарь парткома объединения (не «Ленполиграфмаш»): 19
Кондратьева Юлия Н. — филолог: 20, 21 #
Конещкий Виктор В. — писатель: 17 #
Константинов Илья В. — член общественного комитета «Выборы-89»: 21
Константиновский Давид Л. — социолог, гл. редактор «Социологического журнала» (г. Москва): 23 #*
Корнев Б. Ф. — инструктор обкома КПСС: 13
Корнев Николай Р. — биолог, социолог: 19, 20, 21 #
Король — токарь: 14
Корконосенко Наталья Ф. — журналист: 14
Корсунский Н. — журналист: 21
Коряк В. — бригадир токарей, председатель СТК цеха: 18 #
Косачев Альберт А. — начальник цеха: 12, 14, 15 #
Костюшев Владимир В. — социолог: 13, П.13, 15, 19, 20, 21 # *
Косульников Валентин — слесарь: 12, 14, 15, 16, 18 #
Кошванец В. — журналист: 17
Кравец Наталья П. — социолог: П.13
Кравцов В. — рабочий: 18 #
Кравченко Геннадий А. — инженер, рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 17, 19, 21 #
Крестинский Александр А. — писатель: 20 #
Кривулин Виктор Б. — поэт: П.19 #
Кронов Н. — член редколлегии инф. бюллетеня организации «За НФ»: 20 #
Крюкова Нелли А. (она же — «Неля») — биохимик: 14, 16
Кугель Самуил А. — социолог: 13, П.13
Кудряшенко Л. С. — зав. канцелярией обкома КПСС: 14
Кузнецов В. Н. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
Кузнецов Г. Р. (г. Луга, Ленинградской обл.): 19 #
Кузнецова Мария — студентка Ульяновского гос. университета (г. Ульяновск): 24 #
Куликов Алексей — секретарь парткома вуза: 20
Курбатов Константин И. — писатель: 20 #

Курсов В. Н. — фрезеровщик, секретарь партбюро цеха: 14, 18
Кутуев Керим Х. — зам. старшего механика цеха, председатель цехкома: 14, 15, 18
Кутырина Людмила В. (она же — Людмила К.) — инженер-технолог, начальник бюро технической подготовки цеха): 12, 14, 15
Кушнер Александр С. — поэт: 19 #
Лапин Николай И. — социолог (г. Москва): 11
Лауристин Марью — социолог (г. Тарту, Эстония): П.13, 15, 20, 24, 25, П.25, #
Лебедев Александр В. — рабочий, журналист: 17
Лебедев Глеб С. — археолог: 19, 21 #
Лебедев Павел Н. — социолог: 13, 14, 21 #
Лебедева Л. М. — инженер ООТиЗ: 21
Левада Юрий А. — социолог (г. Москва): 0, 13, П.21, П.25 #
Левин Михаил Б. — журналист (г. Москва): 11
Лекторский Владислав А. — философ (г. Москва): П.23 #
Ленчовский Роман И. — философ, социолог (г. Киев): 0, 13, 15, 16, П.17, 20, 22, П.22, 23, 24, П.25 #*
Ли Валерий — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 16, 19 #
Лигачев Егор К. — секретарь ЦК КПСС: 19, 21
Линник Юрий В. — философ, культуролог, поэт (г. Петрозаводск): 0, 17, П.17, 24, 25, В3 #
Ликумович Ф. — рабочий: 21
Лисовский Александр В. — социолог: П.13
Лисовский Владимир Т. — социолог: 13 *
Лисовская Елена Б. — социолог: 13 #
Лисочкин Игорь — журналист: 17
Лиханова Татьяна — журналист: 19, П.19, П.22 #
Лобанов Николай А. — экономист, зам. директора института: 13, 14
Лобов Е. В. — токарь, партгруппорг участка: 14
Логинов Сергей И. — кинорежиссер (г. Москва): 17, 19
Луговцева А. А. — журналист: 21 #
Лукашевич Николай — начальник ОТК цеха: 14, 16, 18 #
Лукин Б. И. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 19 #
Лурье Самуил А. — писатель: 19 #
Лурье Светлана В. — социолог, этнопсихолог: 17 #
Любищев Александр А. — биолог, ученый-энциклопедист, мыслитель (г. Ульяновск): 0,13, П.16, 17, П.23, 24, В3
Львова Валентина Н. — инженер-конструктор: 16, 18
Магид Сергей Я. — филолог: 20
Мазуренко Юрий И. — инструктор обкома КПСС: 13, 14
Макаров Д. К. — и. о. генерального директора объединения: 16 #
Макеева Полина Г. — член КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
Максимов Борис Г. — токарь, член парткома завода: 14, 16
Максимов Борис И. — социолог: 11, П.12, 13, П.13, 18, 21, 22 #
Максимов Владимир В. — социолог, секретарь партбюро института: 16, 17, 22
Максимова Нина К. — журналист (г. Новосибирск):14, 17 #
Малков Юрий П. (он же — Ю. М.) — зам. начальника цеха: 12, 14, 15
Малюк Андрей — студент Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Манько Юрий В. — социолог: 13
Марасов Анатолий Н. — биолог, философ (г. Ульяновск): 0, 17, 24 #
Марасова Лидия И. — учитель средней школы (г. Ульяновск): 24

Маркин — зам. заведующего отделом обкома КПСС: 13
Марковцев Б. Г. — научный сотрудник: 19 #
Мартиросян Р. — слесарь: 15, 18 #
Мартынов — начальник 1-го отдела завода: 11
Мартынов Николай А. — композитор: 19, 20
Мархашов Юрий С. — историк (г. Москва): 15, 18 #
Марьяненко Александр П. — социолог: 11, 16
Матвеев А. И. — начальник цеха, председатель СТК объединения: 18
Матвиенко — журналист: 15 #
Матеренко Г. Н. — регулировщик аппаратуры, зам. председателя СТК объединения: 18, 21
Махалов А. А. — социолог: 14
Машкевич Мария Г. — социолог: 21, П.21, 24, П.25 #
Медведев В. — бригадир фрезеровщиков: 18 #
Медведев Вадим А. — заведующий отделом ЦК КПСС, потом — секретарь ЦК КПСС: 13 *
Межевич Марат Н. — социолог: 13, 14, 21
Мейен Сергей В. — биолог: 25 #
Мельник Владимир А. — учитель (с. Юрковка, Винницкой обл.): П.17 #
Миллс Чарльз Райт — американский социолог: П.23, 24 #
Минакова Светлана Ф. — социолог: 0, 11, 13, 16, 17, 23 #
Минин — токарь, председатель цеховой комиссии по трудовым спорам: 14
Миронов Борис Н. — историк, социолог: 24 #
Мирошниченко Валерия — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Мирошниченко Николай С. — социолог: 13, 21, 22 #
Мителев Н. М. — бригадир: 18, 21 #
Михайлов — рабочий: 15
Михайлов Михаил К. — секретарь парткома объединения: 14, 15, 16, 21, 22 #
Михайлова З. Н. — заведующая парткабинетом объединения: 19
Михайлова Л. А. — народный судья (г. Москва): 13
Михельсон Сергей В. — журналист: 16, 17, 19, 21 #
Могилевский Роман С. — социолог: П.13, 21, 22 #
Могиленец Н. М. — и.о. районного прокурора (г. Москва): 13 #
Моисеенко Н. А. — экономист: 16, 22
Момджян Хачик Н. — философ, президент ССА (г. Москва): 13 *
Монахов Виктор Н. — юрист: 13, 19, П.19, 21 #
Муздыбаев Куаныш — социолог: 13 #
Мукосеев Б. В. — строитель: 19 #
Муравьев — зам. районного прокурора: 15
Муриков — фрезеровщик (не «Ленполиграфмаш»): 15
Мусаханов Валерий Я. — писатель: 19 #
Мялина Л. А. — член редколлегии инф. бюллетеня организации «За НФ»: 21 #
Набок Людмила В. — концертмейстер: 20
Назимова Алла К. — социолог (г. Москва): 11, 13, 14, 15, 23 #
Налимов Василий В. — математик, философ (г. Москва): 0 #
Наумов Рэм В. — биолог (г. Ульяновск): П.16, 17 #
Невзоров Александр Васильевич (он же — «Назаров Александр Вениаминович») — сотрудник УКГБ ЛО: 15
Ненашев Сергей В. — журналист: 16, 17, 19 #
Нестеров Юрий М. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 17, 19, 20, 21 #

Нечаева Наталья А. — социолог: 13 #
Никитин Сергей Г. (он же — «Строитель») — рабочий-строитель: 25 #
Никитин Алексей — рабочий, председатель товарищеского суда: 14
Никитина Н. — юрисконсульт завода: 14, 15
Николаев Василий (он же — «Вася») — слесарь: 12, 15
Николаев Г. — писатель: 19 #
Николаева Т. А. — зам. начальника управления городской прокуратуры: 15 #
Никольский Борис Н. — писатель, народный депутат СССР: 19, 21 #
Нилова Татьяна А. — журналист: 14 #
Нисбетт Ричард — американский социальный психолог: П.25 #
Новиков Владимир И. — шлифовщик, секретарь партбюро цеха: 13, 14, 15, 19
Новиковская Ольга А. — педагог-логопед: 16
Носов Виктор (он же — «Витя») — слесарь: 12, 14, 15, 18 #
Носырев Даниил П. — начальник УКГБ ЛО: 15, 17
Овсянников В. Г. — экономист: 22
Овсянников Е. К. — заведующий сектором обкома КПСС: 13
Овчинников Иван — фрезеровщик, зам. председателя цехкома: 14, 16
Огибин Юрий А. — экономист: 24 #
Ольшанский Вадим Б. — социолог (г. Москва): 11
Орлов В. — рабочий (г. Выборг, Ленинградской обл.): 18 #
Ошурков А. Т. — инженер: 21 #
Очаковский Вилен Я. — шахтер, журналист, правозащитник (г. Александрия, Кировоградской обл., Украина): 0, 16, 17, 23
Павленко Владимир Н. — социолог: П.23, 25 #
Падкин В. В. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
Паниотто Владимир И. — социолог (г. Киев): 13, 23 #
Панкевич Татьяна Д. — помощник районного прокурора: 15
Панков Георгий И. — журналист, редактор газеты «Ленинградский рабочий»: 16
Панова Людмила В. — социолог: 13 #
Парьгин Борис Д. — социальный психолог, председатель бюро СЗО (ЛО) ССА: 13, 14, 16, 22
Патенков А. Я. — инженер: 21 #
Пашко Н. — переводчик, сотрудник ОКБ: 21 #
Пашков А. С. — социолог, юрист, директор НИИКСИ при ЛГУ: 13
Пересветов А. В. — шлифовщик: 19
Петкевич Тамара В. — актриса, писатель (г. Москва): П.22 #
Пигров Константин С. — философ: 0, 23, П.23 #
Пинчуков Лев А. — биолог (г. Москва): П.17 #
Пишель В. Я. — психиатр (г. Киев): 17 #
Плитман А. В. — начальник отдела НОТиУ завода: 12, 15, 18
Плотников Сергей Н. — социолог (г. Москва): 13
Поволоцкий Евгений Я. — социолог: 13 #
Погребняк В. — художник, сотрудник ОКБ: 21 #
Поддобрый Олег Н. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 19 #
Подлесная В. С. — секретарь райисполкома: 21
Подольцева Екатерина — член партии «Демократический Союз»: 20
Полани Майкл — физико-химик, философ: П.23 #
Политов Станислав (он же — «Стас») — слесарь, наладчик штампов: 12, 14
Полозов Владимир Р. — экономист: 14
Полозюк В. И. — начальник подразделения УКГБ ЛО: 15

Полянская М. Б. — консультант правления ССА (г. Москва): 13 #
Померанцев Григорий С. — философ (г. Москва): П.22 #
Пономарев Владимир Л. — зам. генерального директора объединения: 11, 21
Попов Александр В. — журналист, редактор журнала «Родина» (г. Москва): 17 #
Попов Валерий Г. — писатель: 20 #
Попова Т. Н. — народный заседатель районного суда (г. Москва): 13
Поповский Марк А. — писатель (г. Москва; США): 17
Поречная Наталья К. — журналист, сотрудник заводской газеты: 14, 15, 16, 17, 19, 21 #
Потемкин В. — зав. сектором института: 14
Почин С. — журналист: 15, 21
Преловская Инга С. — журналист (г. Москва): П.16 #
Преображенский Николай А. — историк: 19
Протасенко Татьяна З. — социолог: 13, П.13, 15 #
Прошина Елена М. — философ: 19, 21 #
Равинский Дмитрий К. — социолог: 23 #
Разумов А. Я. — историк: 19 #
Ракитская Галина Я. — социолог, экономист (г. Москва): 22
Ракитская Эвелина Б. — поэт (г. Москва): 22, П.22 #
Ракитский Борис В. — социолог, экономист (г. Москва): 13, 22
Рамм Владимир Г. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 17, 19, 21 #
Рапопорт Сергей С. — социолог (г. Вильнюс): П.13
Рахманова Н. — писатель: 19 #
Ревенок Анатолий Д. — директор Укр. филиала НИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского (г. Киев): 17 #
Резник Юрий М. — философ (г. Москва): 0 #
Реутов Николай — слесарь: 12, 14
Решетов Михаил И. — старший мастер: 18
Розет Сергей М. — социолог, рабочий: 0, 11, П.22, 23 П.23, 25 #
Родионова Алла В. — социолог: П.13
Романова — сотрудник бюро патентов и НТИ завода: 11
Романюк Юлия — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Ронкин Валерий Е. — инженер-химик: 19 #
Росс Ли — американский социальный психолог: П.25 #
Рост Юрий М. — публицист (г. Москва): П.21, В3 #
Рошин А. С. — член клуба «Перестройка»: 19 #
Рубашкин Валерий Ш. — философ: 25 #
Руденко Инна П. — журналист (г. Москва): П.16 #
Ружже Вера Л. — социолог: 13, П.13
Румянцева Галина А. — ученый секретарь ЛО ССА: 13, 21
Русалинова Алла А. — социолог: 13, П.13, 21
Русинов Сергей — слесарь: 12, 14, 15, 16, 18 #
Русинова Нина Л. — социолог: 13 #
Руткевич Михаил Н. — социолог, директор института (г. Москва): 13
Рыбаков — фрезеровщик: 15 #
Рыбаков Юлий А. — художник, депутат Госдумы РФ: 19, 20
Рывкина Розалина В. (она же — «Инна», «Близнец») — социолог (г. Москва): 11, 13, П.13, 14, 15, 22, 23, 25, П.25 # *
Рыжов Евгений А. (он же — «Женя») — слесарь: 12, 14, 15, 16, 18 #
Рыжов Юрий А. — физик, академик АН СССР (г. Москва): 17, П.21 #

Рытхэу Юрий С. — писатель: 20 #
 Рябов В. А. — зам. начальника отдела юстиции горисполкома (г. Москва): 13
 Рябов Игорь В. — заочник, секретарь партбюро цеха: П.16, 21
 Рябчук Анастасия — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
 С. Фаина (она же — «Фаина») — старшая кладовщица цеха по инструменту: 12, 14
 Сависсар Эдгар — председатель Народного фронта Эстонии: 20 *
 Саганенко Галина И. — социолог: 13, П.13, 14, 21, 23 #
 Сазанов С. — зам. заведующего идеологическим отделом райкома КПСС: 21
 Сазонов Борис В. — социолог (г. Москва): 11
 Салье Марина Е. — геолог: 19, 21 #
 Самигуллин Фуат Ф. — театральный технолог: 19, П.19
 Самойлов Сергей Б. — слесарь: 15 #
 Сарно Альфред А. — социолог: 15, 22, П.22 #
 Сафронов Вячеслав В. — социолог: 13 #
 Сахаров Б. М. — инженер-конструктор, зам. председателя СТК КБ: 21
 Сахаров Андрей Д. — академик, народный депутат СССР: 21
 Свасьян Карен А. — философ (г. Базель, Швейцария): 0, П.16, 23 #
 Северюхин Дмитрий Я. — художник, искусствовед, издатель: П.19 #
 Седов Александр В. — социолог (он же — «Жук»): 15, 23, 25 #
 Седунова Марина В. — историк: 22 #
 Семенова Виктория В. — социолог (г. Москва): П.23 #
 Сергеев А. — слесарь: 15
 Серов Никита К. — социолог: П.23, 24 #
 Серяков Александр В. — инженер: 20 #
 Сигов Ивглаф И. — экономист, директор института: 13, 14, 16, 22 #
 Сидорова Наталья Н. — журналист: 19
 Сидорова Эрика М. — социолог: 13
 Силантьева Галина — социолог: 13
 Скобликов С. В. — инженер-конструктор: 21
 Смаглиенко Г. Д. — председатель партийной комиссии обкома КПСС: 15
 Смирнов Иван А. (он же — «Ваня») — слесарь-инструментальщик: 15
 Смирнов Игорь — слесарь: 14, 15
 Смирнов Л. П. — главный технолог объединения: 11
 Смирнова Галина П. — экономист: 13 #
 Сокирко Виктор В. — экономист, правозащитник (г. Москва): П.22, 25 #
 Соколецкий Леонид — физик: 20 #
 Соколов Георгий (он же — «мастер Гоша») — сменный мастер, потом — старший мастер: 12, 14, 15
 Соколов Эльмар В. — социолог, философ: П.13, 25 #
 Сопинатов Анатолий Г. — слесарь-механик: 11, П.12 #
 Соловейчик Александр М. — начальник цеха, потом — зам. директора объединения по производству: 12, 18, 21
 Соловьев — следователь: 15 #
 Соловьев Юрий Ф. — первый секретарь обкома КПСС: 14, 15, 19, 21 *
 Соломенцев Михаил С. — председатель КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
 Сорокин Питирим А. — русско-американский социолог: П.23 #
 Соснин Анатолий С. (он же — «Невельцев») — писатель, кинодраматург: 17, 20, 23, 25, П.25 #
 Спасов Осип — писатель, публицист: 19
 Стариков Владимир А. — сотрудник УКГБ ЛО: 17

Старовойтова Галина В. — этносоциолог, депутат Госдумы РФ (г. Москва): П.22, 24
 Старовойтова Ольга В. — президент Фонда Г. Старовойтовой: 19, П.13, 19, П.22, 24 #
 Стародубцев Н. А. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
 Столович Леонид Н. — философ (г. Тарту): 24 #
 Страхов Кирилл А. — историк: П.19
 Стрельцов — слесарь: 15
 Стрельцов В. Е. — первый секретарь райкома КПСС (г. Верхнеднепровск, Украина): 17
 Стругацкий Борис Н. — писатель: 20 #
 Стругач — следователь: 15
 Струженцов Дмитрий И. — журналист: 14 *
 Стукалов Юрий П. — председатель профкома объединения: 14, 16, 18
 Сунгуров Александр Ю. — биолог, политолог: 18, 19 #
 Сыщевич Анатолий В. (он же — А. С., «Толик», «Бугор», «Капитан») — бригадир слесарей: 12, 14, 15, 16, 18 #
 Тарканов В. — техник: 21 #
 Тархова Л. — журналист (г. Москва): 17 #
 Татарникова В. — журналист: 21 #
 Темкина Анна А. — социолог: 13, 19 #
 Терехова Валентина С. — участник демократического движения: 19
 Тимофеев — фрезеровщик: 14
 Тимофеев В. В. — народный заседатель районного суда (г. Москва): 13
 Тихонов Александр В. (он же — «Октябрь») — социолог: 11, 13, П.13, 25 #
 Толоконцев Николай А. — эколог, зам. директора института: 14
 Толстова Нина — инженер-технолог, член партбюро цеха: 14, 15
 Толстой Михаил Н. — физик, народный депутат РСФСР: 19, 21
 Тощенко Жан Т. — социолог (г. Москва): 13
 Травин Дмитрий Я. — экономист, политолог, журналист: П.25 #
 Травин Игорь И. — социолог: 13, 14, 15 #
 Трегуб Николай (г. Калининград): 21 *
 Трусов — рабочий: 14
 Трубников Георгий И. — научный работник: 20, 21 #
 Тукумцев Будимир Г. — социолог (г. Самара): П.13, 14 *
 Тульчинский Григорий Л. — философ: 0 #
 Турен Ален — французский социолог: П.23 #
 Тюрин Н. Г. — журналист (г. Москва): 17, 19
 Тягушев Виктор М. — рабочий-электрик (не «Ленполиграфмаш»): 16, 17, 19, П.19, 21 #
 Урбан Андрей — писатель: 20 #
 Ухтомский Алексей А. — физиолог, мыслитель: 0, П.22, 23, П.23, 24 #
 Фадеева Г. — переводчик, сотрудник ОКБ: 21 #
 Файбушевич Сергей И. — социолог: 13, 15, 19 #
 Фатеев Анатолий М. — секретарь обкома КПСС, член ЦРК КПСС: 15, 16
 Федоров И. Ф. — рабочий: 21
 Федосеев А. А. — политолог: 13
 Федотова А. П. — социолог (г. Москва): 21
 Фетисов Михаил — шлифовщик, член цехкома: 14
 Филиппов Петр С. — экономист, журналист: 19, 21 #
 Филипсон Майкл — английский социолог: П.23 #
 Филмер Пол — английский социолог: 11, П.23 #

Фирсов Борис М. — социолог: П.11, 13, П.13, 14, 17, 21, 22, П.22 #
Фирсова Мария — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Фирсова Софья М. — экономист: 25 #
Фоняков Илья О. — журналист, поэт: 17, 19 #
Фролов В. И. — секретарь райкома КПСС: 19
Фролов Ю. В. — преподаватель: 21 #
Харин — инструктор горкома КПСС: 13
Харитонов В. С. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»): 20 #
Харитонов Олег М. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 19 #
Харькова Нина Н. (она же — «Н. Николаева») — журналист, редактор заводской газеты: 14, 19, 21 #
Хлопьев А. Т. — инструктор ЦК КПСС: 13
Хмара Генрида И. — социолог: 13 #*
Хмелько Валерий Е. — социолог (г. Киев): 13, П.13, 15 #
Ходоровская Ульяна — студентка Киево-Могилянской академии (г. Киев): 0 #
Ходырев В. Я. — председатель Ленгорисполкома: 20, 21 #
Хохряков Борис А. — оптик-механик: 18, 19, 21 #
Цветаева Нина Н. — социолог: 13 #
Цепилова Ольга Д. — социолог: 13, П.13 #
Цеханович Андрей В. — журналист: 19 #
Цирлин Б. С. — сотрудник ИСЭП АН СССР: 13 #
Цфас Н. — переводчик, сотрудник ОКБ: 21 #
Пышкин Г. А. — начальник Управления кадров АН СССР: 13
Чевкина Екатерина М. — филолог (г. Москва): П.16 #
Червяков Александр П. — токарь, зам. секретаря, потом — секретарь партбюро цеха: 11, 16
Червяков В. В. — член клуба «Перестройка»: 19 #
Черейский Владимир Л. — социолог: 13 #
Черемин Виктор А. — начальник приемной УКГБ ЛО: 17
Чернов Андрей Ю. — поэт, журналист: 0, 17, 19, П.19, П.22 #
Черняков Ю. — журналист (г. Москва): 17 #
Чесноков Сергей В. — социолог, математик, музыкант (г. Москва): 13, 23 #
Чеснокова Валентина Ф. (она же — «Никита Боголюбский») — социолог (г. Москва): 25 #
Четкарев В. (он же «Ксенофонов») — журналист: 14, 16, П.16, 22
Чичеров В. С. — рабочий (не «Ленполиграфмаш»), член ЦК КПСС: 19
Чулаки Михаил М. — писатель: 19, 20, 21 #
Шаблинский Илья Г. — юрист (г. Москва): 11
Шадрин А. П. — инструктор КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 14
Шапкин А. — слесарь: 15 #
Шаркова Е. — секретарь правления ЛО СЖ: 17 #
Шарыгин Е. В. — заместитель прокурора города: 15 # *
Шахматов Николай (он же — Н. Ш.) — старший механик цеха: 12
Шевцова Лилия — политолог (г. Москва): П.21 #
Шейнис Виктор Л. — экономист (г. Москва): П.13, 24 #
Шелищ Петр Б. — социолог: 13, 14, 15, 19, 21, 22 #
Шефнер Вадим С. — поэт: 20 #
Широких В. — инженер ОАСУ: 21 22. #
Шифрин Борис Ф. — математик, культуролог, философ: 24
Шкаратан Овсей И. — социолог (г. Москва): П.13

Шрейдер Юлий А. — математик, философ (г. Москва): 0, В3
Шубкин Владимир Н. — социолог (г. Москва): П.13, 23 #
Шустрова Нина Я. — экономист: 23, 25 #
Шеголев Юрий А. (он же — «Ландыш») — социолог, рабочий: 0, 11, П.22, 23, 25, П.25 #
Шекин В. Д. — секретарь парткома объединения: 11, 22 #
Щербаков Николай Ю. — социолог: 11
Ющенко Александр Н. (он же — «Беломор») — социолог: 0, 13, 15, 19, П.19, 25 #
Юфимец Владимир И. — наладчик, председатель СТК цеха: 14, 18, 21 #
Ядов Владимир А. — социолог: 11, 13, П.13, 14, 16, 17, 22, П.25 #*
Яковлев Александр Н. — секретарь ЦК КПСС: 15, П.16, 20, П.21 #*
Яковлев Игорь П. — социолог: 13
Якубсон Феликс И. — кинодокументалист: 19
Яновский Рудольф Г. — заведующий отделом науки ЦК КПСС (г. Москва): 13 *
Ярош Николай А. — сменный мастер, потом — старший мастер, потом — зам. начальника цеха, потом — начальник цеха: 12, 14, 15, 16, 17, 22
Ярошинская Алла А. — журналист, народный депутат СССР (г. Житомир, Украина): 16, П.17 #*

* * *

... Помимо общей работы, помимо времени, которое все фильтрует и промывает, еще есть индивидуальная надежда. Она вот в чем. Никто не может дать гарантии, что не его слово окажется решающим, когда исполнятся сроки и понадобится последнее прикосновение, последняя пушинка на весах, чтобы воспрянул род людской. Поэтому работа должна быть сделана и продолжена...

М. Анчаров (Цит. по: М. Анчаров. Самшитовый лес. Роман, повести. М.: АСТ-ПРЕСС, 1994, с. 133)

Глава без номера (между 10-й и 11-й). Пролегомены

0.1. Так что же такое — драматическая социология?

[Ниже — несколько извлечений из первых двух томов книги, вышедших ранее. Данный раздел адресован преимущественно тем читателям, кто не знаком с этими томами. — А. А.]

<...> Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его и собрать обратно.

Познавательный эффект действия не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, **что обстоятельства делают с человеком**, куда менее интересная, чем проблема, **что человек может сделать с обстоятельствами**. <...> (1980)

* * *

<...> Жизненный эксперимент, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой!) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет правозащитное движение). Или же мотивы психологические (поиск новизны, «испытание себя»), мотивы экзистенциальные (типа — «жить в ладу с собой»). Реже встречается собственно-исследовательская мотивация эксперимента «на самом себе».

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 70—80-х гг., вовсе не был явлением исключительным и среди социологов. Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов: Ю. А. Щеголев, А. А. Кетегат и С. М. Розет (ныне покойный), — в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем- или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими. (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора). Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессионально-исследовательский мотив. <...> (1997)

* * *

<...> Принято различать социологическую теорию и социологическую эмпирию... Представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое действие. Я имею в виду вовсе не набор «практических

рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — познающее действие, **познание через действие**, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее...» <...> (1987)

* * *

<...> Итак, познание через действие... Разумеется, эта формула — всего лишь одно из выражений фундаментальной эпистемологической идеи, восходящей еще к античности. Но особенно актуализировалась эта идея в последние десятилетия. Нашим собственным вкладом и научно-научным применением столь общего тезиса (в рамках социологической науки) является, по-видимому, то, что в книге названо **наблюдающим участием** (в отличие от традиционного метода включенного или участвующего наблюдения).

<...> Наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом **моделирующих ситуаций**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса. (2002)

* * *

<...> Но почему же все-таки «драматическая социология», а не социология действия, скажем, или не экспериментальная социология (термин, использовавшийся нами поначалу)?

Дело в том, что с известным исследовательским направлением — «социология действия» (А. Турен) — автор настоящей книги себя соотносит, однако не отождествляет <...>. Что же касается второго определения, то его можно адресовать к любой форме натурального эксперимента в социологии, лишь частным случаем которого является описанный здесь.

Термин **драматическая социология**, на наш взгляд, лучше отвечает заявленному выше исследовательскому кредо («познание через действие»), а также — тому соединению **практической деятельности, рефлексии и «игры»** с социальным объектом, которое в данном случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»).

Эксперимент социолога-рабочего в известном смысле был театральным действием с познавательной сверхзадачей. Говоря: «Театр жизни на

заводских подмостках» (название одной из глав этой книги), — хотелось бы быть понятным не только в метафорическом смысле.

<...> Конечно, в предлагаемом термине можно усмотреть прямой или косвенный намек на возможность «драматического» развития событий в ходе и/или вследствие эксперимента и драматизма судьбы самого социолога-испытателя. Не станем открещиваться от такого эмоционально-смыслового оттенка. Однако укажем на его вторичность и необязательность. <...> (2002)

* * *

<...> В этой социологической драме около 500 «действующих лиц». <...> Некоторые из действующих лиц часто появляются на сцене, занимают в книге весьма значительное место. Однако ключевой фигурой, главным действующим лицом оказывается все же... сам автор! Отважусь утверждать, что такой относительный **эгоцентризм** здесь оправдан.

Дело в том, что речь в настоящей книге идет преимущественно не о времени, и не о себе, а о «времени в себе» и о «себе во времени». В той мере, в какой главному герою удалось (случилось?) воплотить в своей жизненной и профессиональной практике конкретное историческое время, с одной стороны, а с другой — реализовать себя в этом времени, данное произведение оказывается и смыслонесущим и, может быть, даже поучительным.

Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не «коррида» социолога-гореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая «своя» жизнь** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, «думания» и «делания» (Гете).¹ <...> (1997-2002)

* * *

<...> Жизнь человека задана объективно, и вместе с тем это — продукт его житнетворчества. В процессе жизни человек духовно и практически (духовно-практически!) реализует себя, осуществляет свое «самостояние» (выражение А. С. Пушкина). В известном смысле всякая жизнь есть «эксперимент на себе» — в той мере, в какой человек сознательно строит ее, а не только «проживает», в какой он принимает ответственны и судьбоносные для себя решения.

<...> Нам представляется, что в социологическом плане жизнь можно трактовать как поэтапный процесс самоосуществления человека в его взаимодействии с социальной средой. При этом в центр анализа жизненного пути выдвигается вопрос о **соотношении индивидуальной свободы и зависимости от внешних обстоятельств**. Это соотношение различно

¹ Из Гете: «Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и, как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...».

у разных людей, не стабильно оно и на протяжении жизни одного человека, наконец, не одинаково — в один и тот же жизненный период — в различных сферах жизнедеятельности. <...> (2002)

* * *

<...> А нельзя ли попробовать сделать **собственную** жизнь (всю совокупность внутренних процессов и внешних жизнепроявлений) объектом своего рода включенного наблюдения? Назовем этот нестандартный случай — когда социальный исследователь ставит самого себя (или другого человека, согласившегося на такой способ самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни, — **социологической ауторефлексией**.

Первым шагом к осуществлению этого (поначалу смутного!) замысла для автора этих строк была попытка ведения «протоколов жизни». (Протокол жизни — вариант дневника, но с особой, социологической сверхзадачей). <...> При этом личная жизненная практика стала трактоваться как своего рода «полевой этап» нетрадиционного социологического исследования, где профессиональный эксперимент становится экспериментом жизненным, и наоборот.

Способ исследования, обозначенный нами выше как социологическая ауторефлексия, в принципе, может использовать весь методический арсенал эмпирической социологии, включая эксперимент. <...> (2002)

* * *

<...> Особый методологический интерес представляет вопрос о **соотношении** драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря их отождествления <...>. Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

<...> В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии, существенным является выяснение **границ свободы** индивидуального социального поведения. Однако <...> здесь вероятна определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а — «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря — приоритетное внимание к адаптивным («приспособление **себя** к...»), а не адаптационным («приспособление **к себе**...») возможностям и способностям человека.

Попробуем обобщить: если формулой драматической социологии является **познание действием** (по выражению А. Н. Ющенко), то социологическая ауторефлексия есть, в определенном смысле, **самопознание деятеля**. <...> (2002)

* * *

<...> Принято считать, что именно поколение шестидесятников подготовило «перестройку» 80-х гг. Однако очень разнообразны его типы...

В поисках самоопределения, я колебался между названиями: «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. При том, что взгляды и позиция субъекта в течение десятилетий не могли не меняться, трудно, читая эти тексты, не обратить внимание на замедленность идейно-духовной эволюции. В конце концов, я остановился на названии: «дурной шестидесятник» (подсказано моим другом Андреем Черновым).

Критерии смещаются — и не только в общественном, но и в индивидуальном сознании. И уж если судить, то по гамбургскому счету!

Когда-то любимым изречением автора было: «**Все, что случается с человеком, похоже на него самого**». Потом: «**Мир погибнет, если я остановлюсь!**». Теперь воспользуюсь собственным: «**Суди себя сам!**» <...> (1991)

* * *

<...> И вот теперь, когда главный сюжет книги (эксперимент социолога-рабочего и т. п.) помещен в более широкий биографический и исторический контекст (панорама и ретроспектива!), оказывается, что сам этот сюжет дает повод для неожиданного социологического прочтения.

Там, где «социологу-наладчику» в его профессионально-жизненном эксперименте прежде мнились, по преимуществу: **жизнетворчество**, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила проступают также и... характерные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодетальная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода **выживания**, «вынужденной инициативы», предстоящей уже не только тактикой социального поведения, но и жизненной стратегией!

Хочется думать, что читатель согласится с нижеследующим выношенным (взвешенным) выводом:

— По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного «подвижничества» (как это квалифицируется в некоторых «версиях» эксперимента социолога-рабочего, относящихся к рубежу 80-х — 90-х гг., в частности, в цитируемых в книге газетно-журнальных публикациях «перестроечного» времени), а всего лишь... как **ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека**. Причем ключевые смысло-жизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка, в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора неразрешимыми.

Ответы на эти вопросы тогда так и остались за чертой «социального горизонта», и, соответственно, они оказались неподъемными для аналитических, эмоциональных и интуитивистских способностей субъекта (постановщика «социологической драмы»).

Для такого «суда над самим собой» социологу-испытателю, как и многим его ровесникам, понадобилось, как видно, пережить («прожить дольше, чем...») **свое время**. То время, которое нас (мое поколение) сформировало. Что ж, врачу — исцелился сам, по крайней мере — умей поставить себе диагноз! <...> (2002)

* * *

<...> Так какая же книга предлагается вниманию профессионально (но и не только!) читателя?

— Не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая... Отчасти — «летопись» (будь то собственной жизни, будь то запуска координатно-револьверного пресса); отчасти — «анекдоты» (давнего и недавнего времени); отчасти — «приключения духа» (своего, и не только своего, имея в виду собеседников и соавторов, предшественников и современников).

Не история, не философия, не социология! Хотя, в известной мере, и то, и другое, и третье... Можно, конечно, усмотреть тут и журналистику, документальную публицистику. (Когда-то, давно, автор был журналистом). Но для публицистики эта книга, пожалуй, все же слишком «тяжеловесна».

...Так или иначе, книга все же написана **социологом**. От своей профессиональной принадлежности не отрекаемся! В давних спорах о том, что же такое социология, было и такое остроумное определение: «Социология — это то, чем занимаются социологи». <...> (2002)

* * *

<...> Читатель может рассматривать этот труд: и как своего рода **отчет** о проведенном в 1980-1988 гг. натурном эксперименте на одном из ленинградских заводов; и как «неклассическое» исследование **реалий** общественной жизни последних лет «застойного» и первых лет «перестроечного» периода; и как синхронный описываемым событиям **самоанализ**, рефлексии человека, выросшего и действовавшего в советскую эпоху (и несущего в себе разнообразные ее отпечатки). <...> (1997-2002)²

* * *

[Здесь и далее — в данной главе — будут представлены извлечения из работ ряда российских философов, социологов, психологов, культурологов (с некоторыми из них мне довелось близко сотрудничать; с иными лично не знаком), которые разрабатывают проблематику, интересующую также и ав-

² Автоцитаты взяты преимущественно из «Предисловия», открывающего собой том I настоящей книги. См. также: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ Института социологии РАН, 1997.

тора этой книги, ставят вопросы, которыми задавался и он, предлагают решения, которые кажутся ему удачными, верными, эвристичными. — А. А.]

0.2. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования

[Ниже — фрагмент одноименной статьи Игоря Семеновича Кона, впервые опубликованной в сборнике: *Человек в системе наук. М., 1989.* — А. А.]

<...> Чем шире круг подвергающихся анализу деятельности и отношений, тем меньше индивидуальная биография походит на циклический процесс. Даже если каждый отдельный ее аспект или компонент может быть концептуализирован как некоторый цикл («биологический жизненный цикл», «семейный цикл», «цикл профессиональной карьеры»), биография в целом представляется многомерной, подчиненной нескольким разным, несводимым друг к другу ритмам. Это побуждает ученых рассматривать человеческую жизнь не как сумму вариаций на заданную тему, а как открытую систему, как историю, в которой наряду с определенными инвариантами есть пробы, гипотезы, проблемы, перемены и т. п. [Здесь и далее выделено мною. — А. А.]

Наиболее емкий и употребительный термин для описания этого — «жизненный путь». Понятие жизненного пути отличается от «жизненного цикла» прежде всего многомерностью, тем, что оно предполагает множество разных тенденций и линий развития в пределах одной и той же биографии, причем эти линии одновременно автономны и взаимосвязаны. В основе его периодизации — не линейные, раз и навсегда определенные фазы, а конкретные жизненные события. Время, последовательность и способ осуществления любого жизненного события, будь то вступление в брак или выход на пенсию, не менее важны, чем сам факт, что данное событие имело место.

Это требует сочетания социологического, психологического и исторического анализа.

Раньше психологи изучали процессы индивидуального развития так, как если бы они совершались в неизменном социальном мире, а историки и социологи прослеживали изменения в социальном мире без учета перемен в содержании и структуре жизненного пути индивида. Эти две точки зрения — «изменяющийся индивид в неизменном мире» и «изменяющийся мир при неизменных индивидах» — признавались взаимодополнительными, но практически не совмещались. Сегодня ясно, что нужно изучать развитие индивида в изменяющемся мире. В свете этой новой теоретической перспективы возрастные различия не просто следствие универсальных этапов онтогенеза, а результат сложного переплетения траекторий индивидуального психического развития, общественно-производственной, трудовой карьеры и брачно-семейного цикла. Поскольку

каждая из этих линий относительно автономна, жизненный путь, как и онтогенез, подчинен закону гетерохронности. Поворотные пункты и переходы в психическом развитии, трудовой карьере и семейной жизни могут хронологически не совпадать. Но такая асинхрония имеет определенные, социально и исторически обусловленные пределы. Это обязывает исследователя жизненного пути, во-первых, синхронизировать фазы индивидуального психосоциального развития личности с ее трудовыми и семейными переходами; во-вторых, проследить взаимодействие этих разных переходов в системе жизненного пути; в-третьих, учитывать кумулятивное воздействие предшествующих переходов на последующие.

Таким образом, содержательная характеристика процессов, свойств и стадий индивидуального развития возможна либо в системе онтогенеза, либо в системе жизненного цикла, либо в системе жизненного пути. Однако эти системы не рядоположны: **жизненный путь личности включает в себя жизненный цикл индивида, а этот, в свою очередь, включает онтогенез.** Относительно и само различие «биологических» и «социальных» процессов и свойств. Хотя процессы роста, созревания и старения организма автономны от процессов усвоения, выполнения и оставления личностью определенных наборов социальных ролей, главные психические процессы и свойства являются интегративными и не поддаются дихотомизации на биологические и социальные.

Историко-социологическое изучение жизненного пути и его компонентов не отрицает онтогенетический инвариант развития индивида. Но оно проясняет и подчеркивает **ведущую роль, которую играют во взаимодействии биологического и социального исторические условия.** Ничто не может изменить инвариантную последовательность циклов детства, взрослости и старости. Но длительность и содержание каждого из них зависят от социальных факторов. Причем эта зависимость имеет не только количественный, что наглядно видно при изучении динамики продолжительности жизни или процессов акселерации, но и качественный характер.

Современная наука уделяет особенно много внимания проблеме качественных сдвигов, скачков в развитии. В биологии и психофизиологии это так называемые критические периоды, когда организм отличается повышенной сензитивностью (чувствительностью) к определенным внешним или/и внутренним факторам, воздействия которых именно в данной (и никакой другой) точке развития имеют особенно важные, необратимые последствия.

В социологии и других общественных науках этому соответствует понятие «социальный переход» индивида или группы людей из одного социального состояния в другое (например, из детства в отрочество или из категории учащихся в категорию работающих). Специфически этнографический аспект данной проблемы — обряды перехода (rites de passage) и их особый частный случай — инициации.

Поскольку критические периоды и социальные переходы обычно сопровождаются какой-то, иногда болезненной психологической перестройкой, психология развития (в частности, Э. Эриксон) выработала особое понятие «возрастных кризисов», или «**нормативных кризисов развития**». Слово «кризис» подчеркивает момент нарушения равновесия, появления новых потребностей в перестройке мотивационной сферы личности, но поскольку в данной фазе развития подобное состояние статистически нормально, то и кризисы эти называются «нормативными».

Зная соответствующие биологические и социальные законы, можно достаточно точно предсказать, когда, в каком среднем возрасте средний индивид данного общества столкнется с теми или иными проблемами, как эти проблемы связаны друг с другом, от каких сопутствующих факторов зависит глубина и длительность соответствующего нормативного кризиса и каковы типичные варианты его разрешения.

Но если нас интересует не структура жизненного пути среднестатистического индивида, а биография индивидуальной личности, объективные данные придется дополнить субъективными. **Поворотными пунктами индивидуального развития могут быть любые жизненные события** (случайно прочитанная книга, встреча с интересным человеком), которые по тем или иным причинам оказались для данной личности важными, судьбоносными. **Проясняется это лишь в ретроспективе**, поэтому любая биография индивидуальна и в какой-то степени субъективна.

Критические (сензитивные) периоды, социальные переходы, нормативные возрастные кризисы и индивидуальные жизненные события несводимы друг к другу и в то же время взаимосвязаны.

Ни одно психофизиологическое или социально-психологическое событие жизни индивида не может быть понято, если не соотнести его с:

а) хронологическим возрастом индивида в момент совершения данного события;

б) когортной принадлежностью индивида, определяемой датой его рождения;

в) исторической эпохой и календарной датой этого события. Далеко не одно и то же, женился человек в 18 или 30 лет; соответствовал ли возраст его женитьбы среднестатистическим для данного поколения нормам и в какой исторической ситуации произошло это событие...

Мультидисциплинарный подход к изучению развития человека, сочетающий данные биологии, социологии и психологии, убедительно показывает, что:

1) ни процесс, ни конечный результат развития человека нельзя считать однонаправленными, ведущими к одному и тому же конечному состоянию;

2) человек развивается от зачатия до смерти, причем пластичность, способность к изменению, хотя и в разной степени, сохраняется на всем протяжении жизненного пути. Развитие человека не ограничивается каким-то одним периодом жизни. Разные процессы развития могут начи-

наться, продолжаться и заканчиваться в разные моменты жизни, причем эти субпроцессы не обязательно протекают одинаково по одним и тем же принципам;

3) разные люди развиваются крайне не одинаково, это порождает множество биосоциальных, классовых и индивидуальных различий;

4) развитие в разных сферах жизнедеятельности детерминировано множественными факторами, которые не сводятся к одной единственной системе влияний. Развитие не является ни простым процессом биологического созревания, развертывания чего-то изначально заложенного, ни простым следствием воспитания и научения;

5) человеческая индивидуальность не только продукт, но и субъект, творец своего собственного развития. Чтобы понять ее жизненный путь, необходимо учитывать множество социально неструктурированных, случайных жизненных событий, ситуаций и кризисов, а также тех способов, которыми сама личность разрешает возникающие перед нею задачи.

(Цит. по: И. С. Кон. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования / Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., М., Харьков, Минск: Питер, 2000, с. 274-279)

0.3. О жизненной позиции, жизненной линии и жизненной стратегии

[Ниже — извлечения из книги К. А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» (М., 1991). — А. А.]

<...> Исходной остается зависимость личности от объективных характеристик жизнедеятельности как общественного процесса. Но личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в определенных пределах **позицию и линию** своей жизни.

<...> Разные люди в разной степени являются субъектами жизни, поскольку они в разной степени стремятся и могут реально организовывать свою жизнь как целое, соединить ее отдельные планы, сферы, выделить главное направление. <...> Современная общественная жизнь предъявляет человеку множество не связанных друг с другом требований, он все время оказывается в разных ситуациях, которые так или иначе требуют от него если не участия, то присутствия. Способность к организации жизни и заключается в том, чтобы не поддаться этому жизненному потоку, не захлебнуться в нем, забыв о собственных целях, задачах.

<...> Люди различаются как раз по степени влияния на ход собственной жизни, овладения многочисленными жизненными ситуациями,

которые могут «раздробить» человека на не связанные друг с другом части.

<...> Типы активности человека — это характерные для него способы соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни, превращения их в движущие силы своей жизни. Можно проследить, как у одних эти тенденции совпадают (целиком или частично), поддерживают друг друга, у других оказываются разобщенными. Одни преимущественно опираются на социально-психологические тенденции, т. е. окружающих людей, используя социальные ситуации; другие — на внутренние возможности, рассчитывают на свои силы в жизни, действуют самостоятельно; третьи оптимальным образом соединяют внешние обстоятельства и внутренние тенденции; четвертые постоянно решают противоречия между ними. При всех условиях эта типология раскрывает не просто свойства каждого характера, психические особенности личности. Она в первую очередь позволяет сопоставить особенности, способ жизненного движения личности, выявить способность к решению жизненных противоречий. <...>

<...> Все перечисленные способности к организации жизни, к решению ее противоречий, к построению ценностных отношений мы называем **жизненной позицией**, которая является **особым жизненным** и **личностным образованием**. Способ самоопределения личности в жизни, обобщенный на основе ее жизненных ценностей и отвечающий основным потребностям личности можно назвать **жизненной позицией**. Она представляет собой результат взаимодействия личности с ее собственной жизнью, ее личностное достижение. Будучи таким результатом, жизненная позиция начинает определять и все последующие жизненные направленности личности. Она становится потенциалом ее развития, совокупностью ее объективных и субъективных возможностей, открывающихся именно на основе занятой человеком позиции, своеобразной опорой, крепостью.

В 70-е годы в общественно-политической литературе появилось понятие активной жизненной позиции. Социологи попытались определить это понятие через совокупность ролей, которые осуществляет личность в жизни, но этим обозначением не раскрывается, как личность реализует свои жизненные роли (важно не только то, что женщина — мать, но какая она мать, что человек — педагог, но какой он педагог и т. д. <...>). На наш взгляд, **жизненная позиция личности — это совокупность ее отношений к жизни** [здесь и далее выделено мною. — А. А.].

<...> Жизненная позиция личности может быть определена и через ее активность, но тогда важно не только раскрыть активность как психологическую особенность самой личности и ее сознания, но и показать, как она реализовала свои возможности, способности, свое

сознание в своей жизненной позиции. Речь идет о том, насколько она применила свои способности, в какой мере сознательно она живет.

<...> Жизненная позиция — это **не только жизненные отношения, но и способ их реализации**, отвечающий (или не отвечающий) потребностям, ценностям личности. Человек может иметь активные жизненные устремления, высокие нравственные ценности, но способ организации жизни (иногда неумение, иногда страх, иногда пассивность в реализации) может противоречить этим исходным «добрым намерениям», его жизненная позиция оказывается не соответствующей этим стремлениям, потребностям. Тогда он или начинает оправдывать себя в своих же глазах, или пытается изменить такую позицию.

<...> Жизненная позиция — это выработанный личностью при данных условиях способ своей общественной жизни, место в профессии, способ самовыражения. В отличие от субъективных отношений (смысла, картины и даже концепции жизни) жизненная позиция — это совокупность реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации, который и определяет дальнейший ход жизни.

<...> Жизненная позиция — это определенное сложившееся образование, имеющее свою относительно фиксированную структуру, что не исключает ее изменчивости, возможности развития. Жизненная позиция может быть охарактеризована на разном уровне конкретности, начиная от эмпирически-описательного и кончая сущностно-абстрактным. Важную ее характеристику составляют жизненные противоречия, которые в результате такой или иной позиции или обостряются, или сглаживаются.

<...> Реализацию жизненной позиции во времени и в обстоятельствах жизни, соответствующую динамическим характеристикам жизненного пути, можно назвать **жизненной линией**. Такая линия — типичный для данной личности способ изменения во времени, в изменяющихся жизненных обстоятельствах. Жизненная линия — это определенная последовательность (или непоследовательность) личности в проведении, реализации своей жизненной позиции, верность себе, своим жизненным принципам и отношениям в изменяющихся обстоятельствах.

<...> Вмешательство личности в ход жизни, композиция ею своих жизненных отношений (противоречивая или гармоничная по отношению друг к другу) порождают внутрилличностные и социально-психологические противоречия. В качестве основания для классификации противоречий жизненного пути необходимо определить способ организации личностью жизни, т. е. **жизненную позицию** личности, и способ проведения этой позиции во времени и в обстоятельствах жизни — **жизненную линию**. Для характеристики

личности как субъекта жизни чрезвычайно важен выбираемый ею способ разрешения противоречий.

<...> Способ решения жизненных противоречий (конструктивный, смелый, пассивный) характеризует социально-психологическую и личностную зрелость человека. Последняя проявляется в умении соединить свои индивидуальные особенности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания, с требованиями общества, окружающих. Способность осуществить это соединение мы определяем как **жизненную стратегию** [выделено автором. — А. А.]. <...>

(К. А. Абульханова-Славская. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991, с. 39-42, 44-49, 50-53, 67)³

0.4. Из истории биографического метода в психологии и социологии

[Ниже — извлечение из книги А. Л. Валевского «Основания биографики» (Киев, 1993). — А. А.]

<...> Для современного социального и гуманитарного познания характерен интерес к феномену индивидуальности, понятой не в узком антропологическом смысле, т. е. как синонима уникальности отдельного индивида. Речь идет о стремлении реконструировать социальную реальность как ансамбль индивидуальных и автономных структур в своей совокупности составляющих индивидуальный облик личности. <...> Индикатором этого процесса является формирование теоретической ориентации на реконструкцию «жизненного пути» личности. Условно формирование этой ориентации обозначается через три этапа. Первый охватывает период приблизительно с 1920 г. до второй мировой войны и знаменуется выходом в свет фундаментального исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», где на основании личных документов и жизненных историй представлены оценки социальных и исторических событий с точки зрения их участников. К этому же периоду относится и развитие психоаналитической биографии, правда, в духе использования формальных психоаналитических процедур.⁴ В психологии Маррей создает персоналистскую концепцию, в которой имплицитно присутствует интерес к биографии личности. Маррей утверждает, что

«...жизненный цикл отдельного индивида должен быть понят в психологии как продолжительное единство... История организма и есть сам организм, и это предположение требует биографических исследований» (Цит. по: [1], р. 10).

³ См. также: Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973; Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980; Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.

⁴ Подробнее очерк истории развития психоаналитического движения см.: [1], р. 193-195. (Здесь и далее — примечания А. В.).

Значительное влияние на формирование биографического подхода в современной психологии оказал Гордон Оллпорт. В своей автобиографии он говорит, что через всю его интеллектуальную карьеру проходит основной вопрос «как возможно написать психологическую историю жизни?». Оллпорт более всего известен концепцией интерпретации личных документов, он сформулировал 38 правил, которые могут быть использованы для анализа истории жизни.⁵ К описываемому периоду также относятся работы Ш. Бюлер «Человеческая жизнь как психологическая проблема» (1933 г.) и Дж. Долларда «Критерий истории жизни» (1935 г.). Второй период, приблизительно со второй мировой войны и до середины 60-х годов, отличается значительным падением интереса в исследовании индивидуальной истории жизни. Тем не менее третий период (середина 60-х годов до настоящего времени) отмечен резким возрастанием интереса к изучению индивидуальной истории жизни прежде всего в таких областях, как возрастная психология, становление социологического, демографического и исторического подходов в изучении жизненного пути, возрастная социология, возрастная стратификация, социальная мобильность, процесс социализации, психологические исследования биографических данных, изучение устной истории и т. д. ([1], р. 11-12). Конец 70-х — начало 80-х годов отмечены стремлением на теоретическом уровне представить концепцию индивидуального развития, используя накопленный эмпирический материал. В этом плане необходимо отметить концепцию Ю. Бронфенбреннера «Экологии человеческого развития», возникшую как альтернатива экспериментальному позитивизму в возрастной психологии [3]. Под экологией человеческого развития здесь понимается взаимодействие между активным растущим человеком и изменяющимися свойствами непосредственных (а также опосредованных) условий, в которых живет развивающаяся личность. Цель этой программы — создать такую модель развития личности (или структуру моделей), которая смогла бы преодолеть основной порок предшествующих концепций, где индивидуальность либо изымалась из контекста развития, либо уделялось гипертрофированное

⁵ За неимением возможности проанализировать их полностью мы приводим эти базисные правила в интерпретации Д.Гаррати. Думается, что это бесполезно для уяснения читателем уровня и характера методологического сознания биографии описываемого периода: 1) цель, ради которой пишется жизненная история, должна быть ясна автору и читателю; 2) все источники данных должны быть точно определены; 3) должна быть достигнута полнота информации путем разбора неясностей в конечном варианте текста биографии, это предпочтительнее, чем эти неясности замолчать; 4) все авторские утверждения относительно объективных ситуаций персонажа должны быть проверены с помощью независимых источников настолько достоверно, насколько это возможно; 5) необходимо интенсивно использовать собственный язык биографического персонажа в описании субъективного опыта и его/ее понимания главных жизненных событий; 6) утверждения, касающиеся личностных характеристик, должны следовать за соответствующими иллюстрациями, какие их конкретизируют; 7) избегать чего-либо, не относящегося к делу, ненужных повторений, стараться достичь максимальной краткости ([1], р. 155). Любопытно отметить, что эти правила не были опубликованы Оллпортом. В конце своей жизни Г. Оллпорт делает следующую запись: «Все же я не знаю, как психологическая история жизни должна быть написана» ([1], р. 155). Интеллектуальные усилия Оллпорта примечательны тем, что здесь методологическое сознание биографии отказывается от функции know how, от формулирования прагматических рецептов. Перечисленные правила есть реконструкция историка и теоретика биографического жанра Д.Гаррати ([2], р. 254-256).

внимание к самому контексту развития. Бронфенбреннер постулирует 14 дефиниций и 50 рабочих гипотез, предназначенных для описания систем от микро- до макроуровня, являющихся средой развития личности. Проект, как заявлено в одной из последних работ, ставит своей программой сформулировать целостные «личностно-процессуально-контекстуальные модели» (Person — Process — Context — Models) ([4], p. 287-309) экологии человеческого развития. Хотя проект еще не реализован, однако по своим интенциям он представляет собой попытку радикально изменить действующие парадигмы научного познания человека.

Психобиография — одно из наиболее распространенных и развитых ответвлений современного биографического письма. Современная психобиография служит своеобразным преемником психоаналитической традиции с той существенной отличительной чертой, что в ней отрицается применение формальных психоаналитических процедур.

«Психобиография есть систематическое использование психологической (в особенности персоналистской) теории для трансформации жизни в последовательный и разъясняющий рассказ» ([5], p. 2).

Современная психобиография — это мощное научное течение с развитым понятийным и категориальным аппаратом.⁶ Для современной психобиографии характерно увеличение числа методологических изысканий, ориентированных на понятие нарратива.

«Этот рост несомненно связан с распространением на социальные науки различных герменевтических подходов, каждый из которых в конечном счете конструирует человеческую жизнь и социальные феномены как тексты, нуждающиеся в интерпретации», — говорит МакАдамс ([5], p. 3).⁷

Наиболее обсуждаемой на сегодняшний день является теория почерка Томкинса. Базисными понятиями этой теории выступают понятия «сцены» и «почерка». Томкинс использует метафору личности как драматурга, создающего драму собственной жизни и тем самым определяющего ее смысл. Индивидуальность — особый почерк или скрипт (script) жизни. Личность в зависимости от своей судьбы способна выработать и использовать несколько скриптов. Скрипт не есть аналог «типа» личности (психобиография стремится отойти от привычной таксономии), скрипт — это правила оснований нарративных образцов поведения ([10], p. 105-112, 135-137). Сцена — все происходящее, что в какой-либо момент воздействует на личность. В таком случае скрипт есть «правила» поведения человека на сцене его жизни. Психобиограф декодирует или интерпретирует почерк, пытается эксплицировать его доминантную структуру.

С начала 70-х годов активно обсуждается проблема создания аутентичной модели биографического метода в социологии.⁸ Пафос данных поисков связан прежде всего с необходимостью отказа от позитивистских

⁶ Подробный очерк истории психобиографии и статистические данные развития этой дисциплины см.: [6], p. 295-326. В частности, процедурную часть психобиографического исследования см.: [7], p. 265-294; [8], p. 455-475; [1], p. 192-241.

⁷ Об использовании текстуальных структур в реконструкции истории жизни см.: [9], p. 563-565.

⁸ Историческую справку о развитии биографического метода см.: [11], с. 42-44.

механистических моделей в социологических исследованиях. По признанию итальянского социолога и философа Франко Ферраротти, создание аутентичной модели биографического подхода в социологии совпало с общими настроениями неконформизма конца 60-х — начала 70-х годов. Биографический подход требовал создания такой теоретической и методологической концепции, которая позволила бы биографии выйти из состояния «Маргинальной» методологии ([12], p. 65), соответственно переориентировать социологический интерес на проблему индивидуальности, которая при использовании традиционных методических процедур исчезала в статистических закономерностях.

«Специфичность биографического подхода подразумевает отход от формально-логической структуры механистической модели, характеризующей установившуюся научную эпистемологию. Если нам необходимо социологически использовать эвристический потенциал биографии без изменения ее существенных особенностей (субъективность, историчность), мы должны поставить себя в прямую противоположность к классической эпистемологии», — пишет Ф. Ферраротти ([13], p. 20).

Каким образом отдельная личность, ее жизненный путь, динамика социальных ролей вписывается в исторический и культурный контекст; как возможно зафиксировать уникальность и неповторимость переживания социальных процессов самими участниками исторических событий; как отказаться от понимания индивидуальности как социального атома, поведение которого якобы строго детерминировано социальными закономерностями ([14], p. 29-45), — таково проблемное поле, в горизонте которого ведутся методологические поиски. Социология делает первые шаги на пути к аутентичной теоретической и методологической модели биографического подхода. Есть попытки модернизировать традиционную технику лонгитюдного анализа, использовать герменевтические средства интерпретации автобиографических документов в реконструкции жизненного мира ([15], p. 47-59; [16], p. 77-115; [17], p. 77-115).

Конструктивным решением проблемы может служить рабочая гипотеза Ф. Ферраротти, предлагающего в качестве методологической матрицы биографического метода в социологии понятие «первичной группы», в контексте которой личность обретает осознанность смыслового содержания своей жизни и историко-культурной ситуации и которая служит своеобразным связующим звеном между социальным и личностным. «Первичная группа», по Ферраротти, есть базисное понятие, являющееся синтезом социального и гуманитарного знания, оно имплицитно включает в себя психологические, этнографические, социальные, культурологические измерения; «первичная группа» есть базисная структура историко-культурной ситуации ([14], p. 20-27). Но сама проблема, говорит Ферраротти, остается, когда ставится вопрос перехода от биографии «первичной группы» к непосредственной истории жизни индивидуальности.

Аналогичные проблемы существуют не только в социологии, но и в психобиографии, и в теоретических экскурсах, посвященных литературной биографии. <...>

Литература

1. Runyan W. M. Life Histories and Psychobiography. Explorations in Theory and Method. New York, Oxford, 1982.
 2. Garraty J. A. The Nature of Biography. New York, 1957
 3. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development. Experiments by Nature and Desting. Cambridge, 1978.
 4. Bronfenbrenner U. Recent Advances in Research on the Ecology of Human Development / Development as Action in Context. Berlin, New York, 1986.
 5. McAdams D. P. Biography, Narratives, and Lives: An Introduction // Psychobiography and Lives Narratives. Journal of Personality (spec. issue). Vol. 56(1), 1988.
 6. Runyan W. M. Progress in Psychobiography. // Ibid.
 7. Alexander I. Personality. Psychological Assessment, and Psychobiography / Ibid.
 8. Anderson W. The Methodology of Psychological Biography // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 11(3), 1981.
 9. Conler B. J. The Human Studies and the Life History // Social Service Review. Vol. 62(4), 1988.
 10. Carlson R. Exemplary Lives: The uses of Psychobiography for Theory Development // Psychobiography and Lives Narratives Journal of Personality (spec. issue). Vol. 56(1), 1988.
 11. Огурцов А. П., Митина С. М., Осипова Е. В. Биографический метод / Справочное пособие по истории немарксистской социологии. М., 1986.
 12. Ferrarotty F. Biography and Social Sciences // Social Research. Vol. 50(1), 1983.
 13. Ferrarotty F. On the Autonomy of the Biographical Method / Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences. Beverly Hills, 1980.
 14. Bertaux D. From the Life-History Approach to the Transformation of Sociological Practice / Ibid.
 15. Kohli M. Biography: Account, Text, Method / Ibid.
 16. Gagnon N. On the Analysis of the Life Account / Ibid.
 17. Elder G. History and Life Course / Ibid.
- (А. Л. Валевский. Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993, с. 82-85)

0.5. «...В точке пересечения биографии и истории...»

Текст доклада автора на первых Чтениях памяти Вениамина Иофе
(апрель 2003)⁹

Что такое и зачем нужны «протоколы жизни

Verba volant, scripta manent
(Слова улетают, написанное остается — лат.)

«Рассказы о жизни» ныне стали широко распространенным методом в социальных и исторических исследованиях. Биографические нарративы порождаются либо в устной беседе (фокусированное или неструктурированное интервью), либо пишутся самим субъектом жизни по заказу исследователя. Все более частым становится научное использование также и инициативно написанных мемуаров.

Все это документы биографии и истории — ценнейшие. Однако они являют собой всегда опосредованную позднейшим жизненным опытом субъекта жизни (не говоря уж об естественных ошибках памяти, равно как и о нечаянных и намеренных акцентировках и умолчаниях), вторичную реконструкцию, **ретроспективу** жизненного пути. Далее: это документы времени, но какого? Ясно, что больше нынешнего, чем минувшего. Это — современные свидетельства о прошлом.

Разумеется, исследователь пытается идентифицировать и сепарировать соответствующие психологические и культурные напластования, как бы расшифровывает (декодирует) «человеческий документ» — с учетом его «многослойности» и в соответствии со своими собственными задачами. Иногда социологам и культурологам это удается.

Иначе обстоит дело с «первозданными» личностными документами, каковыми являются, в частности, **дневники** и **письма**. Разумеется, и в них аккумулирован жизненный опыт автора, но только предшествующий, и существенно влияние «господствующих мыслей» эпохи, но только тогдашней. Поэтому при работе с документами такого рода исследователю приходится учитывать (делать поправку на...) только их «непосредственную» (а не «приумноженную» или многоступенчатую) субъективность и культурно-историческую обусловленность.

Цель настоящей работы — рассмотреть одну из специфических форм дневника, как имеющую историко-культурное значение и ценность, с одной стороны, и как некую нестандартную социологическую практику — с другой. Но сначала — несколько общих теоретических соображений.

I

В универсуме человеческого общения можно выделить три типа коммуникации, имеющей своим источником конкретное **лицо**, при различии адресатов. Один тип: межличностная коммуникация. Назовем ее

⁹ Здесь публикуется в сокращении.

коммуникацией другому лицу. Другой тип: коммуникация, обращенная сразу к некоторому множеству лиц (четко очерченной или неопределенной аудитории). Назовем ее **коммуникацией для других.** И, наконец, третий тип: коммуникация, адресованная самому себе. Назовем ее **аутокоммуникацией** (или «коммуникацией самому себе»¹⁰).

Эта модель конкретизируется нами для письменной коммуникации, которая, в зависимости от адреса, может быть представлена тремя «эталонными» (классическими) типами текстов. Эти типы текстов обозначают нами, условно: **письмо** (коммуникация другому лицу), **статья** (коммуникация для других) и **дневник** (коммуникация самому себе, или аутокоммуникация).¹¹

Концептуальная схема, в которой «письмо», «статья» и «дневник» рассматриваются как соотносительные формы коммуникации (как мы полагаем — системная триада, в смысле Р. Г. Баранцева¹²) понятно, является типологической идеализацией и не исчерпывает собой всего богатства конкретных видов и форм письменной коммуникации личности.¹³ Возможны (и в реальной коммуникативной практике, пожалуй, даже преобладают!) различные сращения и взаимопереплетения типов, «типы-кентавры» или симбиозы, возможен, наконец, синтез всех трех.

Обратимся к специфике **дневника** в этой триаде. Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма аутокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в «жизнь историческую». Во многом в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает (независимо от намерений автора) смысл «послания» (другому лицу) или «свидетельства» (для других) — как биографии, так и истории. Но об этом чуть позже.

Каковы «собственные» черты дневника как коммуникации самому себе? В отличие, скажем, от «письма» (которое, как правило, предпола-

¹⁰ Здесь отвлекаемся от случая человеческого обращения к некоей «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму» (индивидуальная по источнику, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо). Надо сказать, что и в указанных выше типах могут присутствовать моменты такого **трансцендентного** общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование личности «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Богу.

¹¹ См. Алексеев А. Н. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Любимцевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. См. также в томе 1 настоящей книги: раздел 4.5.

¹² См.: Баранцев Р. Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза // Системные исследования. Ежегодник. 1988. М., 1988, и др. работы этого автора. Выделенный Р. Баранцевым архетип системной триады: **эмоцио — ратфо — интуцио**. Чему в данном случае соответствуют: письмо — статья — дневник. Подробнее о тринитарной методологии см. в томе 1 настоящей книги: приложение 1 к главе 8.

¹³ Здесь стоит оговорить, что, в отличие от «письма» и «дневника», «статья» — это условнейшее из принятых обозначений. Ибо «коммуникация для других» может быть и деловой (нормативные акты, инструкции), и научной, и художественной, и журналистской (массовая коммуникация) и т. д.

гает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от «статьи» (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник чаще всего сугубо личностен.

Формы дневника (как, впрочем, и письма, и статьи) чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Личный дневник может быть насыщен фактами, переживаниями, размышлениями, может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или ход мысли («поток сознания»). Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или диалога **с самим собой**.¹⁴

Здесь отвлекаемся от случаев, когда дневниковая форма используется как литературный (художественный или публицистический) жанр, и изначально имеет место ярко выраженная «коммуникация для других» (например: «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского).

Попытаемся все же как-то «упорядочить» чрезвычайное разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) **«дневник души»** (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое «общение с самим собой», причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) **«дневник духа»** (в котором личное «я» отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и «лабораторией» творчества; часто — это «сырье» для будущих произведений);

в) **«дневник факта»** (где главный упор делается на «внешних» событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации, здесь имеем дело с «идеальными типами». В реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник «тяготеет» к тому или иному типу.

Здесь сосредоточимся на случае **дневника факта**, а точнее — на особой его разновидности.

...Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя — так сказать, «для памяти»: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда — расписание дел, встреч и т. д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная — дополнительная, а иногда и выходящая на передний план — цель: фиксация событий частной жизни «на стыках» с жизнью общественной, в тех точ-

¹⁴ См. Лигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998.

ках, где та и другая «пересекаются». То есть целевая установка на фактографию **в контексте** данного исторического времени.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу — и **не только для себя** (вариант совмещения коммуникации самому себе и другому или для других). Здесь хочется вспомнить известное замечание А. С. Пушкина, засвидетельствованное А. Н. Вульф: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться».¹⁵ В этой спонтанной формуле выражена суть предмета нашего обсуждения.

Для такого рода дневника уместно использовать термин «протокол». Данную разновидность «дневника факта» будем называть **протоколом жизни**.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения «от противного»: укажем сначала на то, чем «протокол жизни» заведомо **не** является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это — не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, «мониторинговой» задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня многосоставной и полифонической «летописью современности»). «Протокол жизни» отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем.

В таком случае этот «протокол» приобретает характер **жизненного свидетельства**, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.¹⁶

2. Вместе с тем, «протокол жизни» — это не сугубо личностный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие «происшествия», которые, по мнению автора, представляют интерес и **для других**, — «чтобы могли на нас ссылаться» (если кому-либо когда-либо за чем-либо это понадобится).

В таком случае, это документ также и — изначально! — **общественный**. (Вообще говоря, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим», как отмечал Гете).

¹⁵ См. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, в 2-х томах. М.: Художественная литература, 1974. Том 1, с. 416.

¹⁶ З. Гиппиус в своей «Синей книге», использующей форму дневника, так определяет цель дневниковых записей, в связи с началом Первой мировой войны: «Что писать? Можно ли? Ничего нет, кроме одного — **война**. Страшно писать о ней мне, здесь. Она принадлежит всем, истории. Нужна ли **обывательская** (здесь и далее выделено мною. — А. А.) запись? Да и я, как всякий современник — не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломленная». «Жизнь поставила нас... в положение, близкое к событиям и некоторым людям, принимавшим в них участие... **Одно, что есть смысл записывать — мелочи. Крупное запишут без нас**». (Цит. по: *Пиэров К. С.* Дневник: диалог с самим собой / Диалог в образовании. СПб.: СПбГУ, 2002, с. 112-113).

3. И, наконец, «протокол жизни» (как явствует из самого термина) — это вовсе не «мемуары», не «ретроспекция», не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется **в ходе события** или составляется по его «горячим следам».

Это — **первичный**, а не вторичный документ личности и времени, «не замутненный» последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не «от противного»).

4. «Протокол жизни» — это своего рода тематизированная регулярная или эпизодическая **жизненная хроника**. Ее можно вести в утилитарных целях — фиксируются некие «реперные» события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) — если тот в описываемой ситуации активно **действует**; или же его персону отходит в «протоколе» на второй план — если он является только **наблюдателем**, свидетелем.

6. Наконец, «протокол жизни» есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а «в точке пересечения биографии и истории» (выражение Ч. Р. Миллса).¹⁷

Подведем предварительные итоги.

«Протокол жизни» — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это **первичный личностно-общественный документ**. Он есть **актуальное свидетельство очевидца или действующего лица** (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — «мировую драму»). В нем находит преимущественное отражение то, что случилось с человеком **«в точке пересечения биографии и истории»**. «Протокол жизни» сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других, т. е. оказывается **многоадресным** посланием.

II

Первая попытка постановки вопроса о **протоколах жизни** как особой форме коммуникативного (а в рассматриваемом ниже случае — еще и исследовательского) опыта, предпринята автором этих строк на рубеже 70–80-х гг., когда им был задуман натурный эксперимент (одновременно — профессиональный и жизненный). Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод в каче-

¹⁷ *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

стве рабочего (1980). На протяжении ряда лет велось исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

В отличие от традиционного в эмпирической социологии метода включенного наблюдения, был разработан и опробован метод **наблюдающего участия**, предполагающий «исследование социальной среды через целенаправленную социальную активность субъекта, делающего свое собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования».¹⁸

Естественно, понадобился поиск или выбор адекватных способов фиксации как «фоновых» наблюдений, так и собственных действий в конкретной социальной ситуации и их (этих действий) последствий на экспериментальном поле. Поскольку жизнь и исследование здесь практически совмещены («исследование жизнью» или «сама жизнь как исследование»), автор определил свой полевой дневник, как **протоколы жизни**.

Позволю себе обширную автоцитату из дневника того времени. Цитирование позволит сэкономить на «ученых» рассуждениях и, кстати, пояснить соотношение протокола жизни и иных видов дневника (как автор себе это соотношение представляет).

«Три цвета "протокола жизни"»

2.01.80. Жанр этих записей — не исповедь, не проповедь, не эссе, даже не дневник, но — **протокол**. Протоколы жизни...

Записи дифференцированы. Написанное **красным** карандашом будет иметь более или менее прямое отношение к специфической ситуации «включенного наблюдения», в которую поместил себя протоколист, сменив работу в институте на работу на заводе. Написанное **синим** карандашом будет касаться всего остального, заслуживающего сохранения в качестве фактов и соображений, имеющих не сугубо личный интерес. Это — тоже своего рода протокол включенного наблюдения, но с «расширенным полем», каковым является вся область соприкосновений субъекта с действительностью. Наконец, написанное **зеленым** (или простым) карандашом будет относиться к обстоятельствам жизни и переживаниям, являющимся сугубо личными...

Что касается синих и красных страниц, то они имеют смысл **жизненных свидетельств**. Критерием для их отбора является пока затруднительная для обоснования уверенность автора во все возрастающей культурно-исторической ценности свидетельств индивидуального жизненного опыта.

Вполне вероятно, что сам по себе протокол жизни окажется самоорганизующейся системой, создающей свои правила и подчиняющей себя ей же самую выработанным правилам. За исключением гениев, многое из того, что человек оставляет после себя, чуть лучше или чуть хуже, чуть раньше или чуть позже, оказывается сделано и другими людьми. Только протокол собственной жизни уникален как сама жизнь».¹⁹

¹⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997, с. 16.

¹⁹ См. том 1 настоящей книги: с. 80. Не вошедшее туда примечание 1980 г.:

«...В красных записях — «не упустить по возможности ничего» (включенное наблюдение, поначалу не целевое!). В синих — «зафиксировать по возможности важное» (не обязательно важное сейчас, но — информация, ценность которой может возрасти со временем). В зеленых — «это мое личное дело»...». (Из личного архива).

Здесь надо сказать, что социологу-экспериментатору вскоре стало тесно в рамках даже такого свободного, лишь чуть структурированного протокола. Еще не успевший устояться жанр «полевого» дневника довольно быстро сменился «письмами-дневниками-отчетами» друзьям (коллегам), насыщенными не только социальными фактами, но и субъективным отношением к ним, включая личные переживания и размышления.²⁰

...Но вот в середине 80-х гг. довольно очевидное «инакодействие» актора в сочетании с не столь очевидным инакомыслием (в его «Письмах...») дало повод для вмешательства государственной организации, призванной пресекать и то, и другое. На предъявленные ему политические обвинения социолог-испытатель, пережив кратковременный шок растерянности, ответил «необходимой самообороной». Тогда-то жанр «протоколов жизни», как бы поневоле, и кристаллизовался.

При продолжении эксперимента (теперь уже не только в производственной сфере) понадобилось отслеживать множество встреч, бесед с должностными лицами (сотрудниками правоохранительных органов, партийными функционерами, работниками общественных организаций), фиксировать всевозможные санкции социальных институтов по отношению к испытуемому и его реакции на эти санкции (и наоборот — собственные инициативные «акции» и институциональные реакции на них). Причем важно было обеспечить, чтобы эти записи, если и попадут (в результате очередного досмотра или обыска) в руки к «оппонентам», — не вызвали новых нареканий.

Выход один — строгий **протоколизм**: кто что сказал, сделал, когда, при каких обстоятельствах, кто присутствовал, и т. п. Никаких оценок, минимум комментариев, «голые» факты (впрочем, «красноречивые»). Авторское отношение к «событиям» — только в подтексте (или контексте). <...>

Вкратце

Далее в докладе приводились примеры «протоколов жизни» («записей для памяти»), принадлежащих как автору настоящей книги, так и другим лицам. Все эти примеры фигурировали ранее, в томе 2 настоящей книги, поэтому опускаю их здесь.

В частности, образцы «протоколов жизни», принадлежащих другим лицам, см. в томе 2: раздел 8.12 (тексты А. Любищева, Р. Баранцева).

* * *

К сожалению, дневниковая активность современного человека (хоть в экстремальных, хоть в рутинных ситуациях) куда слабее активности мемуарной. Соответственно, и использование **первичных** личностно-общественных документов, актуальных свидетельств действующего лица или очевидца события (будь то историческое событие, будь то «частный»

²⁰ См. в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3.

жизненный эпизод)²¹, в современной гуманитарно-научной практике заметно уступает использованию документов **вторичных**: воспоминаний, «рассказов о жизни», биографических интервью и т. п.

Как уже отмечалось, в любых мемуарах неизбежны и естественные aberrации памяти, и авторская реинтерпретация, и мощная «иррадиация» социального сознания, социокультурных стереотипов уже **нынешней**, а не минувшей эпохи. В отличие от дневника, «воспоминания» несут на себе «двойную нагрузку» субъективности и так или иначе мифологичны.

Было бы, конечно, наивно ожидать, что кто-либо станет **на протяжении всей жизни** вот так «сканировать», скажем, свое взаимодействие с социальными институтами (хоть в утилитарных целях, хоть в исследовательских, хоть следуя некоему культурно-нравственному императиву). Однако бывают и максималистские примеры ответственности человека перед собой и перед временем. И те «протоколы жизни», которые уцелеют, впоследствии станут ценным культурно-историческим свидетельством (безотносительно к «важности» эпизода или «масштабу» личности автора).²²

Можно предположить, что бурно развивающаяся ныне «всемирная сеть» (в которой, кстати, часто происходит совмещение диалога с самим собой, другим и другими) будет способствовать выработке **массовой** культурной привычки «описывать современные происшествия, чтобы могли на нас сослаться». Но наверняка это наступит не так уж скоро. <...>

А. Алексеев

(Цит. по: Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. Чтения памяти Вениамина Иофе, 18-19 апреля 2003. СПб.: НИЦ «Мемориал», ЦНСИ, ЕУ в СПб., 2004, с. 18-36)²³

Ремарка: «...долг перед идеей, перед людьми, перед собой».

Недавно мне довелось ознакомиться с рукописью книги «История семиодинамики: документы, беседы, комментарии». Ее автор — человек, у которого я не устаю учиться, — математик и философ, профессор Санкт-

²¹ Один из слушателей моего доклада на Чтениях памяти В. В. Иофе (май 2003) справедливо заметил, что заурядные ситуации могли бы представить не меньший, а, может быть, даже больший интерес, чем экстремальные или заведомо значимые (с точки зрения пишущего). В самом деле: многие дневники и письма ценны именно своим «бытописательством», отражением не «истории», а того, что М. Гефтер называл «всеобщим **“вне-истории”**».

«В решающий момент **повседневность** предъявляет заявку на ту единственность смысла, который пыталась узурпировать история...» (Гефтер М. История — позади? Историк — человек лишний // Аутсайдер. Человек вопроса. М.: Век XX и мир, 1998, с. 18). Об историке Михаиле Яковлевиче Гефтере, ныне покойном, см. ранее, в томе 1 настоящей книги: глава 1.

²² «Нормальный» человек может сказать: «Если все записывать, то жить когда же?!».

²³ См. также: Алексеев А. Н. О «протоколах жизни» // Любимцевские чтения. 2003. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2003; Алексеев А. Н. В точке пересечения биографии и истории // Время/бремя артефактов. СПб.: СПбГУ, 2004.

Петербургского университета Рэм Георгиевич Баранцев.²⁴ С разрешения Р.Б. приведу здесь автоаннотацию и оглавление его книги, пока еще ждущей своего издателя:

«Автоаннотация: Семиодинамика, изучающая качественные изменения целостных образований в знаковом представлении, была ближайшей предтечей синергетической парадигмы. Появившись в Ленинградском университете в 1980 году, она много лет была вынуждена отстаивать свое право на существование. История этой борьбы представлена здесь в документальных материалах того времени. Показано, как открытая методология, разработанная семиодинамикой, находит применение в современной синергетике.

Книга предназначена для всех, кто интересуется новейшей историей науки и работает в русле эволюционно-синергетической парадигмы».

Оглавление: 1. Появление: X.1980 — III.1983; 2. Гонение: III.1983 — VI.1983; 3. Сопротивление: VI.1983 — X.1983; 4. Зажим: IX.1983 — II.1987; 5. Переизбрание: II.1987 — IV.1987; 6. Газета: V.1987 — XI.1987; 7. Перестройка: 1987 — 1989; 8. Скитания: 1989 — 1991; 9. Возрождение: 1992 — 1994; 10. Синергетика: 1993 — 2003.

...Уже приходилось отмечать, что и семинар по семиодинамике в ЛГУ и «дело Баранцева», с одной стороны, и эксперимент и «дело» социолога-рабочего, с другой, не только синхронны (от начала к концу 80-х гг.), но и имеют много общего в мотивации и стиле поведения главных действующих лиц.²⁵ Теперь же не без гордости замечаю, что и жанр новой книги моего друга («История семиодинамики...») оказывается близок к жанру «Драматической социологии...». Вот как об этом пишет сам Р. Баранцев:

«...Документами истории являются не только официальные бумаги, но любые строки, написанные именно в то время и теми людьми, которые находились в гуще событий. (Здесь и далее выделено мною. — А. А.). Это и диалоги, восстановленные по горячим следам, и письма, направленные в инстанции, и дневниковые записи, сохранившие следы мучительных раздумий. С высоты сегодняшнего дня не все в них кажется “правильным”, но в истории, как и в детективе, любые отпечатки неприкосновенны. Современный взгляд допустим только в комментариях.

Получившийся сборник документов складывался сначала стихийно: записи бесед снимала напряжение, освобождала от стресса. Социальная значимость и целостность происходящего открывались постепенно. Первая попытка комплектования была сделана в ходе сопротивления...

Борьба за семиодинамику и справедливость сфокусирована здесь на судьбе одного человека, поскольку ответственность действительно пришлось

²⁴ О Р. Г. Баранцеве см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.12, а также приложение 1 к главе 8. В частности, раздел 8.12 включает в себя переписку (в сокращении) очерка Я. А. Гордина «„Дело Баранцева“. Психологический этюд эпохи позднего большевизма», опубликованного в журнале «Звезда» (2000, № 4).

²⁵ К этому «параллелизму», а точнее — к «переплетению судеб», моего друга и моей собственной, еще не раз буду обращаться на страницах этой книги (см. главы 16, 17 и др.).

взять на себя. Субъективность неизбежно проявляется и в записи бесед, несмотря на старание не принижать оппонентов. Но в любом случае автор ругается за точность ключевых слов и адекватность передаваемого смысла.

Приводя документы полностью, не удалось избежать некоторых повторов. Иногда они безболезненно устранились, в других случаях сохранялись как рефрены ведущих тезисов.²⁶

Готовность к противостоянию и отражению его в слове была унаследована от А. А. Любищева. Существенную роль сыграла также дружба с А. Н. Алексеевым, начинавшаяся еще тогда, когда ожидание перемен было сопоставимо с верой в чудо. Восстановление событий, став их историей, через протоколы жизни осознается сейчас как отчет, как долг, исполняемый перед идеей, перед людьми, перед собой. А учитывая значение семиотики в становлении эволюционно-синергетической парадигмы, можно сказать, что это долг и перед отечеством» (Цит. по: Р. Г. Баранцев. Указ. соч. Рукопись. 2003. Предисловие).

Вот так, участь у Друга, и сам кое в чем подаешь ему пример. (Май 2003).

* * *

Из работы К. Пигрова «Вещь и время», опубликованной в сборнике «Время / время артефактов» (2004)²⁷

<...> Дневник это текст парадоксальным образом к самому себе. В нем есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, в нем есть момент исповеди, но это исповедь перед самим собой.

Дневник вообще близок тому потоку сознания, который течет или катится в каждом человеке, — сродни повседневным человеческим размышлениям, составляющим интеллектуальный, словесный (проговаривание про себя) фон бытия, само бытие.

Но дневник тем отличается от таких повседневных размышлений про себя, что он включает инстанцию внешней эксплицированности. Именно в этих своих качествах дневник обнаруживает смысл бытия (и генезиса) индивидуальности.

...С одной стороны, «ведение дневника» это внецельная, бесцельная экспрессивная деятельность, выражающая инстинкт духовности...

С другой стороны, раз возникнув, став необратимым фактом реальности, он [дневник. — А. А.] постепенно вмысливает в себя, кроме органичной для него задачи — «не забывать», в концентрированной, обозримой форме формулировать самую суть моей жизни... — какие-то внешние, иногда уныло-прагматичные цели и в процессе рационализации превращается в средство для неожиданных целей... В дневнике

²⁶ Все сказанное в полной мере можно отнести также и к книге, которую читатель сейчас держит в руках.

²⁷ Константин Семенович Пигров — доктор филос. наук, зав. кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского гос. университета.

скрывается интенция быть формой самонадзора в рамках «дисциплинарной технологии» в соответствии с видением нашей цивилизации Мишелем Фуко...

<...> В дневнике фиксируется противоположность «обычной жизни» и «роковых минут» истории. В дневнике сталкиваются приватное и публичное время. Индивидуальные события переживаются как всемирно-исторические, а всемирно-исторические — как индивидуальные. В дневнике поэтому становится действительно возможным единство мировой истории и индивидуальной судьбы.

<...> Способность к рефлексии воспитывает в личности дневник, «срочная словесность», публицистика воспитывает способность к рефлексии у общества. Дневник — исходная индивидуальная техника свободы, генератор свободы; ведение дневника — сам генезис свободы, универсальный способ подготовки к свободе. <...>

(К. Пигров. Вещь и время / Время/время артефактов (Социальная аналитика непоправимости). СПб., 2004, с. 13-14, 17, 21, 27)²⁸

0.6. Бездны неведомого Бытия, открывающиеся через Делание...

Из книги В. Налимова «Канатоходец» (1994)²⁹

<...> В чем смысл жизни?

Ответ на этот вопрос для меня звучит просто: смысл существования Вселенной — в раскрытии заложенной в ней потенциальности. Смысл нашей жизни — в активном участии в этом процессе, в расширении горизонта нашего существования.

Мне думается, что в ближайшем будущем нам предстоит подойти к разгадке главной дилеммы «жизнь/смерть». Эта тема приоткроется нам, как только мы сумеем преодолеть затянувшееся на века противостояние «сознание/материя». В своих философских построениях, не укладывающихся в парадигму наших дней, я подошел к этой задаче, но не более.

Только через понимание того, что есть «жизнь/смерть», наша обветшавшая, обессилевшая и измельчавшая культура сможет перейти границу, отделяющую нас от иных — возможных форм бытия. Только через новое мировоззрение можно будет преодолеть кризис, который непре-

²⁸ См. также: Пигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998; Пигров К. С. Дневник: диалог с самим собой // Диалог в образовании. СПб., 2002.

²⁹ «Воспоминания известного ученого и философа В. В. Налимова, автора оригинальной философской концепции, изложенной, в частности, в книгах “Вероятностная модель языка” (1974), “Спонтанность сознания” (1989), почти полностью охватывают XX столетие. На примере одной семьи раскрывается панорама русской жизни в предреволюционный, революционный, постреволюционный периоды. Лейтмотив книги — сопротивление насилию, борьба за право оставаться самим собой...» (из аннотации к названной книге Василия Васильевича Налимова).

станно нарастает на наших глазах с начала XX века. А если нет — что ждет человечество?

Теологическое разъяснение основного вопроса бытия теперь уже мало кого удовлетворяет. Оно — на обочине нашего миропонимания. Оно не сумело связать свой ответ на основной вопрос бытия с философскими построениями и тем более — с наукой, которую теперь уже никак нельзя игнорировать. Ответ должен прозвучать так, чтобы он мог быть согласован со всеми проявлениями бытия человека в Мире.

Меня приятно поразило высказывание С. М. Розена:

«...мы буквально можем видеть, что сознание (mind) и материя безусловно различимы и в то же время являются одним и тем же» (*Rosen S. M. The Paradox of Mind and Matter: Utterly Different Yet One and the Same, In: W. Rubik (ed.). The Internationalship Between Mind and Matter. Proceeding of a Conference Hosted by the Center for Frontier Sciences. Philadelphia, PA.: Temple University, 1992, p. 242.*)

И далее он говорит:

«При воспоминании, полном воплощении того, что внутри нас является “прошлым”, мы можем достигнуть порога чего-то **нового** — “нового Ренессанса”, новой трансэгоической фазы человеческого бытия [Washburn, 1988], а может быть, даже совершенно нового порядка бытия» (*Ibid.*, p. 244).

Да, здесь речь идет не просто об изменении культуры. Измениться должна сама сущность Бытия.

Бездны неведомого бытия могут открыться перед нами. Путь к ним — через Делание. Через Служение Тайне, к которой мы можем подойти ближе, отнюдь не раскрывая ее во всей ее полноте. <...>

(В. В. Налимов. Канатоходец. Воспоминания. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994, с. 365–366)

0.7. «Каждый человек должен сам стать философом...»

Из работы С. Минаковой «Философия для человека» (2003)³⁰

<...> 1. Философия присуща каждому. Логически и идеологически укрепляя общую направленность личности, она регулирует отношение человека к своему делу, к другим людям, к обществу, к природе, к Жизни, к Будуще-

³⁰ Светлана Федоровна Минакова, канд. филос. наук, — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 80-х гг. (см. ранее, в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3). В конце 70-х — начале 80-х гг. мы тесно сотрудничали. Подробно о ее концепции развития личности см. в томе 1: глава 6. См. также наш с С. Минаковой в соавторстве текст в разделе 6.4: «Способ быть счастливым...».

Из работ С. М. последующих лет здесь назову: *Минакова С. Ф. Ищу личность*. Л.: Лениздат, 1991; *Минакова С. Ф. Выгода от гуманизма / В человеческом измерении*. М.: Прогресс, 1989; *Минакова С. Ф. Экология личности (теоретические и методологические основы)*. Учебное пособие. Кировск 1999; *Минакова С. Целостная личность*. Учебное пособие. Кировск, 1999; *Минакова С. Предотвращение экологической катастрофы (учебное пособие по экологии личности)*. Кировск — Апатиты: Изд. МУП «Полиграф», 2000.

Ныне С. Минакова заведует кафедрой социальных и экономических дисциплин Международной академии предпринимательства. Живет в г. Апатиты, Мурманской обл.

му, к карьере, к детям и родителям, к привилегиям, к власти, к деньгам и т. д. **Философия — целостное осмысление взаимоотношений человека с миром.**

При помощи индивидуальной философии человек стремится понять, объяснить, оценить или оправдать себя в собственных глазах и в глазах других. Почему он поступил именно так, а не иначе, почему он думает именно так, почему он удовлетворен жизнью или считает себя неудачником. Философия — осознание социально-психологической сущности Я. Она — осознанное выражение **качества личности**.

На обыденном уровне философия проявляется в поступках и может выражаться в форме принципиальных высказываний: — «Я никогда...!», — «Я всегда...!», — «Я такой...!»; иногда в виде пословиц: — «Кто рано встает, тому Бог дает!», — «Худой мир лучше доброй ссоры!», — «Своя рубашка ближе к телу», — «Глаза боятся — руки делают».

В виде целей и смыслов жизни философия побуждает к действию и подводит итоги.

Философия — это отношение человека к миру, на основе его целостного представления о мире и о себе, как части этого мира. Философия — вершинная суть человеческого духа, его мировоззрение, идеология, его цели, смыслы, его честь и совесть.

Философия — поиск ответов на главные вопросы бытия человека. В философском мирозерцании личность приобщается к мировому целому. — Как устроен мир? — Какое место занимаю я в этом мире, что я могу сделать для этого Мира? — За что Мир примет меня?

Чем больше личности явно или неявно, точно или приблизительно определяет стратегию и тактику поведения человека. В виде системы ценностей она присутствует как в повседневных, так и в судьбоносных решениях.

В виде общей направленности личности, порой неосознанно (скрыто), порой явно участвует в выборе варианта поведения: что делать и как долго, тщательно и внимательно этим заниматься. Философия в виде совести присутствует в образе жизни. В виде методологии она присутствует в научном исследовании ученого.

Иногда кажется, что кто-то «сидит внутри человека», велит поступать именно так, а не иначе. Этот внутренний голос — духовная сущность личности — может быть добрым, ориентированным на созидание и Жизнь (для верующих — на Бога), и злым — ориентированным на разрушение и Смерть <...>. Из-за неясности, непоследовательности своего мировоззрения, из-за непонимания механизма противостояния добра и зла в душе, человек сомневается, ошибается в выборе, порой стремится уйти от прямого ответа, ищет совета.

Философия личности может быть недостаточно осмысленной, в форме непроверенных «убеждений» и «верований». Человек не прочь не только обманывать других, но и заниматься самообманом, оправдывая свои неблагоприятные поступки, успокаивая совесть. Во все времена профессиональные философы любили указывать на эту непоследовательность, нелогичность обыденного сознания, его конфликт с разумом. <...> Сегодня мало указать

людям на недостатки и слабость духа, важнее найти пути его совершенствования и возвышения.

В наше время это возвышение духа перестало быть личным делом каждого (хочу — совершенствуюсь, не хочу — не буду!). Потому что именно вследствие непоследовательности, узости, приземленности, суетной сиюминутности, **ограниченности философии** большинства людей и их руководителей, человечество вступило в эпоху глобального экологического кризиса, ежедневно приближающего тотальную экологическую катастрофу.

«Наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества — и не качества отдельных элитарных групп, а именно «средние» качества миллиардов жителей планеты» (Печчи А. Человеческие качества. М., 1980, с. 40).

Изучение философии, интерес к ней не только основа культуры личности каждого человека (расширение кругозора), но и условие выживания человечества как рода.

2. Философия не только служит духовным основанием личности, она выражает дух (направленность) **социальных институтов и организаций**, потому что организации и институты функционируют благодаря определенным образом ориентированным людям. Философия проявляется в социально-психологическом климате министерства, школы, магазина, семьи или дружеской компании. Она провозглашается в Уставах, должностных обязанностях, на презентациях, в рекламе и в застольных беседах, она реализуется в принятии решений и поступках лиц, **уполномоченных** представлять социальные институты и организации. (Школа для ученика или ученик для школы? Магазин для продавца или для покупателя? А в семье вещи (положение, достаток, престиж, имидж) для человека или человек для вещей (положения, достатка и т. д.)? <...>

3. Та или иная философия господствует **в обществе**. В этом случае философия является системообразующим элементом конституций, программ, кодексов, публицистики, литературы и искусства. Философская направленность определяет целые исторические периоды развития общества, тогда мы говорим об «эпохе Возрождения», «эпохе Просвещения». <...>

4. Наконец, философия существует в форме философских учений, направлений, течений, размышлений, которые составляют **специфическую область знаний и духовной деятельности**, в их историческом развитии и сегодняшнем воздействии на поведение и деятельность отдельных людей, народов, институтов и организаций.

Философия — сформулированная в концептуальных понятиях (категориях) — выражение **направленности духа** отдельных людей, групп, институтов, организаций и общества в целом, на основе целостного представления о мире и человеке.

Изучение философии — важное условие культивирования личности.

<...> **Цель и предназначение философии — достижение людьми глубокого гуманизма, благоговения перед жизнью и осознание радости творчества как фундаментальной человеческой потребности творить добро.** <...>

<...> Философия новейшего времени должна быть честной. Она не может больше упиваться собственной мудростью, своим превосходством над обыденным сознанием, она не может только саркастически смеяться над абсурдностью жизни, она должна учить в любой ситуации (выбор поступка, конфликт или выборы депутатов) выбирать созидание и единение ради Жизни.

<...> Философия как социальный институт должна перестать заниматься собой, она должна преодолеть наблюдающее, фиксирующее, констатирующее отчуждение и стать идеологией Жизни.

<...> Каждый человек должен сам стать философом — мудрецом, противостоящим искушениям мертвых ценностей. Она [философия. — А. А.] должна быть элементарной, доступной каждому жителю планеты. <...> Наука духа для каждого человека должна начинаться не со сдачи экзамена по философии в вузе, а в раннем детстве.

<...> Управляя духом из, казалось бы, абстрактной и далекой от жизни области знаний о мире в целом, в XXI веке философия стала наиболее актуальной, практической и даже утилитарной — **ответственной за все, что происходит на планете**, — дисциплиной. <...>

(С. Минакова. Философия для человека. Учебное пособие для студентов вузов и институтов повышения квалификации. Апатиты: Международная академия предпринимательства. 2003, с. 3-5, 10, 27-28)

Ремарка: вспомним А. Швейцера...

Из «ближайших» этико-мировоззренческих истоков предьявленной выше постановки проблемы о «философии для человека» следует, пожалуй, прежде всего указать на философию «благоговения перед жизнью» А. Швейцера.³¹

«Философы, захолодевшие на своих профессорских кафедрах» (выражение А. Ухтомского), могут, пожалуй, сказать, что С. Минакова слишком расширяет (заужает?) понятие философии. Но С. М. ее самое (философию) тоже гуманизирует, пытается преодолеть ее «отчуждение от человека — мыслящего, чувствующего и действующего», «отчуждение от созидания, единения и Жизни». (Январь 2004).

0.8. Синтез реальности и творчество жизни

... Эксперимент — это ситуация, которую ты сознательно придумываешь, чтобы посмотреть, что будет в результате. Обычно в эксперименте проверяется какое-то предположение, какая-то гипотеза. Эксперимент в науке — строго контролируемый и проверяемый процесс, который можно воспроизвести. Есть, кроме того, эксперименты следственные, журналистские, инженерные, социальные. Я буду говорить о «жизненных экспериментах», которые, помимо проверки некоторых предположений, дают возможность, внося необратимые изменения в жизненную ткань, решить и конкретные практические проблемы. Эксперимент можно представить в виде определенных действий человека как части жизненного процесса, на материале которого ставится этот эксперимент. Таким

³¹ О философии А. Швейцера см. ранее, в томе I настоящей книги: приложение I к главе 6.

образом, любой жизненный эксперимент — это эксперимент прежде всего над самим собой ...

В. С. Дудченко. *Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования*. М.: Кватро-Принт, 2004, с. 15

Несколько вступительных слов

Недавно мне довелось ознакомиться с некоторыми трудами нового исследовательского направления — **онтосинтеза**, разрабатываемого Вячеславом Сергеевичем Дудченко и его коллегами, в частности, на базе обобщения многолетних разработок в области инновационной методологии и опыта управленческого консультирования. Главным источником для меня здесь послужил сборник: *Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара*. / Под ред. В. С. Дудченко. М.: Икар, 1998.

С Вячеславом Дудченко мы давно, в 70-х гг., тесно сотрудничали (совместные разработки в области методологии и техники контент-анализа и проч.). Впоследствии научные эволюции, его и моя, были совершенно автономными.³²

Тем интереснее, что при крайне редких контактах в 80–90-х гг. и при столь разных «отправных точках» (эксперимент социолога-работного, с одной стороны, и профессиональное консультирование работников управления, с другой), возникает, как мне кажется, резонанс, «переключка» между некоторыми идеями «драматической социологии» и «онтосинтеза».

Ниже — извлечения из работ двоих из авторов названного сборника: Ю. М. Резника³³ и В. С. Дудченко. (Март 2000 — март 2003).

Из статьи Ю. Резника «Жизнетворчество как форма онтосинтеза» (1998)

Постановка проблемы

Разработка проблемы творчества жизни имеет давние традиции в отечественной и зарубежной науке. Она получила свое распространение как в социальной психологии и социологии <...> [1], так и <...> в тех новейших течениях, которые впитали в себя влияние феноменологической и интеракционистской традиций и выступают под различными названиями

³² В пору, когда я жил и работал в Новосибирском академгородке (1969–1970), Вячеслав и Людмила Дудченко оканчивали Новосибирский университет. Потом я вернулся в Ленинград, а супруги Дудченко, работая социологами, «поколесили» по стране (Тарту, Свердловск, Набережные Челны, Ярославль), пока не обосновались в Москве (в 90-х гг.).

Л. К. Дудченко — одна из адресатов «Писем...» социолога-работного начала 80-х гг. (см. ранее, в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3) и одна из участников андерграундного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» рубежа 1970–80-х гг. (см. в томе 1: глава 1; см. также в томе 4 настоящей книги: глава 25). Ныне занимается управленческим консультированием.

В. С. Дудченко ныне — один из ведущих в стране специалистов по инновационным технологиям и управленческому консультированию, доктор социол. наук, профессор, действ. член Международной академии информатизации.

³³ Юрий Михайлович Резник — докт. филос. наук, профессор, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество»

ми и ракурсами — «социология лицедейства», «социология игры», «социология жизни» [2]. Она нашла свое отражение также и в ряде работ автора данной статьи, посвященных стратегиям жизни и моделям их реализации [3].

В философии и социальной науке известны многие попытки обращения к идее сознательного или божественного творчества человеческой жизни. <...>

[Автор упоминает учения и концепции ряда выдающихся русских и западных мыслителей, в частности, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. И. Вернадского, В. И. Иванова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, П. Тейяр де Шардена, Л. Н. Толстого, Е. Н. Трубецкого, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, К. Ясперса. — А. А.]

Однако особый интерес для меня представляют те работы, в которых дается систематизация или периодизация человеческой жизни с точки зрения ее творческого развития и самообновления. <...>

С появлением концепции онтосинтеза проблема жизнотворчества приобретает новый научный статус, о чем свидетельствует его выраженный конструктивный и творческий характер [4]. Поэтому далее попытаюсь раскрыть проблему творчества жизни с позиций онтосинтеза. При этом под онтосинтезом я буду понимать вслед за В. С. Дудченко «синтез реальности из материала мира, находящегося в процессе непрерывных изменений, при помощи образцов и программ, составляющих основное содержание культуры» ([5], с. 24).

Исходный тезис моих рассуждений: **человеческая жизнь выступает предметом творчества как самосознающей и самосозидающей деятельности людей.**

<...> Такой подход позволяет сразу же отвлечься от других проблем исследования феномена человеческой жизни и сконцентрировать главное внимание на изучении двух аспектов процесса жизнотворчества — его сознательно-бессознательного и свободного характера, с одной стороны, соотношения в нем индивидуального и социального, с другой.

Сознательный характер жизнотворчества определяется самой природой онтосинтеза, являющегося <...> главной функцией сознания действующего субъекта. Он проявляется, по мнению В. С. Дудченко, двояким образом:

«Мы сначала синтезируем реальность из материала мира, следуя как указаниям природы этого материала, так и императивам культурных образцов, а затем «воспринимаем» эту реальность как уже существующую для нас» ([5], с. 24).

Причем в ходе «первичного» синтеза этой реальности происходит чаще всего ее бессознательное, интуитивно-чувственное конструирование, в результате чего выявляются латентные, загадочные и порой мистические структуры, скрытые от нашего сознания. «Вторичный» же синтез реальности связан с его осознанием и пониманием, что выражается в

действию некоторой совокупности интерпретационных схем, которых придерживаются субъекты совместной деятельности.

Следует различать также индивидуальную и коллективную стороны процесса жизнетворчества. На индивидуальном уровне наша жизнь — это так, как мы ее видим. Другими словами, человеческая жизнь в ее индивидуальном измерении есть не что иное, как совокупность представлений человека о его собственной жизни. При этом я отвлекаюсь от биологических и психофизических основ жизни, рассматривая ее прежде всего как идеальную реальность, как сознательное бытие человека. Следовательно, индивидуальное творчество жизни при таком понимании характеризует процесс создания и воссоздания человеком новых представлений о своей жизни. В этом заключается его собственно феноменологический и экзистенциальный смысл.

Мы творим собственную жизнь лишь в той мере, в какой мы изменяем и обновляем наши представления о ней. На социальном уровне человеческая жизнь понимается как совместное бытие человека с другими людьми. Эта жизнь разделяется человеком с другими людьми как их общая, совместная жизнь. Отсюда следует, что жизнь человека в ее социальном измерении включает в себя не только его воображения *[так! — А. А.]* о жизни тех людей, с которыми он взаимодействует в процессе собственной жизни, но и его отношение к представлениям других людей о том, как он живет и как они живут.

Социальный аспект человеческой жизни характеризует область пересечения взаимных представлений людей о жизни друг друга и своей собственной жизни. В мое представление о моей жизни входят как бы в снятом виде и знания других о моей жизни, соответствующим образом переработанные и осмысленные мной. В этом состоит социально-феноменологический смысл жизнетворчества. Социальное творчество жизни есть, следовательно, ее совместное творчество с другими людьми. В процессе такого сотворчества человек обогащает свои представления, вносит коррективы в картину собственной жизни. При этом он принимает участие в творчестве жизни других людей, с которыми его связывает судьба.

Итак, формирование, создание новых представлений о жизни определяет содержание процесса жизнетворчества как на индивидуальном, так и на социальном уровне. **Жизнетворчество, являясь практической формой реализации онтосинтеза и осуществлением принципа сознательного отношения человека к жизни как творчеству, находит свое выражение в системе взаимосвязанных и самообновляющихся представлений о человеческой жизни.** *[Выделено мною. — А. А.]*

Рассмотрим теперь наиболее существенные стороны и особенности процесса жизнетворчества с точки зрения социокультурного анализа, в основе которого лежат социально-философские и общетеоретические принципы, в частности, представление об изначальной многомерности («плюральности», «дуальности», «многоступенчатости» и пр.) и конст-

руируемости жизненного мира человека, положение о единстве и взаимосвязи его социальных и культурных, индивидуальных и коллективных, сознательных и бессознательных сторон и, наконец, требование единства «естественных» (спонтанных, стихийных) и «искусственных» (рациональных, сознательно направляемых) средств воздействия в процессе управления жизненными изменениями.

Качественная специфика социокультурного анализа жизнетворчества заключается в «онтосинтетическом» характере познания разнообразных явлений и процессов жизни людей. Она выражается следующим образом:

(1) путем выявления атрибутов (атрибутивных свойств) жизнетворчества как общих условий или предпосылок онтосинтеза социальной реальности;

(2) посредством анализа формирования и реализации различных программ, стратегий жизнетворчества, а также институциональных моделей их реализации, соответствующих «сознательному» онтосинтезу жизненного мира, который основан на рациональных подходах и осуществляется при помощи инструментальных и технологических средств;

(3) путем рассмотрения образного, сознательно-бессознательного, интуитивно-чувственного конструирования и восприятия тех сторон или граней жизненной реальности, которые «схватываются» непосредственно, «в обход» культурных программ, стратегий и моделей, что соответствует «действительному» онтосинтезу этой реальности.

Именно последний тип онтосинтеза выходит за пределы собственно «технологического» отношения к изменению жизни и знаменует собой наступление «посттехнологического» периода жизнетворчества, имеющего общие черты с искусством и художественным восприятием действительности. <...>

Атрибутивная характеристика жизнетворчества

[К атрибутивным свойствам этого процесса автор относит: (а) свободное развитие человека и (б) рефлексивное взаимодействие человека с «внутренним» и «внешним» миром. — А. А.]

<...> **Свобода** *[выделено мною. — А. А.]* есть сущностный и определяющий момент жизнетворчества. Строить, творить собственную жизнь может далеко не всякий, а лишь свободный человек. Свобода и отчуждение в контексте жизнетворчества суть антиподы. Если первое выступает предпосылкой развития творческих сил человека, то второе означает их подавление и «обкрадывание» со стороны других людей или создаваемых ими институтов.

<...> **Саморефлексия**³⁴ *[выделено мною. — А. А.]* есть индивидуальная и антропоцентричная форма взаимодействия, выражающая способность

³⁴ Саморефлексия и ауторефлексия суть одно и то же. Автор настоящей книги предпочитает второй термин, поскольку в нем не объединяются разноязычные корни.

человека к осознанию (осмыслению, переживанию и т. д.) собственных представлений о самом себе, своей жизни. Она находит прямое и косвенное отражение в процессе жизнетворчества. В **непосредственном рефлексивном акте** человек как бы погружается в самого себя, структурирует собственное «Я», одним словом, общается с самим собой, выделяя свое отдельное «Я» из других «Я», имеющих в его сознании. Он может расставаться с собой прежним, чтобы познакомиться с собой другим. Он может разговаривать с самим собой, обнаруживая тем самым феномен «внутреннего голоса».

Такое рефлексивное раздвоение человека, при котором его «Я» встречается с другим «Я» в нем самом, создает благоприятный внутренний фон для развития жизнетворчества. Я могу наделять себя несуществующими образами, проигрывать их в ходе внутреннего диалога или полилога, то есть быть одновременно другим, не мной, и оставаться при этом самим собой... При этом появление новых представлений о моей жизни может привести к возникновению новых образов «Я» во мне.

Саморефлексия как способ взаимодействия человека с самим собой может происходить и **косвенным образом**. Это означает, что в ходе жизнетворчества человек встречается с самим собой через посредство других людей, предметов материального мира, других проводников. Окружающий мир становится для человека зеркалом его души, в котором преломляется его представление о своей жизни. В косвенном рефлексивном акте человек наблюдает и изучает себя как бы со стороны <...>, привлекая для этой цели сведения об окружающей действительности.

<...> **Общение** как социальная форма человеческого взаимодействия создает внешний фон жизнетворчества. В общении человек не только встречается с самим собой, но и с другими людьми. Общение есть взаимодействие многих, по крайней мере двух, человеческих миров. И хотя каждый такой мир уникален и автономен, в нем содержатся частицы других миров, благодаря чему эти миры могут сообщаться между собой.

<...> Поскольку жизнетворчество есть (по определению) свободная и сознательная деятельность человека, то оно может осуществляться лишь в режиме свободного общения свободных личностей.

<...> Жизнетворчество, рассматриваемое в контексте взаимодействия с другими людьми, т. е. как **свободное и рефлексивное** [выделено мною. — А. А.] взаимодействие, обладает еще одним важным свойством. Оно с самого начала выступает как **самореферентная деятельность**, или референтная самодеятельность. Если понятие «самореферентность» указывает на способность субъекта соотносить и согласовывать жизненное поведение с собственными представлениями о самореализации, то понятие «самодеятельность» характеризует свободный и сознательный характер творчества жизни, его

относительную независимость от внешних детерминант, например, нормативных предписаний. <...>

Жизнетворчество как арена конструирования

Вкратце

Здесь рассматриваются различные стратегии жизнетворчества: «стратегия мирозидания» и «стратегия экзистенциального творчества жизни»; стратегии самореализации, среди которых различаются «стратегия жизненного мастерства» и «стратегия жизненного дилетантства».³⁵

*Далее рассматриваются различные модели реализации стратегии жизнетворчества, среди которых особое внимание уделяется **согласительной модели**, соединяющей в себе уважение к другим и чувство собственного достоинства.³⁶*

Жизнетворчество как искусство создания жизни

<...> Преображение жизни как творчества, совершается в форме **игры** [здесь и далее выделено мною. — А. А.]. Игра есть свободное балансирование на грани между противоположными началами жизни — между реальным и идеальным, между естественным и искусственным, между свободой и необходимостью, между серьезным и смешным и т. д. и т. п. Играющий человек наделен способностью перевоплощения и импровизации. Свободная раскованность и раскрепощенность сочетается в нем с осознанием предельности игрового пространства, с признанием присущих игре законов и правил.

Жизнетворчество — это особенная игра. В ней выше, чем в обычной игре, степень неопределенности, непредсказуемости результатов. Это — игра и без правил, и по правилам, но которые заранее не всегда известны. Чаще всего они устанавливаются в процессе игры по соглашению между ее участниками. В этой игре не существует жестких ограничений (кроме одного — сохранение самой жизни, ее безопасности и свободы). Она протекает в значительной мере спонтанно. В качестве игрушек или игровых приспособлений в ней используются различные средства, главным образом средства жизнетворчества — образы, смыслы и другие

³⁵ Примечательна постановка вопроса о «дилетантстве»:

«...Дилетантом может стать далеко не всякая творческая личность. Чтобы стать дилетантом, надо перестать быть “работником”, “профессионалом” в узком и ограниченном смысле этого слова. Негативный образ дилетанта, сложившийся в научной литературе, должен уступить место представлению о нем, как о жизнерадостном и необычайно богатом человеке, который любит жизнь, людей, а также все то, что украшает и услаждает жизнь, делает ее интересной и привлекательной. Дилетант создает свой неповторимый жизненный мир, даря его себе и людям как бесценное сокровище...».

(Вспомним А. А. Любищева, который называл себя «дилетантом»; см. ранее, в томе I настоящей книги: раздел 6.5.)

³⁶ Это — уже моя интерпретация; Ю. М. детализирует эту модель по-своему, но такое толкование его анализу не противоречит.

представления. Из всех существующих видов игры жизнетворчество ближе всего стоит к художественной, в особенности, **театральной игре** и осуществляется по определенному **сценарию**.

<...> Если верно то, что искусство требует жертв, то в искусстве жизни человек приносит в «жертву» часть своей жизни. Он делает из своей жизни **своеобразную экспериментальную площадку**, на которой происходит игра различных образов жизни. Другая же часть жизни остается у него недоступной для игрового эксперимента. Есть отношение и чувства в жизни каждого человека, которыми нельзя играть. Они составляют его святуюню. Нельзя играть на чувствах материнства или любимой женщины. Нельзя проводить эксперимент, пользуясь слабостью или наивностью детей. **В жизни играть можно только с подобными и равными себе.**

Именно так я представляю жизнетворчество, призванное стать **искусством жизни**. <...>

Литература

1. Жизнь как творчество (социально-психологический анализ) / Отв. ред. Л. В. Сохань, В. А. Тихонович. — Киев: Наукова думка, 1985; *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991; и др.

2. *Кравченко Е. И.* Эрвин Гоффман. Социология лицейства. М.: Изд-во МГУ, 1997; *Кравченко Е. И.* Творя и познавая себя... (Социальная драматургия Эрвина Гоффмана) // Социологические исследования, 1993, № 11); *Кравченко Е. И.* Социологическая концепция И. Гоффмана / Современная американская социология. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Кравченко Е. И.* О бремени и соблазнах социологического мышления // Социологические исследования, 1996, № 8; *Резник Ю. М.* Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М.: Изд-во «Союз», 1995; Социальная идентификация личности — 2. В 2-х кн. Отв. ред. В. А. Ядов / Рос. АН, Ин-т социологии, 1994.

3. *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизнетворчество как искусство жизни // Лосинный остров, 1994, № 1; *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М.: Изд-во «Союз», 1995; *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненные стратегии личности // Социологические исследования, 1995, № 12; *Резник Т. Е., Резник Ю. М.* Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования, 1996, № 6.

4. *Дудченко В. С.* Основы инновационной методологии / М.: Изд-во «На Воробьевых», 1996; *Дудченко В. С.* Онтосинтез конфликта (к методологии исследования) // Социологические исследования, 1996, № 10.

5. *Дудченко В.С.* Инновационные технологии: Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во «Союз», 1996. <...>

(Ю. М. Резник. Жизнетворчество как форма онтосинтеза (социокультурный анализ) / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М.: Икар, 1998, с. 148-177)

Ремарка 1: драматическая социология как жизнетворчество.

С учетом всего сказанного выше, можно, пожалуй, утверждать, что то, что автор настоящей книги называет «драматической социологией», «наблюдающим участием», и т. д., включая «эксперимент социолога-рабочего», есть своеобразная разновидность жизнетворчества, в котором соединены профессиональная деятельность и жизненный эксперимент. (Март 2005).

Ремарка 2: одно из возможных определений человеческой жизни...

Жизнь человека есть **СО-творение себя и обстоятельств жизни (как собственной, так и других людей)**. СО- означает, что это деятельность — совместная с другими людьми. (Март 2000 — апрель 2005).

* * *

[Упомянутый выше сборник трудов методологического семинара (1998) открывается статьей Вячеслава Дудченко «Предпосылки онтосинтеза», где предпринята попытка соотнесения этого исследовательского направления с мировой философской и частно-научной традицией.

Среди «предшественников» и «союзников» В. Д. (и его коллег) — как античные философы (особенно — Платон), так и ученые и мыслители XX века: Э. Гуссерль, Г. Гарфинкель, П. Бурдьё, К. Кастанеда, П. Бергер и Т. Лукман, В. Эрхард, Г. П. Щедровицкий, Р. Ассаджоли, Ш. Гавэйи.

Здесь не буду ни цитировать, ни пересказывать эту работу, поскольку имею возможность отослать читателя к недавно вышедшей 2-х тысячным тиражом книге: *Дудченко В. С.. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004, — куда указанная статья вошла практически полностью.*

Ниже — извлечения из другой работы, опубликованной в сборнике трудов методологического семинара «Онтосинтез социальной реальности». — А. А.]

Из работы В. Дудченко «Методологические основы онтосинтеза» (1998)

<...> Мы вносим в тотально меняющийся мир некий порядок, задаваемый всевозможными образцами и программами. Субстрат непрерывных изменений — материал для конструирования и синтеза того, что люди называют «реальностью». Средства этого конструирования — образцы и программы, задающие социально легитимизированную форму реальности. Этот процесс, видимо, разумно назвать «**онтологическим синтезом**». Таким образом, под «**онтологическим синтезом**», или «**онтосинтезом**», следует понимать синтез реальности из материала мира, находящегося в процессе непрерывных изменений, при помощи образцов и программ, составляющих основное содержание культуры. Если говорить о механизме действия онтосинтеза — это процесс порождения некой целостности из отдельных составляющих материала мира, с приданием этой целостности эмерджентных свойств, отсутст-

вующих у этих составляющих, но присутствующих на уровне целостности. Дистинкция «онтосинтез» рассматривается как элемент культуры и полагает существование описанного механизма и процесса, а также порождает новое направление мысли, выступает как инструмент создания виртуальной реальности, определяет наше восприятие и, в то же время, не имеет отношения к реальному действию механизма онтосинтеза.

Онтосинтез — главная функция сознания

Онтосинтез обеспечивает выживание человека за счет **опережения** восприятия и осознания мира. Мы **сначала синтезируем** реальность из материала мира, следуя как указаниям природы этого материала, так и императивам культурных образцов, а затем **«воспринимаем»** эту реальность, как уже существовавшую до нас, интерпретируя ее по-своему.

<...> Естественной частью материала мира является сам человек. Из «материала» внутреннего мира человека при помощи онтосинтеза создаются нормативно детерминированные, «естественно» осуществляющиеся переживания, мысли, состояния и действия. Возникающая в ряде случаев дисфункциональность действия механизма онтосинтеза внутреннего мира человека породила необходимость разработки средств «сборки» этого мира. Эту функцию успешно выполняет раздел психологии под названием «психосинтез». Под «психосинтезом» понимается выявление или создание «объединяющего центра» и построение вокруг него органичной, внутренне согласованной и объединенной в одно целое новой личности (см. *Ассаджоли Р.* Психосинтез: теория и практика. М.: REFL-book, 1994).

Культурные образцы всегда неадекватны материалу мира

Мы осознаем, что мир непрерывно меняется, отсюда — повторение одного и того же невозможно. Парадоксальная мысль, что старое в силу вышесказанного вообще не существует, вызывает смятение в умах и интеллектуальную агрессию, выполняющую защитную функцию. И тем не менее, культурные образцы и программы сформированы старым, уже не существующим миром и, в лучшем случае, соответствуют только ему. Поскольку мир непрерывно меняется, культурные образцы, сформировавшиеся в прошлом и длящиеся в настоящем как самоотжественные сущности, по определению не могут быть адекватны материалу мира, реально осуществляющемуся здесь и теперь. Таким образом, мы, осуществляя онтосинтез, воспроизводим образцы и программы, а не реальный мир. Упорядоченный же образцами и программами прошлого материал сегодняшнего мира — это всегда **псевдореальность**. <...>

Онтосинтез может породить действительную реальность

Культурные образцы и программы сформированы уже не существующим миром и соответствуют только ему. Мы воспроизводим образцы и программы, соответствующие уже не существующему состоянию мира. Эти образцы и программы неадекватны осуществляющемуся сейчас миру, поэтому фактически облакают его в форму иллюзорной реальности, или псевдореальности. Назовем этот вид онтосинтеза **«стихийным»** или **«спонтанным онтосин-**

тезом». Для человека он естествен как дыхание и осуществляется спонтанно, без сознательной цели его использовать. При этом «стихийность», «естественность» и «спонтанность» заданы филогенезом развития общества и онтогенезом развития человека.

Однако человечество, тем не менее, выживает, чего не могло бы быть при существовании только этого вида онтосинтеза, поскольку в иллюзорном мире действовать эффективно невозможно. По-видимому, есть еще какие-то разновидности онтосинтеза, которые позволяют «схватывать» указания материала мира и синтезировать реальность, осознавая которую можно действовать успешно. Проведенный анализ и экспериментальный опыт позволяют утверждать, что существует синтез реальности из материала мира, осуществляющийся посредством осознанно построенных программ, максимально учитывающих указания материала мира и тяготеющих к синтезу действительной реальности. Этот тип онтосинтеза можно назвать **«сознательным онтосинтезом»**. Его применение дает впечатляющие результаты, но несет ряд серьезных опасностей.

Наконец, обнаружен еще один вид онтосинтеза, действующий **без** образцов, программ и прототипов, то есть онтосинтез непосредственный, осуществляющийся «в обход» культурных норм, образцов и программ. В качестве иллюстрации можно привести известную восточную модель — «Быть в одной комнате со змеей». В этой ситуации разум, мышление, рациональность, интеллект не помогут. Чтобы выжить, надо существовать **иначе**, предельно адекватно синтезируя из процессов, происходящих в «материале мира», действительную реальность, будучи единым с которой и действуя в которой, человек, как минимум, выживает. Здесь даже можно ставить вопрос о необходимости онтосинтеза, опережающего процессы, происходящие в материале мира (если вы не «почувствуете» направления и характера атаки змеи и не будете готовы действовать, вы просто погибнете). Назовем этот вид онтосинтеза **«действительным онтосинтезом»**. Он осуществляется в конкретных ситуациях в соответствии с указаниями материала мира, человеческой органики и человеческих намерений. Будучи чувствительным к этим ситуациям как способу существования и разворачивания конкретных фрагментов материала мира, действительный онтосинтез становится основой и механизмом осуществления эффективных действий и порождения принципиально новых образцов.

Как возможны эффективные действия

<...>Порождаемая человеком псевдореальность — препятствие для синтеза эффективного действия, поскольку она неадекватна текущему сейчас материалу мира. Эффективные действия и продуктивная жизнь невозможны в псевдореальности.

Эффективное действие как акт физической и социальной активности порождается одновременно с порождением действительной реальности и возможно только в ее контексте. Эффективное действие порождается в акте онтосинтеза как органичная часть действительной реальности, которая соответствует, адекватна осуществляющемуся сейчас материалу мира. Речь здесь идет о том, что лишь в случае учета особенностей органики, «экологии», естественных характеристик окружающего мира и его динамики, мы получаем возможность синтезировать эффективное действие.

«Эффективным» можно назвать действие, которое синтезируется («порождается») как:

- органичная часть действительной реальности;
- действие, соответствующее намерению, цели или соглашению;
- действие, в которое вложены все силы и возможности + нечто сверх этого;
- действие, насыщенное силой, энергией и насыщающее силой и энергией окружающих людей и среду;
- действие, ориентированное на идеальный результат;
- действие, не приводящее к растрате силы и энергии.

Эффективное действие ситуационно порождается в ситуационно порождаемой действительной реальности, само порождает действительную реальность и возможно в ней.

<...> [*Здесь описан заключительный раздел работы, называющийся: «Онтосинтез как методология порождения эффективного действия».* — А. А.]

(В. С. Дудченко. Методологические основы онтосинтеза / Онтосинтез социальной реальности. Труды методологического семинара. М., 1998, с. 12-20)³⁷

... Любопытно отметить, что как только какое-либо событие или какая-то ситуация начинают конструироваться как экспериментальные, существенно меняется их содержание, характер собственных действий и собственное состояние. Появляется на свет «система с наблюдателем», включенным в нее как органичная часть. Появляется и точка сознания, с которой конструируется и рассматривается эта «система с наблюдателем». Интересно посмотреть, как строится ткань событий при таком двойном и осознанном отношении к происходящему...

В. С. Дудченко. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004, с. 17

0.9. «Ведут ли тебя по жизни или ты сам определяешь ее?..»

[Ниже — начало одноименной рукописи под названием «Воспоминание о себе», полученной мною, в качестве дружеского дара, от А. Н. Марасова³⁸ в апреле 2000 г. Этот текст оказался фрагментом философско-биографической книги А. М. «Арабески», вышедшей в Ульяновске годом позже. — А. А.]

³⁷ См. также: Дудченко В. С. Абсолютный консультант, или секреты успешного консультирования. М.: Кватро-Принт, 2004, Приложение 1. Здесь не имею возможности иллюстрировать высказанные теоретические положения. В. Д. делает это как в тексте «Абсолютного консультанта...», так и во включенном в цитированный сборник трудов методологического семинара собрании «невъдуманных историй» («кейсов»), которые можно идентифицировать также и как «моделирующие ситуации».

³⁸ Анатолий Николаевич Марасов — канд. биол. наук, доцент Ульяновского гос. педагогического университета. Читает курсы эволюционного учения и методики биологии. Многолетний организатор ежегодных Любимцевских чтений в Ульяновске. Автор книг философской прозы: «Катехизис» (1993), «Природа» (1994), «И звук, и свет» (1997). Член Союза писателей России. См. о нем также ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 4 к главе 6.

Из рукописи А. Марасова «Воспоминания о себе» (1999)

Судьба

Что судьба? Ведут ли тебя по жизни или ты сам определяешь ее?

Сила какая наполняет внешние для тебя обстоятельства, а может быть, сам ты связан в иные мгновения со всем внешним для себя миром связью непонятной, сильной? Какая необходимость пронизывает тогда тебя?

* * *

...в сущности уже несколько десятилетий я задумывался над одним и тем же вопросом — имеют ли значение для человека какие-то события — природные, жизненные?

Они — есть простые совпадения или знаковые? Отчего жизнь моя — с детства, с незначительных фактов, рассеянных по годам, — выстраивает уже судьбу? ведь судьба — это то, что непонятно для настоящего, что скрыто от него, это проявление сил таких, которые (просто?) не просчитываются, не видны... Словно... мы наполняем жизнью своею, делами своими какую-то полую форму (см. у Линника: «Мы вдруг поймем... / что мы являемся эскизом / и полой формой для литья»).

Да, мне хотелось всегда, чтобы человек был сильнее обстоятельств, и сам я стремился к этому, и потому огромное впечатление на меня всегда оказывала 1-я часть 5-й симфонии Бетховена. Человек должен! Должен быть выше всего! Но сам же знал, что «лишь» устойчивый интерес, что-то небольшое, что сводилось к «смыслу жизни», и было сильнее обстоятельств.

Но уже — всех обстоятельств.

И все же — этот ветер, эти физические условия, эти события в мире людей, да и сами люди, прежде всего сами люди, такие близкие и родные, — что мне? Почему именно я должен быть выше обстоятельств? А все остальные? Все остальное само по себе?

И все вспоминаю и вспоминаю факты, например, при выборе... взрослого и единственного жизненного пути: а был выбор? Может быть, вслед за Мамардашвили мне следовало сказать, что я был «просто» свободен? ведь я ничего и никого не выбирал! И реализовывалась-то... моя необходимость (наша необходимость?); необходимость та была не вне меня, но во мне...

Линия соприкосновения с миром, с действительностью есть судьба, и едва ли не в равной степени прочерчивают эту линию и внешние обстоятельства — запреты, и внутренние — твой дух.

Но за много ходов очерчена судьба твоя! От края, от непосредственности, от прочтения... <...>

А. Марасов

Апрель-октябрь 1999³⁹

³⁹ См. также: Марасов А. Н. Арабески. Ульяновск: Изд-во УГПУ, 2001, с. 48-49.

Ремарка: интеллектуальная биография.

...Представляются особенно пронзительными и точными строки: «...**Почему именно я должен быть выше обстоятельств? А все остальные? Все остальное само по себе?..**». (Ср. с А. А. Ухтомским: «доминанта на Лицо другого»...⁴⁰).

Вот оглавление присланной мне А. Н. Марасовым рукописи:

Воспоминания о себе: Судьба; Рождение; Жизнь; Поиски действительности; Импульс и инерция; Дух; Человек как посредник; Лучшие минуты жизни; Самые близкие люди; Из воспоминаний; Воспоминания о размышлениях; Время (о фотографиях); Смерть.

При относительно слабой насыщенности биографическими сведениями (уж никак не жизнеописание!), цитированные здесь «Воспоминания о себе» А. Марасова представляются мне особой формой интеллектуальной (духовной) биографии: «лично-всеобщее» размышление о жизни.

Как уже сказано, это одна из частей вышедшей в 2001 г. в Ульяновске книги философско-биографической прозы «Арабески». В книге — четыре части. Первая называется «Воспоминания об Ундорах». (Ундоры — старинное волжское село, откуда родом А. М.). Родословная, рассказ о предках (все — крестьяне)... Вторая часть — уже упомянутые «Воспоминания о себе». Третья называется «Университеты». Ее оглавление:

Университеты: Действительность; Детство; Дом; Школа; Из воспоминаний об «улице»; Педагогический институт; Семья; Работа в школе; Опыт научных занятий; Опыт рефлексий; Любичевский университет; Действительность.

И, наконец, четвертая часть, называемая «Отблески воображаемой диссертации». Эта часть включает в себя, среди прочего, такие разделы:

— Феноменологическая триада человека (Живая природа; Неживая природа; Человеческие отношения);

— Структурная тетрада человека (Тело; Душа; Дух; «Я»).

Приведу здесь еще одно извлечение из этой книги. См. ниже. (Май 2000 — апрель 2005).

Из книги А. Марасова «Арабески» (2001)

«Я»

Из самых последних философских публикаций по этой теме возьмем статью одного автора⁴¹, который считает, что феномен «Я» как идеальное самосознание, в отличие от разума, стоит вне естественного порядка вещей. Правда, автор утверждает, что «Я» это «эпифеномен материального разума» (с. 136).

Эпифеномен — это над-явление, т. е. иначе — это порождение «естественного» разума, который оперирует информацией, а «Я» — ее смыслом. В заключение автор пишет, что «искусственный разум» уже есть факт, а искусственный феномен «Я» — «есть нонсенс, ибо он может быть только подлинным».

В своей последней книге⁴² я ссылаясь на статью Ю Шрейдера⁴³, где автор утверждал, что «феномен сознания не укладывается в натуралистическую картину мира» (с. 264).

Эпифеномен — это значит, что человеческое «Я» только «снизу», только в одном направлении, только функция.

Нет человека — нет никакого «Я».

... «Я» — это такой «сгусток» мыслей: который не осознается «со... стороны», осознаются мысли, «оторвавшиеся» от «Я», но и в «таком» виде сама мысль вряд ли обладает «материальными» чертами: мысль мгновенна, для нее преград нет...

Связь снизу... очевидна, но процитируем еще одного философа:

«Драма мысли... разыграна двумя голосами. Эти голоса суть логос и эйдос» (с. 16)⁴⁴. И далее: «Мысль изначально единая / однородная / с сущим, как об этом прямо свидетельствует Парменид, не имеет ничего общего с позднейшими изделиями логики. Она — импульсивна, стихийна, по стихийному бедственна, иммагинативна и немислима в буквальном смысле слова; говоря иначе, падеж ее бытия не винительный, а творительный, т. е. «субъект» не мыслит ее, а мыслим ею. Она — логос-молния, поражающее словидческое сознание фрагментарными откровениями умных ликов, и в этой стадии проявления она — насквозь идейна, эйдетична» (с. 42).

* * *

Феномен «Я», да и феномен сознания не умещается в прокрустово ложе натурализма. Но как же понять тайну собственного происхождения. Упростим позицию К. А. Свасьяна и в противовес позиции О. В. Суворова приведем мнение А. А. Любищева:

«...гегемония одного из направлений есть отказ от подлинной диалектики и забвение мудрого принципа: одним путем нельзя дойти до столь великой тайны».⁴⁵

И — повторю: оценка человеку — невозможно большая, она — вся вселенная. <...>

(А. Н. Марасов. Арабески. Ульяновск: Изд-во УГПУ, 2001, с. 153-154)

⁴² Марасов А. Н. И звук, и свет. Ульяновск: Издательство УГПУ, 1997.

⁴³ Шрейдер Ю. А. Неправомерная альтернатива // Новый мир, 1990, № 7.

⁴⁴ Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Ереван: АН Армянской ССР, 1987. Логос — первоначально — слово, речь, язык, позже, в переносном смысле — мысль, понятие, разум, смысл. Эйдос — образ, понятие, вид (Философский энциклопедический словарь, М., 1999). «Эйдос — наглядное изваяние смысла... явленная сущность» (Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993, с. 69).

⁴⁵ Любищев А. А. Редукционизм и развитие морфологии и систематики // Журнал общей биологии, 1977, № 2, с. 262.

⁴⁰ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.3, приложение 2 к главе 6, и др. разделы.

⁴¹ Суворов О. В. Разум и феномен «Я» // Вопросы философии, 2000, № 4. (Здесь и далее — примечания А. М.)

0.10. Счастье, воля, свобода, ответственность...

Из книги Г. Тульчинского «Постчеловеческая персонология» (2002)⁴⁶

<...> Человек, в конечном счете сам хозяин своей жизни. Он не может жить в бессмысленном мире и он всегда способен придумать оправдание и смысл своей жизни и своих поступков. А поскольку у каждого свои жизненные цели, то и оправдание свое всегда найдется. Но есть цели и смыслы универсальные, когда ты, даже едучи затылком вперед, чувствуешь — туда надо, там тепло. Например счастье. «Человек создан для счастья, как птица для полета». Не больше и не меньше. Счастлив и оправдан. Не зря живет. <...>

У разных людей все-таки конкретные и различные представления о счастье, о желаемом должном. Причем зачастую они радикально отличаются от конкретных условий реальной жизни. Как известно, везде хорошо, где нас нет. Стремление к трансцендентальным целям — важная составляющая мотивации. Но дисбаланс должного и сущего может быть нарушен. <...>

И тогда сам собой напрашивается вопрос — что же мешает счастью? Не было бы счастья, так несчастье помогло. Весь российский и советский духовный опыт, кашу которого мы расхлебываем до сих пор, заварен на этом вопросе. И на ответе, который пронизывает, объединяет сознание и искания интеллигенции, великую русскую литературу. Мешают обстоятельства, мешает среда. Мешают условия, обстоятельства места, времени, образа действия и т. д. Ведь что такое знаменитые «лишние люди» — Чацкий, Онегин, Печорин, Обломов и прочие «дяди Вани»? Таланты, прекрасные души, невостребованные плохой средой, «лучи света в темном царстве». Неважно, что остается неясным — как это среди такого окружения, среди всех этих «мертвых душ» берутся такие алмазы самородные. Среда, «не то» время, «не те» люди — не только их не понимают, но и губят.

Сама собой напрашивается и программа — убрать среду, отвергнуть, изменить условия и обстоятельства. И вот уже разворачивается нравственная трясина нигилизма, бесовщины, революционаризма с их насилием и оправданием человекоубийства. Счастью народному царь мешает — убить царя. Неважно, что первой бомбой убит мальчик с корзиной, которого в упор не замечает и не хочет помнить героическая интеллигенция, пекшаяся о слезинке ребенка. Крестьянскому счастью кулаки мешают — убрать кулаков, а заодно и всех живущих лучше «несчастных». В духе построения чевенгуровского коммунизма: если коммунизм это когда нет буржуазии — расстреляем буржуазию. А если нет реальной

⁴⁶ Григорий Львович Тульчинский — докт. филос. наук, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства.

буржуазии, определим в нее тех, кто почему-то негоден или просто не нравится. Удивительно, но счастье от этого не наступает. Это как с евреями — «виновниками» всех русских бед, по мнению некоторых радетелей народного счастья. Как недавно меланхолически отмечалось в одной статье, «в прошлом году уехало столько-то евреев, с начала года — еще столько-то, однако лучше почему-то не стало, скорее — наоборот.

Человек вне обстоятельств — самозванец, сверхчеловек по ту сторону добра и зла. Это нигилизм, поскольку отрицается и отвергается реальный мир. Но нигилизм, возведенный в степень нравственного максимализма. Абсолютное отрицание существующего, разрушение его, уничтожение. Это также и утопизм — поскольку предполагается на месте отвергнутого, разрушенного мира утвердить нечто идеальное, до сих пор нигде и никогда не существовавшее — у-топическое и а-хроничное.

Это не просто самозванство, а человекобожие — поскольку человек берется создать мир заново, сотворить его по своему разумению. Это полный правовой нигилизм и аморализм, нравственный беспредел, потому как если человек создан для счастья, то оправдан любой путь к счастью, оправдано любое насилие над обстоятельствами, мешающими достижению счастья.

<...> При всей любви к трансцендентальному преображение и творчество удаются в той мере, в какой осознается ответственность и утверждается добро. Поэтому проблема счастья не столько вовне, касается не столько мира внешнего, сколько мира внутреннего. И как же тогда быть с самим собой, если очень захочется счастья? Что такое освобождение от среды, отрешенность от внешних условий и рамок, «покой и воля»? Вечный кайф, «оттяг в полный рост», как говорят молодые. Апофатичное счастье взрывается пустотой и самоотрицанием. <...>

Счастье — не самозабвение, не нирвана вечного кайфа, а работа ума и души. Творческое созидание. Плетение ткани бытия, а не ее разрушение или выпадение из нее. Счастье — свобода, а не воля. Воля — лишь инстинкт свободы. Полноценная свобода — осознанное переживание своей влеченности в реальность, своей укорененности в ней, своей ответственности за нее, сознание, что от тебя что-то зависит в ней. <...>

«Статус человека, — пишет мудрый Е. Б. Рашковский, — не есть статус самозамкнутый: человек — посредник между Богом и Вселенной, между Небом и Землей, между человеком и человеком. И следовательно, свидетель их непрерывной, живой и глубоко личной связи, перерастающей все условные рамки места и времени. И лишь признав это обстоятельство, человек может обрести в себе ту степень вдумчивости, ответственности и толерантности, когда обретается способность требовать от себя и прощать другим».⁴⁷

<...> Воля и свобода часто путаются. Российская свобода почти всегда — воля. Свобода совпадает с ответственностью. Там, где я свободен, я и только я отвечаю за свои свободные действия. Но и ответственен я

⁴⁷ Рашковский Е. Б. На оси времени. Очерки по философии истории. М., 1999, с. 191.

только там и только тогда, где и когда я свободен. В ситуации свободы я и к другим людям с необходимостью отношусь как к свободным. Ведь как я могу стать свободнее? Только отнесясь к другим как к таким же свободным людям, соотнося свои интересы с их интересами, вступив с ними во взаимно свободные, то есть ответственные отношения. Сделать это я не могу против воли других, а только учтя их интересы, сочетая их со своими, переплетая их и сплетая тем самым ткань реальных отношений. Свободу мне приносит только обращенность ко мне других, их спрос на меня, на мой труд, на мои способности и т. д. Отвечая на этот спрос, ответив на него другим, я беру на себя новую ответственность и становлюсь свободнее. И есть ситуация воли. Когда я напрочь не учитываю интересы других: у меня есть идея и ради этой идеи, во имя ее, от ее имени я себя не жалею, но и других не пощажу, выступая фактически самозванцем.

Свободное общество потому и богатеет, что оно есть общество взаимно ответственных отношений, взаимного удовлетворения взаимного спроса, всюду плотно структурировано взаимно свободными (=ответственными) отношениями. В ситуации же воли интересы других людей меня не интересуют. Социальное пространство в таком обществе не структурировано. В нем, как шары в пустом барабане, носятся самозванцы со своими идеями о счастье, натываются друг на друга, отскакивают... Треску, шуму, грохоту много, а толку никакого до тех пор, пока не появится какой-нибудь суперсамозванец, который жестко выстроит всех по ранжиру своей воли. Итог ситуации свободы — созидание и творчество. Шум, грохот и их сила — результат социальной жизни в ситуации воли.

<...> Философия счастья — не имморализм наслаждения и не этика долга. Счастье — не самозабвение, когда личность распускается как мясо на сковородке. Оно есть переживание и сознание полноты сопричастности. Поэтому философия счастья есть философия спасения. Себя как личности и своих обстоятельств, за которые ты ответственен. Наверное, нас еще ждет школа счастья — реального, а не призрачного. А может быть, мы уже прошли начальный класс этой школы в советском опыте... Воля — инстинкт свободы. Свобода — сознание воли. Воля — самозванство и невменяемость. Свобода — самоопределение и самопреодоление. Постановка пределов и границ своей ответственности. Свобода — самоограничение воли? И да и нет. Да — как знание пределов. Нет — как выход к новым пределам и границам. На основе выявленного или созданного спроса. На основе новых вопросов и новых ответов.

Если свобода — мера моего «не-алиби-в-бытии», то она становится моей судьбой — конкретным содержанием проживаемой и переживаемой ткани бытия. Моя часть в общей ответственности за целое мира — моя жизненная доля и есть моя судьба. Но это моя судьба только в той мере, в какой я свободен=ответственен в этой доле. Столкновение воли, война воли усмирятся только самой сильной волей, насилием и выстраи-

ванием иерархии воли, как в стаде или банде. Парадокс в том, что чем ближе к вершине этой пирамиды, тем менее свободна воля. <...>

(Г. Л. Тульчинский. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002, с. 452-454)

* * *

[И в заключение этих «пролегоменов» — некоторые трактовки и истолкования собственно содержания и смысла настоящей книги (ее первых двух томов) другими людьми. — А. А.]

0.11. «Стереоскопичная и достоверная картина переломного времени...»

[Ниже — извлечения из статьи Владимира Васильевича Кавторина «О нашем менталитете. Всерьез и не очень», опубликованной в журнале «Нева» (декабрь 2003). — А. А.]

<...> Я хотел бы обратить внимание читателей «Невы» еще на две публикации последнего времени — двухтомную монографию петербургского социолога А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» и мемуары бывшего политзаключенного Валерия Ронкина.⁴⁸

<...> Двухтомная монография А. Н. Алексеева — работа по определению автора «не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая...» — явление во многом уникальное в нашей социологии. Когда в 1980 году автор ее стал рабочим Ленполиграфмаша, это был всего лишь эксперимент «включенного наблюдения», попытка познать производственные отношения изнутри, но... «По всем классическим правилам и канонам включенного наблюдения, признает экспериментатор в самых первых же дневниковых записях, следовало бы «слиться со средой», пассивно приспособившись к ней, и наблюдать за естественным ходом событий. И что бы «наблюди»? А лишь процесс гниения вкупе с самим загнивающим наблюдателем».

Для Алексеева эксперимент имел не только научный, познавательный смысл, но и чисто личностный — его вела «скрытая надежда преодолеть всякие свои раздражающие себя слабости». Это осознавалось также изначально, как и вписанность эксперимента в ясно обозначившийся фон «ухода» части интеллигенции в иные социальные слои. Пи-

⁴⁸ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-2. СПб.: Норма, 2003; Ронкин В. Е. На смену декаблям приходят январы... Воспоминания бывшего бригадиршица и подпольщика, а позже — политзаключенного и диссидента. М.: «Мемориал» — «Звенья», 2003.

О Валерии Ефимовиче Ронкине, а также одну из его собственных работ см. ранее, в томе 2 настоящей книги: «Вместо заключения», раздел 2. (Примеч. А. А.).

сатели-дворники, художники-сторожа, музыканты-кочегары — характерная примета 80-х.⁴⁹

В этой атмосфере эксперимент «включенного наблюдения» быстро превращается в опасный вариант «наблюдающего участия», при котором поведение экспериментатора призвано «провоцировать социальные институты на соответствующие реакции, выясняя, на что же они способны, чего еще от них можно ожидать». Причем выясняется реакция социальных институтов именно на тот тип поведения, который диктуется официальной идеологией: активное участие в производстве, «хозяйское» отношение к делу, критика и самокритика... Оказывается, что именно такое поведение вызывает все более враждебные и жесткие реакции расширяющегося круга социальных институтов — от цехового начальства до КГБ и обкома КПСС. У экспериментатора устраивается обыск, изымается архив, его исключают из партии, Союза журналистов, Социологической ассоциации... А так как и защиту свою Алексеев преднамеренно строит на скрупулезном следовании официальным идеологическим канонам, то мы получаем масштабную картину противостояния официальной (провозглашаемой) и фактической (поведенческой) идеологии власти.

Некоторые периферийные сюжеты дают работе естественное развитие вширь (социологический портрет сибирского села Викулово, созданный учителем А. Давыдовым), в прошлое (материал о революционере и краеведе С. Поршнякове из г. Боровичи) и даже в будущее (анализ истории шахтерских забастовок) от основного сюжета. Все это многократно и сверхнадежно подкрепляет один из основных выводов автора: «Следует отдавать себе отчет в том, что как и в прежнем (советском), так и в нынешнем (постсоветском) обществе чрезвычайно велик разрыв (доходящий до диаметральной противоположности!) между **реальностью** социального, народного уклада жизни и ее **отражением**, в частности, в официальной идеологии и документах управляющих институтов. <...> Подобно тому, как реальность “развитого социализма” вовсе не соответствовала господствующим представлениям о “развернутом строительстве коммунизма”, так и — в не меньшей мере — современная российская действительность решительно противоречит ныне прокламируемому у нас... нормам рыночной экономики, правового государства, социальной защищенности, демократии и т. д. Но если диаметрально противоположные общественные проекты равно неадекватны (как тогда, так и теперь) реальному положению дел или, если угодно, социальная действительность опровергает и дискредитирует любую “программу”, то не означа-

⁴⁹ Подобная ситуация характерна для всякого общества, беременного серьезными переменами. В 1850-е дворянские сыновья вдруг стали уходить в ученые, в педагоги, накануне революции усиленно «прощались» толстовцы... Многочисленные примеры того же рода из самых разных эпох приводит А. Тойнби, описывая ситуации «ухода-и-возврата». (Примеч. В. К.).

ет ли это, что глубинные общественные процессы совершаются и трансформируются во многом **независимо** от этих предначертаний?» И далее: «Самовоспроизводство и наследование (преемственность!) социально-культурных моделей и стереотипов поведения в любой сфере (не исключая управленческую) могут вполне совмещаться с радикальной трансформацией общественной “надстройки” и даже “базиса” (в марксистском смысле). Вообще закономерности смены (замещения, трансформации) моделей индивидуального и коллективного социального поведения — принципиально иные, чем закономерности перехода от одних форм социальной ориентации⁵⁰, “экономики и политики” к другим».

Действительно! Ни одна, казалось бы, «модель социального поведения» не была так надежно сломана и утоплена в крови советской властью, как стремление интеллигенции к независимости, к поведению, диктуемому лишь собственным пониманием ситуации. Но!.. Составленный автором список «только **инициативной** и только **публичной**» поддержки опального социолога-экспериментатора в его конфликтах с различными властными институтами содержит 39 эпизодов с участием более чем 70 человек! Социальная модель независимого интеллигентского поведения возрождается как бы сама собой, хотя, строго говоря, механизм этого возрождения являет собой сложный сплав спровоцированного социального подражания (мимесиса, по терминологии А. Тойнби) и самостоятельного осмысления реальных противоречий, наглядно обнажающихся в результате эксперимента социолога-рабочего.

Особую ценность монографии А. Алексеева придает то, что она представляет нам объемный массив жизненных коллизий и социальных конфликтов, документально зафиксированный (дневники наблюдающего участия, письма, протоколы, различные служебные документы) по горячим следам, уникальную по своей стереоскопичности и достоверности картину переломного времени, которая, вероятно, не раз еще станет предметом анализа не только социологов, но и историков, и психологов — всех, кого интересуют секреты вызревания общественных перемен.

Но вернемся к главному — к традиционному для России «разрыву» между социальной реальностью и ее отражением. Заметим, что этот разрыв есть точка, в которой тревоги многих наших авторов сходятся. Ведь только сближение «отражения» с «реальностью» позволит рационализировать дальнейший процесс общественных перемен, сделав его прозрачным и предсказуемым, и тем самым не только избежать многих бед, но и ускорить его. Соглашаясь с тем, что главное средство этого — «интенсификация социокультурной рефлексии и рефлексивности» (О. Яницкий), так и с тем, что «наше общество приобрело новое качество открытости к изменениям» (А. Алексеев), а следовательно, стало и более познаваемым, я хотел бы подчеркнуть, что скорость этого процес-

⁵⁰ Здесь — неточность в цитировании. В книге: не «социальной ориентации», а «социетальной организации» (см. Алексеев А. Н. Указ. соч., т. 1, с. 25). (Примеч. А. А.).

са (а скорость его для нашего общества, возможно, вопрос жизни и смерти!) будет зависеть и от того, удастся ли наладить здесь широкий обмен мнениями представителей самых разных научных дисциплин. <...>

В. Кавторин

(Цит. по: Нева, 2003, № 12, с. 220, 222-224)

[Кроме вышеприведенного отзыва в рамках статьи В. Кавторина в журнале «Нева» (2003, № 12), см. также **моно**-рецензии на первые два тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», опубликованные в: «Социологическом журнале» (2003, № 2; авт. — В. Григорьев) и в «Новом литературном обозрении» (2004, № 6; авт. — Д. Равинский).

Обе эти рецензии включены в том 4 настоящей книги (глава 23). — А. А.]

0.12. «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» (1)

...Различая три компонента образовательного пространства: информационное, воспитательное и развивающее, — можно утверждать, что системная триада образования, выполняя синтезирующую роль, должна включать в себя и передачу знаний (рацио), и воспитание стиля (эмоцио), и развитие умения (интуицио). Целостно образованный человек ощущает себя понимающим («счастье — это когда тебя понимают»), участвующим («без меня народ не полон»), творящим (синергия — сотрудничество человека с Богом)...

Р. Баранцев. *Образование есть осиллие* (2003)

[Ниже — оказавшиеся в моем распоряжении тексты учебных работ студентов-социологов 3-го курса Национального университета «Киево-Могилянская академия», прослушавших курс «Биографический метод в социологических исследованиях» (2004). Преподаватель — Р. И. Ленчовский⁵¹ — использовал тома 1 и 2 книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» как пособие и пример для изучения и разбора, а контрольную работу предложил написать в форме личного письма (вполне достойный, хотя и подзабытый жанр академического общения и биографического дискурса).⁵²

Стоит заметить, что киевские студенты принадлежат к «поколению 1984 года (рождения)», года — не случайного для основного сюжета этой книги. — А. А.]

⁵¹ Роман Иванович Ленчовский — киевский социолог и философ, один из соавторов настоящей книги. См. подробнее о нем, а также его собственные работы в томе 1: разделы 6.2-6.4; в томе 2: разделы 8.9, 9.4, 9.5 и др. В настоящее время Р. Л. работает в Киевском международном институте социологии.

⁵² Все тексты датируются июнем 2004 г. Язык оригинала — украинский. Публикуются в переводе самих авторов (кроме замыкающего подборку «письма господину преподавателю», где перевод выполнен В. Очаковским). Тексты студенческих работ публикуются в сокращении.

Ольга Гарыгина

...Поздравляю себя
с этой ранней находкой, с тобою,
поздравляю себя
с удивительно горькой судьбою,
с этой вечной рекой,
с этим небом в прекрасных осинах,
с описанием утрат за безмолвной толпой магазинов.

...Слава Богу, чужой.
Никого я здесь не обвиняю.
Ничего не узнать.
Я иду, тороплюсь, обгоняю.
Как легко мне теперь,
оттого, что ни с кем не расстался.
Слава Богу, что я на земле без отчизны остался...

(сл. Иосифа Бродского, «От окраины к центру»;
муз. Светланы Сургановой, «Неужели не я»)

Дорогая моя Олеся!

Думаю, ты сейчас вся в работе, впрочем, как всегда — ни минуты покоя. И все-таки, когда будешь ехать в маршрутке и подсознательно придумывать, чем бы себя занять, вспомни нашу защиту курсовых. Помнишь, когда М. защищала свою работу по методу наблюдения, С. Н. попросила назвать несколько классических примеров использования этого метода. Она была удивлена, что никто не назвал советского социолога Алексеева, который из института ушел на завод — получается, включенное наблюдение. Честно говоря, мне даже стыдно стало, что я не знаю про такие интересные факты, особенно, в отечественной социологии. Вот я и решила, что нужно ситуацию исправлять. Это была одна из ключевых причин, почему я слушаю курс «Биографический метод в социологии». <...>

Если честно, прочитать книгу полностью так и не удалось, жаль... но познакомиться с этой работой все-таки следует. То, что социолог из кабинетной работы уходит на завод — это далеко не все. Пересказывать содержание книги не имеет смысла. Укажу только несколько сюжетных линий — отношения с органами власти в рамках партийной системы. Объектом исследования становятся не рабочие, а сам автор, и не в заводских условиях, а в системе. Еще раз это слово — система — одно из моих самых любимых: системность — организованность — стратегичность — успех... Для А.⁵³, наверное, другое: границы — пресс — давление...

В этом, наверное, пик мастерства — все, что ни было, себя, жизнь, угрозу — в исследование, в эксперимент. Прекрасная черта человека — выйти за границы самого себя, там оглянуться, посмотреть на себя, еще и посмеяться... над собой, не глумиться, а так социологически смеяться. Противно — стоять и разводить руками, но А. не так себя ведет: «Перемен не надо ждать. Их надо делать!» или же «Судьба мне опять поставила точку на Фролов день,

⁵³ Здесь и далее в оригиналах документов — фамилия.

а я ей запятую, запятую...». Хочется крикнуть: правильно, так ей и надо, не останавливайся, вперед, ведь интересно же, что будет дальше, ведь жизнь — игра, в нее играть надо, «ходы» делать.

Кажется, я уже пишу не про книгу — больше про себя. А вдруг это и был авторский умысел? Ведь в книге столько цитат, выписок и автор интерпретирует их по-своему. Почему же я не могу использовать этот материал для подпитки почвы собственных установок — книга тем и хороша.

Знаешь, я сейчас читаю «Парфюмера» — намного более увлекательная книга, абсолютно увлекательная, даже тоталитарная. Значит, работа А. более демократична — не знаю, можешь ли ты представить себе театральное представление, зрители которого в любой момент могут стать участниками. Я не про то, что книга меня настолько впечатлила, будто описанные там события происходят со мной. Вполне предсказуемый сюжет — интересная форма. Это дневник, но также и сборник писем — не формальных, а более интимного характера, также подборка статей, и афоризмов, и стихотворений, и собственные «перлы».

«Нарушать формально установленные правила — хлопотно; нарушать правила, которые не догадались формально установить, — интересно».

Any comments? Даже сказки Толкиена нашли здесь себе место:

«...Поход в Мордор кажется безрассудным. Так пусть безрассудство послужит нам маской, пеленой, застилающей глаза Врагу. Ему не откажешь в лиходейской мудрости, он умеет предугадывать поступки противника, но его сжигает жажда всевластья, и лишь по себе он судит о других. Ему наверняка не придет в голову, что можно пренебречь властью над миром, и наше решение уничтожить Кольцо — поход в Мордор — собьет его с толку...».

Все-все-все, прекращаю — захочешь, считаешь. Интересно, знает ли А. про Live Journal, ему бы это точно понравилось. Его книга почти то же самое, только глубже, серьезнее, и вместе с тем более запутано <...>.

Р. S. Хотя я и обещала не пересказывать смысл книги, но не могу же умолчать про метод, который А. предложил. Он назвал его «наблюдающее участие». Обрати внимание: «наблюдающее» в роли определения, акцент на «участии». Чувствуешь, чем отличается от «включенного наблюдения», где «наблюдение» основное слово? Так что вновь возвращаемся: «...запятую, запятую...» Наблюдая изучать — интересно, но еще интереснее **изучать изменяя, вмешиваясь**. Движение, действие, леопард, который просыпается, потому что знает, что антилопа будет улетать, антилопа, которая просыпается, потому что знает, что леопард будет охотиться за ней. <...>

Андрей Малюк

Привет, Михаил!

Вот и пришло время, когда есть о чем писать. На днях в Киеве будет А. Ш. — чудесный повод для меня получить удовольствие от тематики социальных сетей и провести исследование. Кроме того, я вижу какие-то изменения в самом себе: теперь мне плевать на вещи, которые делаются с непомерными усилиями, нехотя. А полет к настоящему, своему, любимому набирает обороты. <...>

Пару дней назад мы с И. <...> поехали ко мне на дачу — в абсолютном спокойствии читали книги <...>. Об одной из этих книг хочется рассказать — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» А. Н. Алексеева. Да, это именно та книга, в которой рассказывается о генеральной линейке прессов на одном из советских заводов, дальше — сопоставления с генеральной линией Партии, и все последствия этого (надеюсь, Вы помните тот наш разговор). Но история с генеральной линейкой является лишь поворотным пунктом самой рефлексии автора — я нашел более ценные вещи, которые удовлетворяют не только мой научный интерес, но и глубокие личные параллели. Жаль лишь, что книга доступна только в библиотеке, а купить ее просто невозможно. <...>

Так вот, представьте себе рабочего советского завода со всеми его (заводскими) нормами действий и официально пропагандированными практиками (системой контроля), но с одной деталью — этот рабочий в силу своей социологически-философской натуры может видеть и анализировать повседневные практики. **В книге нет ни слова о теории социальных сетей, но она заметна на каждой странице (между строк).**⁵⁴ Правда, может именно это мешает мне брать отсюда все ценное в силу моей заангажированности в некоторых вопросах. <...> Интересно будет перечитать эту книгу лет так через 10 и увидеть, как изменились акценты моего внимания (что стало основным). <...>

В завершение приведу пару цитат из книги:

«Почему бы не возникнуть “соблазну” стать безусловным “творцом своего счастья” (как это ни банально звучит), “осчастливив” или, по меньшей мере, “одарив” собою ближнего... «А вот чтобы отдать — нужно, чтобы приняли... «Счастье — дар, который сумели принять!»⁵⁵

Я счастлив, что вокруг меня есть люди, которые принимают этот дар. <...>

Р. S. Пример эпиграфа, который соответствует моему контексту чтения этой книги:

«...Каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений, в котором сам он является узлом, куда сходятся все нити...» (Антонио Грамши).

Валерия Мирошниченко

Привет, О.!

Вот и ко мне приближается сессия, а вместе с ней — письменные работы. Так вышло, что одна из них будет адресована тебе. В этом триместре мы слушали курс «Биографический метод в социологии», который был построен вокруг книжки А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Название страшное, но содержание довольно интерес-

⁵⁴ О современной теории социальных сетей автору книги, признаться, известно мало. Тем интереснее будет когда-нибудь ознакомиться с интерпретацией эксперимента социолога-рабочего в терминах этой теории, что, как мне стало известно, предпринято в ныне успешно защищенной дипломной (бакалаврской) работе Андрея Малюка (руководитель — Р. Ленчовский). — А. А. Июнь 2005.

⁵⁵ Из текста Р. И. Ленчовского. См. в томе 1 настоящей книги: раздел 6.4. (Примеч. А. А.).

ное: это рассказ о «приключениях» социолога-рабочего, который заскучал в Институте социально-экономических проблем и решил провести включенное наблюдение на заводе в рамках (по крайней мере, сначала в рамках) исследования, тема которого звучала приблизительно так: «Социологические и социально-психологические проблемы инновационных процессов в условиях социалистического производства». Для этого уволился из ИСЭПа и устроился на завод рабочим. Со временем он изменил акценты в словосочетании «включенное наблюдение» и предложил название нового метода исследований — «наблюдающее участие». А. работал на заводе с 1980 по 1988 год.

Приблизительно через полгода после начала наблюдения социолог-рабочий подал в ИСЭП первый отчет. И началось самое интересное: результаты наблюдения абсолютно не отвечали «идеологическим» ожиданиям некоторых коллег А. Позже на этой почве возникло «дело» социолога-рабочего, к которому приобщили тексты его писем-дневников («Письма любимым женщинам»), письма М. Цветаевой, книгу Дж. Оруэлла «1984» и прочие материалы, найденные во время обыска в его квартире. А. исключили из партии, Союза журналистов, уволили из ИСЭПа. Так «производственный» эксперимент превратился в «социально-личностный». А. сделал объектом наблюдения самого себя.

К сожалению, я не успела дочитать эту книгу до конца (все-таки 2 тома, изобилующие официальными документами, производственными записками, техническими подробностями производственных процессов и т. д.), и возможно поэтому у меня не сложилось завершеного, целостного представления о ней. Остались лишь отдельные мысли.

Самая интересная для меня сюжетная линия, которая проходит через всю книгу, — проблема взаимодействия человека и Системы. А., мне кажется, очень удачно описал стадии познания человеком Системы: от мистического ужаса через разочарование и попытки ее усовершенствования — к уверенности в кривизне «генеральной линейки». Не удивительно, что эта линейка потом «ударила его по голове». <...> Интересно также проследить механизмы, с помощью которых Система пытается манипулировать людьми, и возможности «подрыва» Системы путем выполнения всех ее формальных правил.

Но более всего меня поразила позиция самого А. в этой истории. Для Системы он — «идеологический отступник», опасный для ее существования; в то же время он идентифицирует себя с «идеализированной» Системой и, как мне показалось, довольно искренне демонстрирует свое коммунистическое мировоззрение в противоположность его «искривленной» («системной») форме. Мне интересно, насколько мировоззрение личности зависит от типа системы, в которой она *личность*. — А. А./функционирует (досадно, что «эксперимент» закончился в 1989 году), и существует ли обратная зависимость между деформациями одной и той же системы и доминантными в данном обществе умонастроениями.

Заслуживает внимания и предложенная А. формула разгильдяйства: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность. Мы с Ульяной старались вообразить, будет ли существовать разгильдяйство при условии отсутствия хотя бы одного из этих слагаемых. Пришли к выводу, что не будет, и решили считать эту формулу совершенной и универсальной. Интересно, что во втором томе А. приводит отрывки из статей Р. Г. Баранце-

ва, посвященных анализу системных триад, и сама собой напрашивается параллель: «рацио-эмоцио-интуицио» — «некомпетентность-незаинтересованность-безответственность».

Во время прослушивания этого курса мы и сами оказались в довольно интересной ситуации: наш преподаватель привез из Петербурга 10 книжек А., чтобы студенты могли их прочитать, и сдал их в библиотеку, где они, путешествуя по отделам, «осели» на полках бакалаврского книгохранилища. Студентам их, конечно, домой не выдают. Похожую ситуацию наблюдал на заводе А., когда приходилось «обходить» технический (или технологический?) отдел, чтобы пробить на деталях дырки нужного размера. Так и у нас: библиотечные книжки «безопасно» стоят на полках, а мы «зачитываем» собственные экземпляры наших преподавателей.

Но я чувствую, что начинаю утомлять тебя своей «социологической» болтовней, которая тебе, как информатику, наверное, мало интересна. Тем не менее, как говорил Хаксли, друзья для того и нужны, чтобы подвергаться тем наказаниям, которые мы хотели бы, но не можем обрушить на наших врагов. Поэтому передавай привет нашему общему приятелю-автолюбителю, и пока! <...>

Р. С. «Что сказать мне удалось — не удалось...»

О., это послание я пишу как комментарий к моему последнему письму. Попытаюсь объяснить тебе (впрочем, и себе тоже), что я хотела <...> сказать в этом письме.

Сначала цитата:⁵⁶

«...Правда, несколько парадоксально, что письмо, адресованное конкретному человеку и потому допускающее преувеличение, недоговоренности, условности, приобретает со временем большую характеристическую ценность, чем взвешенные тексты, предназначенные для публикации. Секрет, видимо, в том, что в письмах сохраняются эмоциональный и интуитивный компоненты, которые необходимы для целостной картины, но которые в научных изложениях принято изгонять...» (Р. Г. Баранцев)

Это ответ: что я хотела сказать, показать, передать... Удалось ли это мне? Думаю, что нет. Объясню, почему, как мне кажется, не удалось. Еще одна цитата:

«Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения.

...Сверхзадача письма-воплощения не в реакции читателя. Оно вообще вроде бы пишется себе. Адресат в нем как будто не более чем «сюжетная» фигура, способ организации речения к себе. Но только вроде бы и как будто. Ведь в этом речении я тшуь не примерить по случаю, чтобы предвосхитить (как при знакомстве), а приживить себе глаза другого, и увидеть мир и себя его глазами столь же «натурально», как своими. И если мое тщание не тщетно, если сообщаемость каналов восприятия достигает степени их полной открытости, фильтры эгоцентризма, при примерке для предвосхищения сохраняющиеся, — устраниваются. Мое «я» уже не торчит передо мной, озабоченное желаемой реакцией. Оно уходит на периферию восприятия и переживания, как и другой в его «друговости» маячит где-то на заднике сцены, а на авансцене погружение себя в другого и другого в себя — единство. Разговор с собой оказывается тогда разговором собой, себя забывшим: мною говорит единство, и я не более, чем его гортань...» (Анри Кетегат. О письме-воплощении, или «пересекающиеся круги». Рукопись. 1984).

⁵⁶ Здесь и далее автор письма цитирует некоторые из текстов, использованных в первых двух томах настоящей книги в качестве эпиграфов.

В данном случае ты как адресат и была (не «как будто была», а была на самом деле!) лишь «сюжетной фигурой», как бы ни было неприятно это говорить. Точнее, ты была лишь формальным адресатом, поэтому у меня и не вышел «разговор с тобой»: наверное, подсознательно я все-таки старалась не «приживить», а «примерить» на себя твои глаза (а возможно, даже не твои). Отсюда — эмоциональная сухость моего письма. Ведь если что-то пишешь, то воображаешь своего реального читателя, а не формального. Хотя, вспоминая свое письмо, думаю, что местами я все-таки «подыгрывала», делая тебя не только формальным, «сюжетным» адресатом. Но лишь местами.

Мой же реальный читатель очень хотел увидеть в письме эпиграфы из книжки А., которые мне понравились. Эпиграфы так эпиграфы; даже самой интересно их просмотреть, поскольку книжку я читала в условиях критической нехватки времени и потому длинные эпиграфы и другую «лирику» просто пропускала. Потом, когда поняла, что дочитать до конца все равно не успею, просмотрела приложения к разным главам, статьи «со-авторов» Алексеева и поняла, что именно это, наверное, и было самым интересным. Надеюсь после сессии наверстать упущенное.

<...> Я перелистала приблизительно полтора тома <...> и в результате выписала несколько эпиграфов, которые мне просто понравились, и несколько таких, которые отображают мое отношение к определенным аспектам произведения А. и к тому, что я пишу сейчас. Две цитаты, приведенные выше, принадлежат как раз к последней категории.

Цитата относительно «читабельности» «Драматической социологии...»:

«Представьте, что в середине “Трех мушкетеров” вставлено описание приемов фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть эти сведения, поскольку это и есть самое главное» (Д. Гранин. Эта странная жизнь).

Когда А. вставлял этот эпиграф в текст своей книги, он, наверное, воображал в роли читателя кого-нибудь, но никак не студента-третьекурсника в предчувствии каникул и с остатками «весенней эйфории»... Интересно, кто бы смог «заставить» этого студента полностью это прочитать? Наверное, такие произведения не следует читать второпях.

Теперь то, что мне понравилось:

(1) «Люди — робкие — не могут понять, что лед трещит и рухнет под ногами — это самое доказывает, что человек идет; и что одно средство не провалиться — это идти не оставиваясь...» (Л. Толстой — А. Герцену).

(2) «...Когда меня спрашивают, кто же я: пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но моя воля и надежда оптимистичны...» (А. Швейцер).

(3) «...И мне освободят одно из мест
И, умиляясь, зов души услышат,
И на меня рецензию напишут,
Правдивую, как ордер на арест» (Д. Дебелянов).

Объяснять эти эпиграфы тебе не буду. Во-первых, приблизительное содержание произведения ты знаешь. А во-вторых, какой-то умный человек сказал, что эпиграф лишь тогда удачен, если не требует объяснения. Приведенные эпиграфы — удачные. По ним можешь судить о характере отдельных глав.

Только что перечитала написанное и поняла, что то, «что сказать мне удалось» — не удалось, а то, что сказать не удалось, наверное, уже и не удастся. И вдобавок сейчас два часа ночи, поэтому мне остается «телепатически» пожелать тебе приятных сновидений и попрощаться. Надеюсь на скорый ответ на это письмо (точнее, *postscriptum*, который оказался неприлично длинным). <...>

Юлия Романюк

<...> Помнишь, я писала о курсе «Биографический метод в социологии» и даже рассказывала о некоторых вещах, которые меня... можно сказать, зацепили на лекциях. Поэтому мне будет немного проще <...> описать свои впечатления от почти прочитанной книги. <...>

Автор книги (название книги довольно сложное...) <...> занимался чем-то похожим на то, чем иногда занимаюсь я. В своих письмах к «любимым женщинам»... даже сложно сказать, что именно он описывал. На первый взгляд, это описание разных ситуаций, случаев, участником которых он, социолог, стал после перехода на завод. <...> Честно говоря, мне кажется, что место проведения эксперимента не имеет значения. Он наблюдал жизнь, пропускал ее через себя, делал интересные выводы, и, уверена, сделал бы такие же выводы даже не работая в «производственной организации». <...>

Сначала я читала ее [книгу]. — А. А. /довольно невнимательно, сложно было продираться сквозь мудреные социологические или технические места. Но когда я приноровилась к стилю автора, начала читать внимательнее. И читалось это как художественная книга. <...> Мне попало несколько мест, настроение и содержание которых совпало с моим состоянием. Такие фразы мне действительно помогают. <...>

«Все, что случается с человеком, похоже на него самого». Я даже остановилась, когда прочитала это. А потом начала анализировать разные события из собственной жизни. Мне стало весело. Будь она проклята, эта фраза, но она правдива! Что это означает для меня в будущем, еще не знаю. Но знаю наверняка, что со мною не случится того, что раньше <...>. Поскольку те обстоятельства и ситуации изменили меня до неузнаваемости. Хотя, наверное, где-то глубоко в душе мне совсем не хотелось меняться. (Представляю, что подумает мой преподаватель, когда прочтет это. Но это не столь важно. Главное, что после писания таких писем мне всегда становится легче).

Еще одна мысль, ну очень актуальная для меня: «Кошка, которая знает, чего хочет, всегда это получит». Это вывод из совсем обыкновенной ситуации на заводе, а как подходит ко всей нашей жизни! Вообще: ко всем жизненным сферам, и особенно ко мне. Я довольно часто жалуюсь (только тебе), что мне чего-то не хватает. И в этом виновата я сама. Потому что почти никогда не знаю, чего хочу. Вот такой магический круг. Но я над этим задумалась, значит перешла на более высокий уровень, а значит, скорее смогу что-нибудь изменить.

Ну и, наконец, мысль о победах невзначай. Это, когда ты что-либо делаешь и в результате получаешь нечто большее, чем ожидал. Опять-таки пример заводской ситуации. А. Н. считает, что именно такие победы являются единственно настоящими. Я не совсем согласна. Победа — это всегда ожидаемая,

выстраданная победа. А небольшое и, главное, неожиданное дополнение есть не что иное, как свидетельство того, что ты все делаешь правильно, что ты выбрал правильный путь. Кажется, я тоже умею делать кое-какие выводы.

<...> Это задание не было легким, но оно, несомненно, было самым приятным.

До следующего сеанса связи!

Р. С. Я вспомнила еще одну вещь, которую должна обязательно тебе написать (точнее, две). Первое — фраза-эпиграф самого А. Н.: **«...даже если вы трудитесь на благо человечества, вы делаете это для своего удовольствия»**. Я с этим полностью согласна. А вторая — самый первый эпиграф — молитва. Дословно не помню, но все же: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, терпеливо принять то, что я изменить не могу, и мудрость отличить одно от другого». Великое количество ошибок мы делаем именно из-за неумения различать эти две вещи. Это прекрасное начало для книги заставляет подумать, готовит наши «мозги» к тому, что это книга о жизни. Я бы даже сказала — о жизни в жизни, и для жизни. Ну и, конечно, для изменения своей жизни (в лучшую сторону) и для изменения самого себя. <...>

Анастасия Рябчук

<...> Читать, правду говоря, было немного тяжело — ты, наверное, помнишь, как еще в школе не любила длинных романов и спрашивала: «Неужели нельзя короче и по сути?» Но я должна признать, что эта книга была для меня самым большим (ну, и единственным) в этом триместре открытием. Во-первых, это хороший пример качественного исследования, а ты же знаешь, что я предпочитаю качественные методы количественным. Как сам Алексеев в одном из эпиграфов цитировал Ясунари Кавабату: **«Один цветок лучше чем сто передает природу цветка»**.

<...> Об опыте социолога на заводе, его конфликтах с начальством и партийными органами я тебе сейчас в письме писать не буду. К тому же сами по себе описания являются достаточно стандартными — конечно, каждый исследователь, который проводит включенное наблюдение, будет вести дневник, в котором в наименьших подробностях будет записывать все события. Но мне у А. интересным было то, что он не просто описывает, а переживает все события, а в его исследованиях присутствует еще и эмоциональная часть. <...> Он понимает, что чтобы действительно понять проблему, нужна коммуникация. Он начинает писать письма (к тому же женщинам — не потому ли, что они более эмоциональные и творческие?), с помощью которых пытается понять смысл того периода жизни, который он провел на заводе.

Мне эта идея с письмами очень понравилась еще и потому, что я ее теперь смогу использовать для своего исследования с бездомными. <...> Поэтому жди следующего письма от меня в стиле А.!

Р. С. Я тебе выписала слова Ясунари Кавабата, что один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка. <...> Как важно нам, социологам, об этом помнить: потому что мы часто смотрим на цифры, репрезентативные выборки и т. д., и забываем о людях.

<...> Когда мы еще маленькими детьми спрашивали маму, кого она больше любит, она отвечала: «Я каждого люблю». И я только сейчас обратила внимание на то, что она говорила «каждого», а не «всех»: ведь любить нельзя всех, а можно любить только каждого: так и понять можно **каждого, а не всех**. И в наших исследованиях мы должны помнить о ценности каждого человека — о ценности каждого цветка, без которого ни букет, ни сад, ни луг не будет полным. <...>

Мария Фирсова

Здравствуй, дорогой друг!

Пишу тебе, чтобы поделиться впечатлениями от прочитанного недавно 1-го тома 2-томной книги российского социолога Андрея Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Не буду пересказывать тебе содержание этой книги: во-первых, об этом кратко написано в учебнике В. В. Семеновой «Качественные методы. Введение в гуманистическую социологию» (с. 82), который, должно быть, хорошо тебе знаком, а во-вторых, я настоятельно рекомендую тебе самому прочитать эту книгу — она откроет для тебя 80-е годы XX века с точки зрения взрослого человека, социолога-профессионала. <...> Это время нашего раннего детства, а значит, мы не можем проанализировать его социальные аспекты, опираясь на собственный опыт, — в этом и заключался мой интерес к книге А. Мне было интересно посмотреть на то время глазами взрослого человека, узнать о тех жизненных нюансах, которые, возможно, я не могу понять самостоятельно до сих пор.

<...> Позволю себе не согласиться с пунктом, в котором В. Семенова пишет, что А. <...> интересовали лишь социальные нормы производственной организации и личностная адаптация к новым социальным условиям. Как пишет сам А. в предисловии к своей книге, предметом его исследования является комплекс «взаимодействие личности и общества», «человек в системе реальных производственных отношений», то есть реально предмет шире, чем тот, который упоминается в комментарии. <...> Одним из ключевых вопросов, которые рассматриваются и изучаются в книге, действительно является вопрос адаптации, но двух ее видов — **пассивной** и **активной** (адаптация индивида к социальным условиям и адаптация системы к потребностям и интересам личности).

Возможно, отсюда следует и некоторая некорректность формулировки смысла деятельности А. <...> В. Семенова пишет, что социолог-рабочий пытался во времена застоя активно противостоять социальной среде; думаю, это было не «активное противостояние», а «адаптация к себе» с использованием моделирующих ситуаций. Эти ситуации можно в определенной степени моделировать самому, для обострения социального явления или процесса, которые интересовали А. в первую очередь как социолога.

Считаю, что в этом комментарии необходимо было упомянуть о терминах, которые использует А., и о содержании методов, обозначенных этими терминами. Он говорит не о включенном наблюдении, а о **наблюдающем участии**

— акцентируя то, что он является участником всех событий, которые изучает, то есть уникальность состоит в единстве субъекта и объекта исследования.⁵⁷

Наблюдающее участие в собственной жизни и есть социологическая ауторефлексия. <...>

Р. С. Эпиграф, который мне очень понравился — мне кажется, что он передает суть исследования <...>:

«Что труднее всего? То, что кажется тебе самым легким: видеть перед глазами то, что у тебя перед глазами» (Гете).

Желаю тебе приятного чтения! <...>

Ульяна Ходоровская

Уважаемый господин Ленчовский!

Вы дали задание — вместо реферата написать письмо другу о прочитанной нами книге А. Н. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». К сожалению, я очень редко переписываюсь с друзьями, поскольку у меня большинство моих друзей — киевляне, или учатся здесь. Поэтому мне хотелось бы написать письмо лично Вам. Можно?

<...> Я прочитала всю книгу господина Алексеева. Первое, что мне хотелось бы о ней сказать, это то, что я впервые столкнулась с **такой** книгой — я имею в виду **структуру** написания. Наиболее неожиданным было то, что книга сама по себе не является целостным текстом — позднейшей переработкой и пересмотром материала и событий предыдущих лет и подачей этого как монолитного текста, но является упорядоченным собранием не корреktированных документов, расположенных в порядке их появления на свет. То есть автор довольно оригинально подошел к созданию самой книги, к способу изложения материала. Должна сказать, что это много дает читателю — такая структура книги способствует <...> восприятию материалов как реальных документальных свидетельств о событиях, которые происходили в то время, а не как фантазии или выдумки автора. К тому же наличие фрагментов из дневника ученого позволяет четко проследить последовательность событий и причинно-следственную связь между ними.

Хотелось бы также отметить, что автор излагает материал последовательно и логично — в структуре нет «провалов» и «белых пятен», каждый следующий элемент исследования, каждое событие является четко и прозрачно привязанным к предыдущим, т. е. автор не опускает из текста важных элементов, даже если они и не были для него приятными (например, обыск, изъятие материалов, допросы, «разгильдяйство»). То есть изложение научного материала происходит последовательно и объективно <...>.

Кроме того, стоит отметить, что авторская интерпретация сопровождается более поздним комментарием — достаточно находчивым и таким, что обнаруживает принципиальную честность автора как социолога и как писателя по от-

⁵⁷ Полемика студентки Киево-Могилянской академии с Викторией Владимировной Семеновой, автором учебника по качественным методам в социологии, вышедшего в 1998 г., отчасти вызвана тем обстоятельством, что В. С. обсуждает книгу автора «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)», изданную в 1997 г., а Мария Фирсова — первые два тома настоящей книги, увидевшие свет шесть лет спустя.

ношению к читателю и к самому себе. Старший Алексеев как будто доброжелательно подшучивает над младшим Алексеевым, скажем так, за самоуверенность или наивность (как в случае требования возратить материалы, изъятые во время обыска, которое старший автор назвал довольно наивным). Автор не скрывает свою сущность, не прилизывает ее, не стремится выглядеть совершенным. Он стремится к научной объективности даже по отношению к собственным чувствам в этой ситуации, насколько это вообще возможно.

Еще должна сказать, что для меня особенный интерес представили записи человека, который решил так резко сменить свое социальное окружение, статус, взяться за исполнение неизвестных до сих пор ролей. Мне кажется, что толчком к такой смене служил, разумеется, частично, и научный интерес, но в большей мере, как мне кажется, это была экзистенциальная потребность живого человека, и уж из нее возник интерес к сфере социальной организации процесса труда и особенностям адаптации к социальным условиям. Собственно, можно сказать, что А. Н., по природе своей человек наблюдательный и склонный к научному взгляду на мир: как из своего стремления изменить что-то в этой жизни он сделал качественное и оригинальное социологическое исследование (и даже изобрел при этом новый метод — наблюдающего участия), причем сумел сюда включить и неприятности от власти, которые его подстерегали.

Но необходимо отметить, что довольно трудно читаются некоторые разделы книги, именно ввиду большого количества научных терминов и сложности языка. Хотя оттого полезность этих отрывков не уменьшается. Просто, во время чтения бывает довольно трудно переключиться с жанра дневника или письма знакомому на жанр научного доклада.

Естественно, мое общее впечатление от книги — очень позитивное. Кроме того, что я узнала много нового про качественные методы в социологии и, в частности, о методах включенного наблюдения и наблюдающего участия, я также много узнала о времени, когда мои родители были молодыми. Словом, эта книга существенно расширила мой кругозор. <...>

Ремарка: угол зрения.

Порадуюсь тому, что студенты Киево-Могилянской академии — слушатели спецкурса, который ведет мой друг и соавтор Роман Ленчовский⁵⁸, не только прочитали, но и в значительной мере представили в своих работах такой ракурс читательского восприятия, на который рассчитывал автор.

Не следует, однако, думать, что «Драматическая социология...» повсюду встречает только отзывчивых и понимающих читателей. По крайней мере один, можно сказать, диаметрально противоположный вышеприведенным отклик (не студенческий!) будет помещен и откомментирован мною позже, в части 4 настоящей книги.

...А теперь вернемся к событиям четвертьвековой давности, на импровизированный полигон эксперимента социолога-рабочего. (Январь-апрель 2005).

⁵⁸ Программа этого спецкурса будет представлена в томе 4 настоящей книги: глава 23.

* * *

Из «Записных книжек» и «Заметок на полях книг»
А. А. Ухтомского

...1. Реальность всегда хлопотлива. Свои мысли хороши уже тем, что они — свои!

2. Итак, понятно, что хочется заменить реальность своими мыслями и абстракциями, чтобы считаться отныне лишь с ними, своими мыслями и абстракциями, — но не с реальностью.

3. Но наука движется от абстрактного к конкретному хотя бы часто и против воли своих «жрецов». Как бы далеко ни заносилась научная мысль в своем увлечении абстракциями, как таковыми, наука принудительно движется от теории к реальности! От теории к человеку!

4. И самое трудное дело для каждого из нас — это надлежащая и неизбежная реальность Собеседника, — ближайшего человека, к которому направлена всякая наша мысль и слово.

5. Итак, — от теории к человеку, к реальному, ближайшему, осязаемому, живому человеку во всей его неожиданности поверх всех наших ожиданий и теоретических предвидений. От двойника к собеседнику!

6. Этот принцип: от теории к человеку и от своего двойника к самостоятельному собеседнику — как раз противоположен пресловутому принципу: «De l'homme □ la science» [от человека к науке. — фр. — А. А.].

Настоящий путь, которым, хочет или не хочет, ведется наука, — это «de la science □ l'homme» [от науки к человеку. — фр. — А. А.]...

... Именно в эмоциональном мышлении человек и творец и участник бытия. Здесь краешком ему приоткрыто быть одновременно (move together...) [двигаться совместно. — англ. — А. А.] и **волевым, и интимно-чувствующим, и напряженно проникающим мыслью участником того участка бытия, с которым сейчас соприкасается его жизнь.** Ведь **воля, эмоция и мысль** в их отдельности это только абстракции! Дело идет обыкновенно лишь о преобладании той или иной из этих сторон жизнедеятельности. Дон-Кихот, Петрарка и Кант берутся за крайние типы. Но ни у одного из них нет исключительного действия только одного элемента пресловутой триады. В действительности они неразрывны!..

...В доминанте мы имеем непрерывную спайку **действия и познания**: это две стороны одной и той же активности, — лицевая сторона и изнанка, форсирующиеся одновременно и в одних и тех же условиях, таким образом и расстройство одной и другой стороны идет одновременно бок о бок...

(Цит. по: А. Ухтомский. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, с. 205-206, 224, 439)

Часть 3. Полигон

Глава 11. Человек в системе производственных отношений «развитого социализма»

Несколько вступительных слов

Читательскому вниманию предлагается статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)», написанная в июле-сентябре 1983 года, в качестве научного отчета о первом этапе эксперимента социолога-рабочего (1980-1983). Этой работой охватываются события и обстоятельства эксперимента, освещенные ранее в форме «писем-дневников-отчетов» друзьям, с которыми читатель, возможно, уже знаком.¹

Данной работе предшествовала другая — на ту же тему: «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии)», — опубликованная в сборнике «Социальные проблемы познания и управления» (Томск, 1982). Главные выводы настоящей статьи там уже присутствовали.

Из письма к Л. С. Гурьевой, редактору названного сборника²:

«...Посылаю выжимки из моего научного отчета 1981 года, который официально принят, одобрен и т. д. То есть — не “хулиганство”...³

Текст этот, пожалуй, нетривиален, но вполне выдержан в духе «адапционного нормотворчества» (на сей раз научного). И все же есть основания призадуматься редактору... Впрочем, насколько я понял, особенно из нашего последнего общения, принцип единства Деятельности, Рефлексии и Игры не чужд и Вам тоже.

Если понадобятся купюры (хотя бы по соображениям места), разрешаю их делать, но только **Вам лично**... А. А. 19.12.81».

Что-то в этом роде автор собирался написать и редактору московского сборника (Институт системных исследований) Б. В. Саонову, от которого получил заказ на итоговую статью об исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». Однако не успел. Уже подготов-

¹ См. ранее в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3.

² О Людмиле Семеновне Гурьевой см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 10.12.

³ Намек на «эпистолярное хулиганство» социолога-рабочего — так называемые «Письма Любимым женщинам», с которыми Л. Г. была знакома.

ленная к отправке рукопись была изъята при обыске в квартире автора в сентябре 1983 г.⁴

О дальнейшей судьбе упомянутой статьи будет рассказано отдельно. Работа публикуется здесь по рукописи 1983 г. (Март 2001 — май 2003).

11.1. «Человек в системе реальных производственных отношений». 1983

В настоящей работе предполагается изложить исходные теоретико-методологические посылки, описать процедуру и представить некоторые предварительные результаты поискового социологического исследования на одном из ленинградских заводов, проводимого автором на протяжении трех с половиной лет.

Автор считает своей обязанностью подчеркнуть то значение, которое имело для его работы общение с коллегами. Это:

— социологи, ставшие рабочими (на других предприятиях), Ю. А. Щеголев, С. М. Розет и А. А. Кетегат⁵;

— канд. филос. наук, ныне старший инженер отдела НОТ и управления того же завода Б. И. Максимов⁶;

— социологи и психологи НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ, на протяжении ряда лет ведущие хозяйственные исследования на том же заводе, Н. П. Грибалев, А. П. Марьяненко и Н. Ю. Щербаков;

— канд. эконом. наук, доцент Высшей профсоюзной школы культуры Г. А. Климентов⁷;

— канд. филос. наук, заведующий лабораторией Высшей профсоюзной школы культуры А. В. Тихонов⁸;

— канд. филос. наук, доцент Ленинградского горного института С. Ф. Минакова⁹.

⁴ См. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: разделы 7.1–7.3.

⁵ Юрий Анатольевич Щеголев, Сергей Михайлович Розет (ныне покойный), Анри Абрамович Кетегат — мои многолетние друзья и коллеги. Все они — непосредственные участники описываемых в этой книге событий.

О С. Розете и Ю. Щеголеве см. в томе 1: раздел 1.4. Об А. Кетегате см. в томе 1: раздел 5.6. См., особенно, собственные тексты моих коллег в томе 1: раздел 5.6 (А. Кетегат); приложение 2 к части 1 (С. Розет); приложение 3 к части 1 (Ю. Щеголев); приложение 4 к части 1 (А. Кетегат); в томе 2: приложение 2 к части 2 (Ю. Щеголев).

Ю. А. Щеголев живет в Санкт-Петербурге, ныне работает оператором газовой котельной. А. А. Кетегат живет в Вильнюсе.

⁶ Борис Иванович Максимов — мой многолетний друг и коллега. В середине 80-х мы работали с ним на одном заводе — «Ленполиграфмаш». Сейчас Б. И., как и я, работает в Социологическом институте РАН, занимается производственной социологией и проблемами рабочего движения. Наш с ним и А. В. Тихоновым в соавторстве текст 80-х гг., а также собственный текст Б. И. Максимова 90-х гг. см. в томе 1 настоящей книги: приложения 2 и 6 к главе 5. См. также в томе 2: разделы 8.11 и 10.13.

⁷ Геннадий Александрович Климентов — мой коллега и друг, с которым в 80-х гг. мы тесно сотрудничали. См. о нем в томе 2 настоящей книги: раздел 7.5. См. также приложение 2 к главе 7. Ныне Г. А. Климентов живет в Москве.

⁸ Александр Васильевич Тихонов — мой многолетний коллега и друг. Ныне — докт. социол. наук, профессор. Автор книги «Социология управления. Теоретические основы» (СПб., 2000). В 2003–2004 гг. — директор Социологического института РАН. С 2005 г. живет в Москве.

Особо признателен автор доктору филос. наук, профессору В. А. Ядову, который активно поддержал этот исследовательский поиск.

1. Постановка натурального эксперимента

Начиная с января 1980 г. нами осуществляется натуральный эксперимент, имеющий своей целью изучение социальных механизмов функционирования производственной организации и социально-психологических механизмов трудовой и общественной активности работника.

Методическая суть эксперимента состоит в принятии исследователем социальной роли, обеспечивающей возможность **наблюдающего участия** в процессах и ситуациях сферы промышленного производства. Специфическим «пунктом наблюдения» и «полигоном для участия» явилось рабочее место сначала наладчика технологического оборудования (1980–1982 гг.), а затем — слесаря механосборочных работ (с 1983 г.) на Ленинградском заводе.¹⁰

Переход на это рабочее место был безусловным, т. е. состоялось увольнение из научного учреждения (где автор занимал должность старшего научного сотрудника) и **поступление на завод в качестве рабочего**. Таким образом, был осуществлен предельный вариант погружения в исследуемую социальную среду, что обычно отождествляется с методом включенного (участвующего) наблюдения.

(Прецеденты использования метода включенного наблюдения в советской социологии и социальной психологии не многочисленны, но имеются. Пожалуй, впервые в рамках научно-исследовательской программы этот метод был применен у нас в середине 1960-х гг. В. Б. Ольшанским, для изучения социальных ценностей, утвердившихся в рабочем коллективе [16]).

Выбор рабочего места осуществлялся исследователем в инициативном порядке. Специфика сложившихся производственных обстоятельств, а именно — необходимость освоения нового, уникального на данном предприятии типа оборудования, сделала заинтересованность в замещении вакансии наладчика этого оборудования обоюдной, для социолога и для заводской администрации.

К социально-психологическим условиям настоящего натурального эксперимента относится принципиальный отказ от обычного (при включенном наблюдении) инкогнито. Такая линия поведения диктовалась не только этическими соображениями [1], но и спецификой задач научно-практического изыскания. Автор ни от кого не скрывал ни места своей прежней работы, ни рода профессиональных занятий. Социально-профессиональное перемещение мотивировалось желанием сменить обстановку (мотив реальный!). Не отрицался и мотив познавательный. Од-

⁹ О Светлане Федоровне Минаковой см. ранее: раздел 0.7.

¹⁰ В статье название предприятия — Ленинградский завод полиграфических машин — не раскрывалось.

нако исследовательский интерес практически никак не проявлялся в повседневном поведении социолога-рабочего и в качестве профессионального едва ли кем из окружающих сегодня воспринимается.

(Не исключено, что, особенно к настоящему времени, у товарищей по труду сложилось об авторе реалистическое представление как о человеке, решающем своеобразную жизненную, но вовсе не научную задачу).¹¹

2. Задачи исследования

Конкретные задачи, поставленные в ходе настоящего натурального эксперимента, формулируются и группируются следующим образом.

А. Задачи, относящиеся к исследованию системы ныне действующих социальных норм производственной организации.

Для решения задач этой категории существенно важен выбор: а) места эксперимента; б) времени эксперимента; в) конкретной социально-производственной роли исследователя.

Местом эксперимента («полем» включенного наблюдения) является одно из передовых предприятий отрасли, завод, уникальный в стране по выпуску основных позиций своей номенклатуры, и вместе с тем — типичное машиностроительное предприятие. Выбор времени эксперимента связывался нами, в частности, с общепартийными и государственными мерами по дальнейшему совершенствованию хозяйственного механизма (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 мая 1979 г.).

Что касается социально-производственной роли исследователя (конкретное рабочее место, набор прямых производственных обязанностей), то это — очень важный ситуационный фактор. От точного выбора такой роли зависят и собственно научные, и практические результаты. Автор имел поводы убедиться в этом последнем обстоятельстве путем сопоставления своей рабочей карьеры с потенциально возможными иными.

Нашему исследовательскому замыслу наиболее соответствовала, поначалу, своеобразная универсальность производственного амплуа, относительная автономия от массового производственного процесса. Кроме социально-психологического выигрыша в период первичной адаптации (осложненной необходимостью овладения ранее не знакомой специальностью), это могло способствовать повышению разнообразия деловых, функциональных связей и контактов. Такая универсальность социально-производственной роли оказалась обеспечена за счет выбора уникального рабочего места наладчика и, одновременно, оператора установленного в одном из цехов завода нового оборудования (координатный пресс с револьверной головкой — ПКР).

¹¹ Подробно о первоначальном замысле эксперимента социолога-рабочего и об обстоятельствах поступления на завод см. в томе 1 настоящей книги: разделы 1.4, 2.2 и др.

Б. Задачи, относящиеся к исследованию соотношения социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности, возможностей реализации активной жизненной позиции в определенном социально-нормативном контексте.¹²

Традиционная, т. е. внеэкспериментальная постановка задач этого типа предполагала бы «объективное» исследование меры согласования или конфликта между так называемыми нормами-рамками и нормами-целями (если воспользоваться одной из популярнейших социологических теорий), построение или верификацию тех или иных моделей ценностно-нормативной регуляции поведения личности в конкретных социально-производственных условиях. Экспериментальная же ситуация погружения в определенную социальную среду, сама по себе, открывает богатое поле для интроспекционного анализа. Это — не традиционный психологический самоанализ, а то, что уместно назвать социологическим или социально-психологическим **самонаблюдением**. Иначе говоря, анализ мотивационной и поведенческой структуры деятельности самого исследователя, в связи с деятельностью окружающих его людей. Здесь практическая деятельность и исследовательская рефлексия неразрывны. В определенных ситуациях это может сочетаться с игровым моментом.

(Сама жизнь экспериментатора в таком случае превращается в своеобразную социодраму, которую надо сочинить, срежиссировать и сыграть, будучи постоянно готовым к импровизации).

Сказанное относится пока скорее к способу решения названной группы задач. Содержание же и смысл этих задач состоит в научно-практическом испытании и выяснении своего рода пределов: а) возможностей отдельной личности **адаптироваться** к новой среде, не разрушая своей внутриличностной целостности; б) возможностей отдельной личности **воздействовать** на социальную среду, не разрушая своих связей с нею.

(В известном смысле, это есть исследование свободы личности в определенном социально-нормативном контексте, имеющее своей сверхзадачей — расширение зоны этой свободы).

Задачи такого рода принципиально не могут быть решены только теоретическими построениями или эмпирическими обследованиями. Это — задачи научно-экспериментальные, по определению.

В. Задачи, относящиеся к исследованию возможностей и перспектив направленной коррекции ныне действующей системы социальных норм и путей развития личности.

И система социальных норм производственной организации, и жизненная позиция личности в конечном счете суть процессы. Эти процессы разворачиваются в основном стихийно, однако овладеть ими заинтересованы как сознательное общество, так и сознательная личность. По-

¹² См. об этом также в томе 1 настоящей книги: глава 2.

этому целесообразно объединить эту прогностическую (и в известном смысле — управленческую) постановку вопроса в единой группе научно-практических задач, относящихся как к личности, так и к обществу. С учетом сказанного, третья группа задач предполагает поиск предварительных ответов на следующие два вопроса:

а) Каковы пути возможного совершенствования системы социальных норм производственной организации и полнейшей самореализации личности работника?

б) Какие из этих путей можно признать предпочтительными?

Особую, четвертую группу составляют **задачи научно-методические**, связанные с разработкой методических принципов, профессиональных и этических норм наблюдающего участия и личностного социального экспериментирования.

3. Объект и предмет исследования

Сказанным выше отчасти уже очерчена объектная область исследования. Укажем теперь **объекты** эмпирического (непосредственного) изучения; уточним, далее, **предмет** исследования.

Объектами эмпирического изучения в данном научно-практическом исследовании выступают те **инновационные процессы** на конкретном промышленном предприятии, в которые автор непосредственно включен в своей новой социальной роли. В отечественной литературе сложился научный подход, резюмируемый в понятиях **нововведение** и **инновационная деятельность** [3].

Подчеркнем, что в социологическом и социально-психологическом плане при исследовании инноваций необходимо обращаться к понятиям социальной активности, общественной регуляции и саморегуляции, инициативы, личного и общественного интереса. Ибо нововведение всегда имеет своих инициаторов («сверху» или «снизу»); не может не быть сферой проявления индивидуальной или групповой активности; стимулируется как личными, так и общественными интересами (либо, напротив, тормозится отсутствием заинтересованности). В силу сказанного, инновационный процесс представляет собой наиболее удобное поле для исследования взаимодействия таких социальных субъектов, как **личность, коллектив, организация**. Далее, именно в таком процессе осуществляется не только функционирование, но и трансформация или смена социальных норм, выступающих посредниками и регулятивами указанного взаимодействия.

Нововведение — тот «оселок», на котором обнажаются индивидуальные и групповые позиции, происходит более или менее явное столкновение или взаимосогласование интересов. Структуры деятельности при этом обнаруживают свою устойчивость или лабильность. Социальная ситуация приобретает демонстрационный характер. Именно это обстоя-

тельство побудило нас к отграничению в качестве объектов непосредственного изучения ряда доступных нашему наблюдению и составляющих непосредственную сферу ролевого поведения социолога-рабочего **инновационных процессов**.

Какие же это процессы?

1) Процесс внедрения новой (для данного предприятия) технологии штамповки листовых деталей на координатно-револьверном прессе (ПКР).

Эта техническая инновация была прямо связана с производственными обязанностями социолога-рабочего на протяжении трех лет. Причем автор застал данное нововведение на заводе еще на относительно ранней (организационной) стадии и имел возможность проследить его вплоть до достижения фазы «рутинизации» ([11], с. 13), когда новшество уже перестает быть таковым.

В ходе выполнения своих текущих (а иногда и экстраординарных) производственных функций социологу-рабочему понадобилось завязывать инициативные и реактивные, постоянные и эпизодические контакты: с цеховым бюро технической подготовки (технологи); со всеми вспомогательными службами цеха (инструментальная, ремонтно-механическая, ОТК); с производственным участком, на котором установлен координатно-револьверный пресс; с соседними производственными участками; с руководством цеха; с цеховыми общественными организациями; с отделом главного технолога завода; с инструментальным цехом; с ремонтно-механическим цехом; с отделом НОТ и управления; с отделом технической подготовки кадров; с высшими эшелонами заводского руководства; с парткомом и профсоюзным комитетом завода; с редакцией заводской многотиражной газеты; с одним родственным предприятием (где названная технология давно применяется); и т. д.

Можно без преувеличения сказать, что в одной (относительно частной!) технической инновации перекрещиваются связи едва ли не всех секторов производственной организации и этажей ее иерархии.

2) Процесс внедрения бригадных форм организации и стимулирования труда.

Названный процесс весьма продвинут на данном предприятии. В отличие от предыдущего (относящегося к технико-организационной стороне жизни производственного коллектива), это — нововведение, непосредственно относящееся к **социально-организационной** стороне производственной жизни.

Обстоятельства сложились так, что автор, будучи принят на завод и продолжая в течение трех лет работать на условиях повременной оплаты, тем не менее с самого начала являлся рабочим не вспомогательного, а основного производства. Он не только налаживал координатно-револьверный пресс, но и сам эксплуатировал его в качестве оператора, серийно выпуская разнообразные листовые детали. Во многом аналогичные

детали изготавливались на этом же производственном участке, в комплексных бригадах, состоящих преимущественно из слесарей. Каждая такая бригада работает на единый наряд.

По мере освоения ПКР происходила постепенная передача части работы, которая традиционно выполнялась слесарями и фрезеровщиками (по более трудоемкой технологии), — на обслуживаемый социологом-рабочим новый станок. Это осуществлялось как в плановом порядке, в соответствии с разработанными в отделе главного технолога новыми технологическими документами, так и — в не меньших масштабах — без соответствующей технической документации, в порядке не санкционированной (но и не пресекаемой!) инициативы самого наладчика координатно-револьверного пресса, а также производственных бригад. При этом первый был заинтересован в опробовании возможностей нового станка, а вторые — в менее трудоемком изготовлении своей продукции. (Этот феномен в рабочем обиходе называется — «партизанщина»).

Таким образом, не будучи непосредственным членом бригады, социолог-рабочий на протяжении двух лет выступал производственным партнером бригад своего участка и находился с ними в сети тесных деловых и неформальных связей. Начиная с весны 1983 г. автор, успевший к тому времени овладеть смежной профессией слесаря механосборочных работ, сам вошел в состав одной из бригад, и перешел на условия сдельной оплаты (при общем, бригадном наряде).

Так бригадная форма организации труда стала объектом социологического изучения не только «снаружи», но и «изнутри».

3) Процесс экспериментального социального нормотворчества в конкретной социально-производственной ситуации.

Судя по всему, этот инновационный процесс, инициируемый самим социологом-рабочим, не укладывается в большинство известных классификаций. Ибо теория управления и социология организаций, как правило, трактуют инновацию как процесс, направленный «сверху вниз» (от управленческого органа к объекту управления). Конечно, теорией управления не исключается возможность также инициативы снизу. Но пока эта инициатива не стала предметом целенаправленного распространения сверху, это как бы еще не инновация. Такой подход несет в себе издержки технократического мышления. По нашему мнению, целенаправленное изменение общественной среды не есть прерогатива только управленческого органа.

Социально-активная личность, независимо от общественного положения и принадлежности к сфере принятия управленческих решений, может выступать полноправным субъектом инновации. Всякое нововведение предполагает сознательное и организованное **нормотворчество**. Мы полагаем, что такое нормотворчество может быть и индивидуальным. С учетом сказанного, автор уверенно включает этот третий инновацион-

ный процесс в круг объектов непосредственного изучения, наряду с классическими (технично-организационным и социально-организационным) нововведениями.

Содержание и смысл этой экспериментальной деятельности будут подробно раскрыты ниже. Сейчас же ограничимся замечанием, что речь здесь идет не о нормотворчестве вообще, а о таком, которое мы предлагаем называть **адаптационным**. Это — нормотворчество, предполагающее инициативное опробование таких образцов вненормативного социального поведения, которые так или иначе соотнобразуются с устоявшимся социально-нормативным контекстом и рассчитаны если не на распространение, то хотя бы на выживание в этом контексте.

Итак, **ПКР**, **БФОТ** и «**ЭСН**» — таковы три конкретных инновационных процесса (из них первые два являются «классическими» инновациями), которые выступают непосредственными объектами изучения, в нашем случае. (ПКР — общепринятое сокращенное обозначение координатно-револьверных прессов; БФОТ — распространенное сокращенное обозначение бригадных форм организации труда; «ЭСН» — экспериментальное социальное нормотворчество).

Предметом же исследования здесь оказываются не названные нововведения в целом, а — говоря в самом общем виде — **взаимодействие личности и социальной среды в процессе инновации**.

Таким образом, исследование не сводится к описанию самих по себе явлений и процессов производственной жизни. Не сводится оно и к описанию собственного участия исследователя в указанных процессах. Сама практическая деятельность выступает здесь, главным способом или инструментом познания. Сверхзадачей же изыскания является попытка, в рамках «case-study» (исследование отдельного случая), соотнести друг с другом два рода общесоциальных процессов:

- **социально-нормативное воздействие, идущее от социального окружения**; адаптация личности социальной средой, присвоение и воспроизведение индивидами действующих норм-стереотипов поведения;
- **творчески-преобразовательное воздействие, идущее от личности**; адаптация личностью социальной среды к себе, порождение и внедрение новых социальных норм.

4. Хроника эксперимента. Способы регистрации социальных фактов. Понятие «наблюдающего участия»

Тесная взаимопереплетенность, «слитность» в конкретной социально-производственной ситуации изучаемых инновационных процессов побуждает автора отказаться от раздельного представления исследовательских материалов наблюдающего участия — по указанным трем «линиям». Здесь ограничимся сокращенной и схематизированной «летописью эксперимента», призванной облегчить восприятие основных социологических наблюдений и выводов.

Январь 1980 г. Автор поступает на завод, в качестве наладчика технологического оборудования, на условиях повременной оплаты. Проходит стажировку на соседнем предприятии, где имеется участок действующих координатно-револьверных прессов.¹³

Февраль — март 1980 г. Автор (социолог-рабочий, наладчик ПКР) выявляет необходимость «предпускового» ремонта установленного на своем заводе станка ПКР КО-120. Такая необходимость вызвана: а) производственным браком завода-изготовителя; б) повреждениями, причиненными станку при транспортировке. Организуются ремонтные работы, с приглашением специалиста (слесаря-наладчика) с другого предприятия.

Апрель — май 1980 г. Социолог-рабочий предпринимает ревизию оснастки, изготовленной в инструментальном цехе по заказам отдела главного технолога. Обнаруживается негодность значительной части этой оснастки. Наладчиком ПКР выдаются «цеховые замечания» по техпроцессам, разработанным в ОГТ завода еще в прошлом году.

Июль — октябрь 1980 г. Производится приемка вновь изготовленной оснастки. Отдел главного технолога частично корректирует разработанную им ранее техническую документацию. Происходят первые производственные испытания ПКР, с неудовлетворительными результатами. Наладчиком обнаружена глубокая неисправность координатной системы станка, не замеченная при первом ремонте (а именно — искривление траверсы координатного стола, или так называемой «главной линейки»). Уже своими силами организуется новый, капитальный ремонт, включающий полную переборку координатной системы ПКР. Попутно вносятся ряд частных усовершенствований в отдельные узлы.

Ноябрь 1980 г. Запуск нового оборудования. На ПКР выпущена первая производственная партия деталей, по техпроцессу, разработанному цеховой технологической службой (а не в ОГТ).¹⁴

Декабрь 1980 — февраль 1981 г. Обнаруживается отставание заводских служб с инженерной и плано-диспетчерской подготовкой эксплуатации ПКР. При отлаженном оборудовании — никакой производственной загрузки. Тогда начинается инициативная («партизанская») эксплуатация станка, по заказам бригадиров производственных бригад. Работа выполняется по самостоятельной технологии (карты штамповки рассчитываются не технологами, а самими наладчиками; необходимые в качестве оснастки шаблоны изготавливаются не в инструментальном цехе, а непосредственно на ПКР).¹⁵

Март 1981 г. На ПКР выпущена первая производственная партия по техпроцессу, разработанному в ОГТ завода.

Апрель — июнь 1981 г. Происходят производственные испытания серии официальных техпроцессов, часто — с негативными результатами. Социолог-рабочий внедряет практику «актов производственных испытаний» по новым техпроцессам, с выдачей замечаний для корректировки технической документации, заказа оснастки и т. п. Параллельно активизируется «партизанское» использование ПКР для выпуска программной продукции.

Июль — ноябрь 1981 г. Продолжаются производственные испытания официальных техпроцессов (около 30 к концу года). Некоторые виды цеховой номенклатуры проходят через ПКР повторно. При этом оказывается, что цеховые замечания не учтены отделом главного технолога. Социолог-рабочий констатирует в своих актах систематические отступления от Отраслевого стандарта в поступающей из ОГТ технической документации. Все чаще наладчику приходится изготавливать на своем станке шаблоны также и для официальных техпроцессов (ввиду задержки с поступлением оснастки из инструментального цеха). Параллельно — выпуск свыше 20 обозначений цеховой номенклатуры по самостоятельной технологии. Однако даже с учетом последней ПКР имеет производственную загрузку не более 50%.¹⁶

Декабрь 1981 г. Социолог-рабочий выступает с критикой в адрес технических служб завода на цеховом партийном собрании.¹⁷

Январь — март 1982 г. Из ОГТ в цеховое бюро технической подготовки переводят технолога, которому специально поручается инженерное обеспечение ПКР. Со своей стороны, наладчик предпринимает инициативную ревизию всей совокупности (около 60) разработанных к этому времени техпроцессов для ПКР и примерно в четверти из них обнаруживает расчетные ошибки. Между тем, на станке продолжается выпуск деталей по «партизанской» технологии.¹⁸ Социолог-рабочий адресует главному технологу «Предложения по совершенствованию инженерной подготовки обработки деталей на ПКР и по ускоренному внедрению прогрессивной технологии штамповки». Предложения официальной реакции не имели. По просьбе администрации, наладчик ПКР обучает ученика, из числа рабочих-слесарей, работе на своем станке.¹⁹

Апрель — июнь 1982 г. Инструментальный цех предлагает «узаконить» практику самостоятельного изготовления шаблонов. Цеховая администрация возражает. Социолог-рабочий, со своей стороны, настаивает на дополнительном ремонте и усовершенствовании некоторых узлов станка. По служебной записке наладчика принимается решение об организации такого ремонта. Администрация поручает эту работу ремонтно-механической службе цеха (до тех пор, в течение двух лет, наладчик занимался всеми ремонтными работами сам). На период ремонта автора переводят на другую, временную работу (слесарем м/с работ).²⁰

Август 1982 г. По разным причинам ремонт ПКР продолжается месяц, вместо планировавшейся недели. В результате возникает напряженное положение с цеховой программой. По завершении ремонтных работ наладчик находит станок в неудовлетворительном состоянии и отказывается его принять.

Сентябрь 1982 г. Администрация усматривает в действиях автора не мотивированный отказ от работы и применяет соответствующие санкции (выговор, депремирование). На ПКР временно поручается работать бывшему ученику наладчика.²¹ Почти одновременно с этим в заводской газете появляется корреспонденция, освещающая историю и острые проблемы освоения ПКР.²²

Октябрь — декабрь 1982 г. Автор отказывается от предложения администрации вернуться к работе на ПКР «на льготных материальных условиях». На станке работает, теперь уже постоянно, его бывший ученик. При относительно возросшей к этому времени производственной загрузке, станок систематически выходит из строя. Довольно заурядной становится сверхурочная работа на нем (днем ремонтируют, вечером штампуют). Бывший же наладчик ПКР в это время продолжает выполнять слесарную работу, на которую был ранее временно переведен.

Январь — март 1983 г. Освоение нового оборудования можно считать законченным. ПКР КО-120 закреплен за одной из производственных бригад и обслуживается бывшим учеником наладчика. Работу оператора на этом станке научились выполнять и некоторые другие члены бригады. В цехе производится установка новой, более современной модели ПКР с ЧПУ. При транспортировке этому станку (как и в случае ПКР КО-120) нанесен некоторый ущерб. К освоению новой модели координатно-револьверного пресса автор уже не причастен. Сам он сдает квалификационный экзамен по специальности слесаря механосборочных работ.

Май — июль 1983 г. Новая модель ПКР с ЧПУ пока не осваивается, ввиду утраты части технической документации и неготовности оснастки (история повторяется!). ПКР КО-120 эксплуатируется бригадой (официальные техпроцессы обеспечивают примерно 50-процент-

¹⁷ Текст этого выступления см. в томе 1: раздел 3.10.

¹⁸ См. в томе 1: раздел 5.1.

¹⁹ См. в томе 1: раздел 5.4.

²⁰ Обстоятельства эксперимента социолога-рабочего в период апреля-июня 1982 г. подробно описаны в томе 1: раздел 5.4.

²¹ Эта ситуация описана в томе 1: раздел 5.5.

²² См. в томе 1: раздел 5.7.

¹³ История поступления на завод подробно описана в томе 1 настоящей книги: раздел 1.5.

¹⁴ Период от момента поступления автора на завод до запуска ПКР подробно описан в томе 1: глава 2.

¹⁵ Эта ситуация подробно описана в томе 1: разделы 3.6, 3.7.

¹⁶ События этого периода подробно описаны в томе 1: разделы 3.7, 3.9.

ную производственную загрузку, при односменной работе). Автор, став слесарем механосборочных работ, работает сдельно (заметно повысив при этом свой заработок против прежней, повременной оплаты труда). Социолог-рабочий вступил в состав комплексной бригады, работающей на единый наряд. Иногда ему приходится также выполнять для своей бригады штамповку листовых деталей на ПКР (по самостоятельной технологии).

В апреле 1983 г. автору присваивается звание «Ударника коммунистического труда».

(Следует предупредить против истолкования этой «летописи» как демонстрации личных производственных достижений автора. Ретроспективный взгляд обнаруживает относительное изобилие также и неудачных тактических шагов в рамках избранной стратегии «адаптационного нормотворчества». Надо учитывать, однако, принципиально поисковый характер исследования и установку на испытание **пределов** адаптации социальной средой индивидуальных нормотворческих воздействий).

Конечно же, предусмотреть заранее подобное развитие событий немислимо. Далеко это и от канонов включенного наблюдения, как-то: предельная социальная мимикрия, отказ исследователя от нарушения естественного хода вещей. Не случайно наш метод обозначен другим термином — **наблюдающее участие**. Последнее предполагает активную позицию и соответствующую линию поведения «социолога-испытателя» в процессе научно-практического овладения ситуацией.

Суть наблюдающего участия (в отличие от участвующего наблюдения) видится как раз в **деятельном вмешательстве** в нормальное течение жизни. При этом подлежат наблюдению и осмыслению также и реакции среды на целенаправленные, избирательные (а нередко и импровизационные) общественные шаги исследователя. Особое место тут занимает исследовательский прием, который мы называем методом **моделирующих ситуаций**. Имеются в виду ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.

(Знакомясь с хроникой, читатель мог заметить, что в своем эксперименте социолог-рабочий искал пути «на лезвии бритвы» — между допустимым и не допустимым в данных обстоятельствах, стараясь обеспечить совмещение интересов дела, личности и исследования).

Несколько слов о способах регистрации социальных фактов. Принято ожидать от исследователя использования той или иной схемы (формы) ведения протоколов наблюдения. Однако схемы бедны, а формы разрушаются под напором живой реальности. Автор давал себе «свободу» в протоколировании наблюдений и не жалеет об этом. Сама разработка схемы в принципе не противопоказана. Но она целесообразна лишь с учетом конкретной социально-производственной ситуации, уже успешшей стать хорошо знакомой исследователю.²³

Причем вряд ли возможно на протяжении длительного времени одинаково подробное ведение записей. Скорее, стоит планировать эпизо-

²³ Один из примеров разработки рубрикатора для протоколов наблюдающего участия в социально-производственной ситуации см. ниже: приложение к настоящей работе. Практически социолог-рабочий использования формализованных схем наблюдения избегал.

дические месячные (максимум — двухмесячные) социологические **хроники**, отражающие социально значимые наблюдения дня.²⁴

5. Некоторые социологические наблюдения и выводы

Теперь займемся представлением содержательных результатов исследования, на том уровне их осмысления, который возможен, когда «полевой» этап еще продолжается. Большую часть выдвигаемых здесь положений следует трактовать как **гипотезы**. Однако для поискового исследования уже сама по себе формулировка гипотез является результатом.

(Некоторые из нижеследующих положений формулировались нами ранее в работе [3], опиравшейся на материалы первых полутора лет эксперимента).²⁵

5.1. Вся совокупность охватываемых нашим исследованием социальных фактов дает основания говорить о существенных **рассогласованиях в системе социальных норм производственной организации**. Что имеется в виду? Мы исходим из представления о «двуслойности» социально-нормативной системы, различая декларируемые **нормы-требования** к производственному поведению и реально действующие **нормы-стереотипы** этого поведения. Те и другие образуют свои подсистемы, находящиеся в определенном соотношении между собой. Такой теоретико-методологический подход не является принципиально новым. О феномене расщепления потенциально и реально нормативного и формирования в нормативной системе социальной организации двух подсистем — «должного» и «собственно нормативного», в пределе противоположных друг другу, пишет, в частности, М. И. Бобнева ([5в], с. 52-54).

Каждая из этих двух подсистем внутри себя достаточно непротиворечива. Например, идеологически и организационно установленные нормы-требования **добросовестного труда, исполнительской дисциплины, бережливости, производственной инициативы, ответственного отношения к делу** — взаимно дополняют и подкрепляют друг друга. С другой стороны, определенную целостность составляет и совокупность фактических образцов, норм-стереотипов или «стандартов» производственного поведения. Специальным теоретическим анализом (не входящим в нашу задачу) можно было бы показать одно-однозначное соответствие систем **требуемого** (предписываемого, рекомендуемого) и более или менее **общепринятого**: всякой обобщенной социальной норме-требованию соответствуют некоторые реальные формы массового производственного поведения. Будем называть пары или «связки» совпадающих по предмету (пусть расходящихся по содержанию и по функции) элементов двух нормативных подсистем (нормы-требования и нормы-стереотипы по-

²⁴ Таковыми «хрониками», «производственными летописями» и т. п. насыщена эта книга. См., например, в томе 1: глава 5, а также главы 12 и 14 в настоящем томе.

²⁵ См. также в томе 1: раздел 3.8.

ведения) — **социально-нормативными комплексами**. Именно внутри таких комплексов просматриваются рассогласования и «разрывы».

Эти «разрывы» между декларируемым и реально-нормативным могут быть больше или меньше в различных производственных организациях. Далее, степень внутренней согласованности (рассогласованности) отдельных нормативных комплексов может различаться в пределах одной и той же организации. Например, рассогласование в нормативном комплексе **трудовой дисциплины** на исследованном нами предприятии предстает меньшим, чем рассогласование в соответствующем комплексе **производственной инициативы**. (На другом предприятии положение может быть иным). Одним из минимальных — в нашем случае — предстает «разрыв» между нормами-требованиями и нормами-стереотипами **товарищеской взаимопомощи в процессе труда**.

Последнее утверждение опирается не только на результаты нашего наблюдения. В репрезентативном опросе (выборка — 800 чел.) рабочих того же завода, проведенном в 1982 г. группой социологов НИИКСИ при ЛГУ при участии автора, выяснялось мнение рабочих о мере соблюдения в их трудовом коллективе ряда требований к поведению людей на производстве. 58% опрошенных уверенно отметили укоренившуюся в их среде готовность «помочь товарищу по работе», соответственно, 44% — «нетерпимость к нарушителям трудовой дисциплины». Соответствующие показатели «степени реализуемости» норм-требований «деловой инициативности» и «активности в общественной жизни» — по 30%. (Формулировка вопроса: «Считаете ли вы, что эти требования соблюдаются людьми, работающими рядом с вами?»).

Задачу специального массового обследования ряда производственных коллективов могло бы составить выявление соотношения **общих** и **локальных** факторов рассогласования тех или иных комплексов социальных норм. Понятно, что позиция включенного наблюдателя ситуации таких возможностей не предоставляет. Однако и из этой позиции хорошо просматриваются нормативные комплексы, рассогласование в которых является относительно универсальным. (Лишний раз оговорим, что наше наблюдение относится не только к рабочим, но и к низшим и средним управленческим звеньям).

К таким «универсально рассогласованным» нормативным комплексам, с достаточной степенью уверенности, могут быть отнесены: социальные нормы **раскрытия** (гласного обнаружения и полного использования) **личных и коллективных производственных резервов**; социальные нормы, относящиеся к вопросам **оплаты труда и материального стимулирования**; социальные нормы **отношения работника к конечным результатам коллективного труда**; в значительной мере — социальные нормы **участия рабочих в управлении производством**; и ряд других.

Есть и такие нормативные комплексы, рассогласования в которых особенно характерны для определенных категорий работников. Так, ис-

тория освоения ПКР на Ленинградском заводе наглядно демонстрирует контраст между нормами-требованиями **заинтересованности, компетентности и ответственности**, и — едва ли не противоположными им! — стереотипами поведения работников функциональных служб предприятия, в процессе освоения новой техники.²⁶

5.2. Как же в этих условиях осуществляется нормативно-ценностная регуляция поведения работника на производстве? Здесь уместно обратиться к результатам специальных социально-психологических исследований. В. А. Ядовым и его коллегами, в частности, показано наличие довольно значительных разрывов, отсутствие достаточной согласованности между различными уровнями ценностно-мотивационной структуры личности работника, а также между ценностными ориентациями личности и ее фактическим социальным поведением ([19], с. 188-195).

Установлено, что производственное поведение регулируется преимущественно «частными» диспозициями личности (ролевые и ситуативные социальные установки), а не обобщенными ценностными ориентациями (высшие уровни внутриличностной структуры). Мы полагаем, что этому социально-психологическому механизму может быть поставлено в прямое соответствие отмеченное рассогласование нормативных комплексов, выступающее объективным условием поведения личности на производстве. Так называемые низшие уровни диспозиционной структуры личности (социальные установки, предрасположенность личности к определенному поведению в конкретных ситуациях), по-видимому, суть не что иное, как **интериоризированные** (усвоенные) личностью нормы-стереотипы поведения, действующие в данной социальной среде.

То обстоятельство, что эти нормы-стереотипы (и, соответственно, ситуативные социальные установки) иногда противоречат ценностным ориентациям личности и в принципе не одобряются ею, вовсе не является препятствием для воспроизведения этих стереотипов в повседневном поведении. При этом действует социально-психологический механизм оправдания личностью своего реального поведения соображениями вынужденности или конформности. (Вспомним известные формулы обыденного сознания: «Иначе не проживешь!» или «Как все, так и я!»).

Однако рассогласование между разными уровнями диспозиционной структуры личности и, соответственно, между ценностными ориентациями и поведением, по нашему мнению, есть лишь первичный ответ личности (рассматриваемой, как в плане индивидуального развития, так и в плане становления определенного социально-личностного типа) на указанные рассогласования в нормативных комплексах. Структура личности, разрываемая противоречивым давлением норм-требований и норм-стереотипов, естественно тяготеет к целостности. И возникает уг-

²⁶ Ср. в томе 1(раздел 2.2): **Формула разгильдяйства: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.**

роза вторичного эффекта, а именно — ценностного переосмысления личностью ряда негативных (пока еще не одобряемых, хотя уже воспроизводимых ею!) действующих социальных норм, своего рода подтягивания (снижения) ценностных ориентаций личности до уровня фактического поведения.

Как отмечает В. А. Ядов, «есть основания полагать, что согласованность диспозиций и поведения людей достигается как за счет “подтягивания” поведения к диспозициям (активная стратегия), так и за счет снижения диспозиций до уровня фактического поведения (пассивная стратегия)» ([19], с. 192). Нам представляется, что этот нежелательный социальный процесс внутриличностной перестройки достиг уже известной степени развитости.

5.3. Поясним высказанные общие положения еще несколькими примерами.

К числу ключевых нормативных комплексов, как мы считаем, принадлежит совокупность социальных норм, объединяемых в понятие **общественно-производственной инициативы** (имея в виду нормы-требования). Этот комплекс предстает существенно рассогласованным («разрыв» между декларируемыми и фактическими нормами). Можно предположить, однако, что соответствующее внутриличностное рассогласование стало уже не столь глубоким. А это означает, что общественно мотивированная инициатива девальвируется в самом ценностном «ядре» личности. (Формулы обыденного сознания типа «Не гони волну!» или «Что, мне больше всех надо?», например, уже не являются ситуационными. Пожалуй, несут они в себе и оттенок самооправдания).

На действительно массовое одобрение в производственной среде может рассчитывать скорее **инициатива вынужденная**, т. е. такая, которая направлена на предотвращение неблагоприятных для личности последствий ее отсутствия. Личная производственная инициатива, не выполняющая специфически превентивной («защитной») функции, имеет повышенные шансы не получить массовой поддержки или даже оказаться скомпрометированной в неофициальном общественном мнении.

(Примечательно, что испробованные социологом-рабочим варианты инициативного воздействия на ход внедрения новой технологии получали эмоционально-ценностную поддержку товарищей по труду, вне зависимости от степени их нетривиальности. Но — в прямой зависимости от усмотрения в его шагах указанной защитной функции, например, стремления обеспечить себе условия для полной производственной загрузки и перехода на сдельную оплату труда).

Другим примером обесценивающейся социальной нормы-требования может служить **полнейшее раскрытие личных производственных резервов**. Действующая норма-стереотип является скорее обратной. Ситуативная социальная установка личности — тоже. На более высоких эта-

жах ценностно-мотивационной структуры личности работника эта норма также претерпела радикальное переосмысление, в силу накопленного личного (да и коллективного!) социального опыта невыгоды от крутого роста производительности труда.

Воспитанная многолетней практикой формального планирования «от достигнутого», личность работника (будь то слесарь, будь то генеральный директор) сформировала устойчивый, ценностно-подкрепленный стереотип **занижения своего** (личного или коллективного) **трудового потенциала**. Этот потенциал обычно не скрывается в анонимных опросах. Так, по данным обследования свыше 4 тыс. ленинградских рабочих (исследовательский проект «Человек и его работа. 1976»; ИСЭП АН СССР) доля рабочих, готовых увеличить свою выработку на величину от 10 до 50% и даже более, **при условии соответствия заработка личному трудовому вкладу**, достигает в общей сложности 70% всех опрошенных ([24], с. 58).

Наконец, жизненной иллюстрацией взаимодействия двух указанных выше нормативных комплексов предстает наблюдавшаяся нами практика ужесточения технических норм (соответственно, снижения расценок за отдельные производственные операции) по инициативе самих рабочих. Такая «инициатива» откровенно признается вынужденной и предвосхищающей административный пересмотр технических норм, который уже не сопровождается «льготным» периодом оплаты труда по старым нормам или соответствующей премией (как это имеет место в случае, если «инициатива» исходила от самих рабочих).

Итак, «разрывы» между социальными нормами-требованиями и нормами-стереотипами поведения на производстве, преломившись в ценностно-мотивационной структуре личности, укрепляются и углубляются уже собственными усилиями работников.

5.4. Всем сказанным очерчен общий механизм социально-нормативного воздействия производственной среды на личность. Важно, однако, понять, что же является главной причиной отмеченных «разрывов».

Марксистский подход требует обращения к материальной основе, экономическим условиям производства, системе производственных отношений. Из всей совокупности явлений, характерных для системы реальных отношений, складывающихся по поводу производства (изготовления продуктов труда) и распределения (оплаты труда) в низовых производственных звеньях, мы остановимся только на двух, которые менее других заметны внешнему наблюдателю и пока, как мы считаем, не получили адекватного отображения в научной литературе. Это:

а) «разрыв» между документально фиксированной и фактической технологией изготовления конкретных продуктов труда;

б) «разрыв» между системой нормирования и фактическими затратами времени на конкретные виды работ.

Оба эти «разрыва» в двух основных сторонах производственного процесса, в технико-организационном и социально-экономическом его аспектах, являются постоянно действующими условиями производственного поведения работника.

5.5. Начнем с **социально-экономической** стороны. Выражение «выгодные» и «невыгодные» работы уже давно из производственного жаргона просочилось в экономическую литературу. **Выгодные** — те, где норма времени, в силу тех или иных обстоятельств, **выше** его фактических затрат; **невыгодные** — наоборот. Это — один из хорошо известных изъянов ныне действующей системы нормирования и оплаты труда рабочих-сдельщиков. Однако масштабы этого явления, и особенно — его социальные следствия, пожалуй, недооцениваются.

При одинаковой или относительно близкой «разрядности» двух производственных операций (т. е. требуемого для их выполнения уровня квалификации), работа в том и в другом случае с равной степенью интенсивности и строго соблюдая технологическую дисциплину, один и тот же рабочий может на одной операции перевыполнить норму в пять раз, а на другой операции — едва достигнуть 25-процентного ее выполнения. Примерно таков эмпирически наблюдаемый диапазон разнонаправленных несоответствий предполагаемой и фактической трудоемкости.

В условиях действующей системы тарификации труда, всякой норме на работу определенной степени сложности однозначно соответствует величина расценки за производственную операцию. В таком случае основная часть заработка рабочего (без премиальных доплат) оказывается зависящей не только и не столько от меры его собственных усилий, сколько от той комбинации нормированных работ, которая ему нынче выпала. Рабочий озабочен организовать себе устраивающий его состав работ (набор заданий), низовая линейная администрация — обеспечить «справедливое» распределение заданий между рабочими. При этом, более или менее стихийно уровень заработка каждого приводится в соответствие не с его **трудовым вкладом**, а с общественно сложившейся **оценкой трудовой способности** работника (кто сколько «стоит»).

«Цена» работника определяется стажем, опытом, общественным поведением, потребностью производства в нем, отчасти — его собственными запросами. К социалистическому принципу распределения по труду такая практика никакого отношения не имеет. Роль же системы нормирования для регулирования интенсивности труда работника и оценки его продуктивности при этом оказывается весьма условной, чтобы не сказать иллюзорной. Она объективно выступает скорее инструментом управления людьми (обеспечения «управляемости» работника), чем средством управления производственным процессом.

Систематические (обычно календарные) пересмотры технических норм имеют своей главной целью обеспечить плановое **снижение показателя трудоемкости**. Предполагается, что эти пересмотры обоснованы

организационно-техническими мероприятиями (призванными обеспечивать рост производительности), а также опираются на периодические хронометражи рабочего времени. Однако «оргтехмероприятия» часто фиктивны, что же касается хронометражей, то в ситуации большого разнообразия номенклатуры (количество разных норм, применяемых в одном только цехе, измеряется десятками тысяч, по числу производственных операций) они становятся все более затруднительными.

(За три с лишним года работы в механическом цехе социолог-рабочий ни разу не был не только участником, но даже и свидетелем хотя бы одного такого хронометража, притом что нормы пересматривались регулярно).

Трудность эта разрешается, как правило, более или менее пропорциональным — для всех или большинства производственных операций! — ужесточением норм, отвечающим общей тенденции роста «производительности труда», который тоже планомерно задан. При этом возникают характерные, наблюдавшиеся нами ситуации, хорошо обнажающие формальный характер нормировочной деятельности. Так, согласно планомерному снижению трудоемкости на одно изделие, при не запланированном на этот год соответствующем пересмотре норм на другое изделие, унифицированные (т. е. одинаковые) детали того и другого могут получить **разные** нормы времени на изготовление! Или: планомерное снижение трудоемкости на изделие, включающее детали, изготавливаемые на новом оборудовании, может повлечь за собой изменение нормы и расценки еще **до того**, как эта операция хотя бы раз выполнялась!

Итак, происходит своего рода подгонка уровня норм к сложившемуся или планируемому уровню зарплаты (явление, получившее в экономической литературе даже особое название «потребительского подхода» к нормированию труда ([13], с. 143). Понятно, что при таком «плано-предупредительном» пересмотре технических норм невыгодные работы становятся еще более невыгодными, а выгодные — относительно еще более выгодными, а неадекватность используемого инструмента измерения количества и качества труда еще усугубляется.

5.6. (Настоящий параграф написан в соавторстве с С. М. Розетом).²⁷

Попробуем проследить, как отражаются отмеченные «разрывы» между техническим нормированием и фактической работой в сознании и поведении работников. В частности, рассмотрим комплекс социальных норм «**справедливости**» в **соотношении оплаты и труда**, в ситуации распределения выгодных и невыгодных работ.

Общезвестна норма-требование — **оплата по труду**. В «классической» ситуации индивидуальной сдельщины соответствующей ей нормой-стереотипом оказывается... **труд по оплате**. Вот как при этом соотносятся

²⁷ См. также в томе 2 настоящей книги: приложение 2 к главе 7.

интересы двух непосредственных партнеров по производственному взаимодействию: мастера и рабочего-сдельщика.

Мастер заинтересован:

- а) в выполнении плана по валу и по номенклатуре;
- б) в выполнении так называемых «аварийных» заказов (работ, срочно требуемых для следующего звена технологической цепочки);
- в) в сохранении сложившейся в данном коллективе иерархии «социально-экономических статусов»;
- г) в минимизации конфликтов по поводу оплаты труда в конце месяца;
- д) в отсутствии перерасхода фонда заработной платы.

Рабочий-сдельщик заинтересован:

- а) в зарплате, соответствующем его «социально-экономическому статусу» в данном коллективе;
- б) в повышении этого статуса и, следовательно, в повышении заработной платы (универсальный способ самоутверждения в коллективе);
- в) в гарантиях того, что этот статус, по итогам данного месяца, не снизится;
- г) в отсутствии претензий со стороны ОТК, а также в следующем звене технологической цепочки;
- д) в поддержании отношений сотрудничества в коллективе и с непосредственным начальником (мастером).

При таком соотношении интересов (как видим, далеко не сводящихся к интересам материальным!) «**труд по оплате**» становится нормой поведения, равно принимаемой как рабочими, так и низовой администрацией.

(Примечательно, что бригадная форма организации труда сама по себе, при сохранении существующего порядка нормирования труда и материального стимулирования, не снимает проблемы разделения работ на выгодные и невыгодные. А лишь переносит эту проблему в плоскость взаимоотношений между мастером и бригадиром, представляющим интересы своей бригады как «совокупного работника»).

Надо сказать, что в такой ситуации «разрыва» в социально-нормативном комплексе, относящемся к вопросам оплаты труда, возникает повышенная вероятность деформации и расщепления уже и самой нормы-стереотипа. Став своего рода нормативным требованием, социальный стереотип «труда по оплате» находит свое отрицание [точнее было бы сказать: «находит свое продолжение (или — развитие)...». — А. А.] в асоциальном, по существу, стереотипе поведения: «Сделай меньше (или — сделай «на халяву»), получи больше!». По нашим наблюдениям, эта рваческая норма поведения отвергается большинством кадровых рабочих. Однако нетрудно заметить, как возрастает здесь опасность распространения также и таких стереотипов и форм трудового поведения.

Как правило, рабочий-сдельщик всегда заинтересован в «выгодной» работе, но именно — в работе, а не в «плате за безделье». Социальный

тип хапуги, гонящегося за «длинным рублем», в трудовых коллективах не популярен. Вообще, по нашему мнению, для массы рабочих этические нормы «справедливости» в соотношении труда и оплаты и готовности «отплатить» трудом за достигнутый уровень общественной оценки своего труда — в общем преобладают над собственно денежным, т. е. материальным интересом.

Итак, своеобразная «перевернутая» зависимость труда и оплаты в реальных производственных условиях, с одной стороны, выступает своеобразным способом обеспечения заданного уровня производительности труда, а с другой — создает предпосылки для развития разного рода антиобщественных проявлений.

5.7. «Разрыв» в **технико-организационной** стороне производственного процесса (относительная «взаимная независимость» документированной технологии и фактических приемов и способов изготовления конкретных продуктов труда) отчасти связан с рассмотренным выше социально-экономическим противоречием. Но у этого «разрыва» — своя социальная природа и свои истоки.

Иногда в литературе, посвященной проблемам труда, отмечаются факты «сокращения» технологических операций, менее качественного их выполнения, обеспечения меньшей надежности и т. п., как следствие недостаточной «жесткости» технологических требований ([21], с. 69-70). Такой подход, при ближайшем рассмотрении, обнаруживает свою односторонность. Спонтанно возникающая и, как правило, избегающая оформления в рационализаторских предложениях и закрепления в технической документации, **самодельная рабочая технология** являет собой наиболее массовую на производстве форму той самой вынужденной инициативы, о которой шла речь выше. При этом она оказывается естественно направленной на достижение максимальной эффективности, т. е. на получение требуемого результата при наименьших затратах труда, а иногда и с использованием единственно возможных в данной ситуации средств.

(В первом случае говорят — «сделать себе облегчение», во втором — «выручить производство». Но в том и другом случае рабочий инициативно изыскивает способ «заработать свою зарплату»).

Не «сокращение» операций, а постоянное их рациональное замещение (например, фрезерования — штамповкой, сверловки по разметке — сверловкой с упора или по кондуктору, опилочки — обработкой на абразивном круге и т. д., и т. п.). Простейшие, а иногда и достаточно сложные самодельные приспособления позволяют выполнять задание не только быстрее, но зачастую и более качественно (т. е. более «надежно», с точки зрения отсутствия претензий от ОТК).

Примечательно, что в такой технологической самодельности оказываются прямо или косвенно заинтересованы самые разнообразные за-

водские службы. Для технологов — ослабление ответственности за техническую подготовку производства; инструментальщикам — не надо изготавливать дополнительные приспособления; нормировщики — могут не опасаться конфликтов при «планово-пропорциональном» пересмотре норм и расценок. Линейные же службы именно в таких формах инициативы рабочих-сдельщиков находят действительную гарантию выполнения производственной программы.

(Как шуточно заметил один из рабочих: «Если я все сделаю «по технологии», мастер Петров останется без зарплаты и до-о-олго будет педельывать!»).

В свете сказанного, описанная выше практика «нелегального» изготовления деталей на координатно-револьверном прессе (см. «летопись эксперимента») вовсе не является чем-то исключительным.

Что же касается удельного веса такого рода самодеятельности в выполнении производственной программы, то в данном случае удалось его измерить: за полтора года (с января 1981 по июль 1982 г.) доля продукции, выпущенной на ПКР при отсутствии официальных техпроцессов, составила свыше 40% всей продукции этого станка. А соответствующая доля продукции, выпущенной с использованием самодельной оснастки, — так даже 75%.

Особо отметим, что в условиях бригадной формы организации труда масштабы технологической самодеятельности рабочих резко возрастают. При этом развиваются разнообразные формы внутриколлективного взаимодействия и кооперации.

5.8. Как нам представляется, наиболее близко подошло к теоретическому осмыслению указанного феномена относительно молодое у нас исследовательское направление — социология организаций. Здесь сформировано понятие **внеформальной структуры** социальной, производственной организации, отличающееся от традиционного представления о «неформальной структуре» как системе межличностных, эмоциональных связей между членами коллектива. Внеформальная структура — в конечном счете синоним **самоорганизации**. Это — спонтанно развиваемая членами данной организации система связей, отношений, деятельности, направленная на «решение организационных задач способами, отличными от формально предписанных» ([17], с. 111).

А. И. Пригожин справедливо пишет о компенсаторной роли «внеформальной» активности: «...“Неисправность” формальной организации, вызывающая нарушение функций, важных для деятельности всего организационного механизма, компенсируется за счет функционально направленной самоорганизации» ([17], с. 114).

Основными механизмами и стимулами такой «внеформальной» общественно-трудовой активности выступают (перечисление — не в порядке приоритетов):

а) личная материальная заинтересованность;
б) возможность принятия самостоятельных производственных решений; самореализация личности работника (как непринужденно заметил один из бригадиров: «Порядок нужен. Но в беспорядке работать интереснее!»);

в) нацеленность на конечный результат труда.

Здесь возникает уникальная — пока не обеспечиваемая официальным хозяйственным механизмом — ситуация относительного согласования государственных, коллективных и личных интересов в условиях социалистического производства. Следует, однако, отдавать себе отчет в принципиальной ограниченности задач, решаемых средствами внеформальной структуры. Развязываемый самоорганизацией потенциал индивидуальной и коллективной активности избирательно направлен на достижение производственной эффективности. Но — не большей, чем это определено заданием или планом!

Задействовать резервы для компенсации нынешних организационных издержек и приберечь оставшиеся для тех неурядиц, что возникнут впредь, — вот логика описанной практики. Самоорганизация рабочих, во всем изобилии и разнообразии ее форм (из которых мы здесь остановились только на одной, наиболее обыденной и распространенной), уже сегодня стала важнейшим социальным механизмом **функционирования** общественного производства. Но пока еще — не его развития по интенсивному типу!

5.9. Как отмечает академик Т. И. Заславская, «включаясь в систему экономических отношений и подчиняясь ее воздействию, работник постепенно приобретает новые личностные черты, усваивает определенные способы поведения и формируется в специфический социальный тип. А массовый тип работников, предполагающий определенное отношение к труду, мотивации и нормы поведения в производстве, в свою очередь становится важным условием функционирования и развития экономики» ([9], с. 25). Изложенное выше в какой-то мере может служить иллюстрацией этого общего тезиса.

В условиях, когда «система экономической сигнализации» [*хозяйственный механизм*. — А. А.] не обеспечивает нужного согласования интересов личности, коллектива и общества, а в ряде случаев стимулирует поведение, противоречащее общественным интересам ([9], с. 25), задача исследования закономерностей производственного поведения, в частности, его зависимости от системы экономических отношений общества, становится одной из первоочередных задач социологической науки. (Эта задача является ключевой в рамках развиваемого Т. И. Заславской и ее коллегами направления исследований, имеющего своим объектом социальный механизм советской экономики и определяемого ими как экономическая социология).

Здесь вырисовывается новый, пока еще мало освоенный нашей социологией предмет исследования. Мы для себя определяем его так: **человек в системе реальных производственных отношений**.

(Понятие реальных производственных отношений в нашей философско-социологической литературе выдвинуто А. А. Бутенко. В это понятие названный автор включает всю совокупность конкретных отношений производства, утвердившиеся формы распределения, обмена и потребления, управления и стимулирования труда и т. д., и т. п. ([6], с. 21-22). В известном смысле такая трактовка близка к современным представлениям о хозяйственном механизме).

Разумеется, возможности обобщений на материалах «исследования отдельного случая» (конкретной социально-производственной ситуации) ограничены. Однако нетрудно увидеть в этой ситуации черты массовидного и всеобщего. (Да и не только на данной конкретной ситуации строятся наши обобщения). Поэтому в рамках вновь сформулированного предмета (один из итогов нашего исследования) правомерно сформулировать и отвечающую ему обобщенную, объяснительную гипотезу:

— **Отмеченные «разрывы» и рассогласования в системе социальных норм производственной организации и в ценностно-мотивационной структуре личности работника суть следствие рассогласования общественных и личных интересов в системе реальных социалистических производственных отношений, что само по себе является свидетельством, выражением, социальной формой — сложившегося к данному историческому моменту относительного отставания этой системы от развивающихся производительных сил общества (их вещественных и личностных элементов).**

Отсюда, именно через совершенствование самой системы производственных отношений лежит магистральный путь к относительной гармонизации социально-нормативных и ценностно-мотивационных структур, «разрывы» в которых ныне существенно тормозят рост эффективности производства, равно как и позитивное развитие личности работника. С другой стороны, само состояние указанных структур (сохранение, минимизация либо увеличение «разрывов») представляется своеобразным социологическим показателем не только сиюминутной, но и долгосрочной (перспективной) эффективности тех или иных способов совершенствования системы производственных отношений.

5.10. Сформулированная выше объяснительная гипотеза не является плодом только наших собственных изысканий. Примечательно, что к выводу об относительном отставании характера производственных отношений от уровня развития производительных сил на данном этапе развития нашего общества так или иначе подходят исследователи, работающие в разных научных направлениях.

Можно указать по крайней мере на четыре реально представленных научных пути к указанному выводу:

а) **философско-социологический анализ** общих и специфических закономерностей общественно-исторических формаций, в частности — закономерностей реального социализма (например, А. А. Бутенко [6] и др. работы этого автора);

б) **экономическая социология**, исследование действительных производственных отношений социалистического общества, в частности — социального механизма советской экономики (работы Т. И. Заславской и ее коллег; например: [9]);

в) **историко-социологический анализ** структурных сдвигов в самих производительных силах социалистического общества, прежде всего — в их человеческой компоненте (работы Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, А. К. Назимовой; например: [7], [8]);

г) наконец, **экспериментальная социология**, исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»...

Ремарка: «крамольный» вывод из анализа реальных производственных отношений или социального механизма развития экономики.

Вывод о существенном отставании производственных отношений советского общества от развития производительных сил был весьма отчетливо сформулирован в так называемом «Новосибирском манифесте» — докладе акад. Татьяны Ивановны Заславской на тему «Совершенствование производственных отношений социализма и задачи экономической социологии», прозвучавшем на межрегиональном научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Новосибирск, 1983).

Социолог-рабочий не мог здесь сослаться на этот доклад (хоть и располагал его текстом), поскольку тот был издан под грифом «для служебного пользования».

В то время «небрежность» в хранении этого засекреченного препринта, не говоря уж о его «распространении», квалифицировалось как нанесение серьезного ущерба государству, тем более, что, неизвестными и для его автора, и для его читателей путями, текст этот попал-таки за рубеж и обильно цитировался «враждебными голосами». Насколько мне известно, партийные взыскания в этой связи получили сама Т. И., в Ленинграде — В. А. Ядов, а для автора этих строк хранение на дому и изготовление нескольких машинописных копий указанного препринта оказались в 1984 г. одним из формальных оснований для официального предостережения органов госбезопасности и исключения из КПСС.²⁸

²⁸ См. об этом ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 8.2 и др.

Правда, уже в марте 1985 г. (т. е. еще до начала «горбачевской перестройки») журнал «Знание-сила» (прежде всего благодаря усилиям его сотрудника Ирины Владимировны Пруссы; см. о ней в томе 1 настоящей книги: глава 2) сумел опубликовать краткое изложение указанного доклада (Знание-сила, 1985, № 3). Полный текст доклада акад. Т. И. Заславской 1983 г. был впервые «открыто» опубликован на русском языке в кн.: *Заславская Т. И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М., 1997. Извлечения из указанного доклада см. ниже, в приложении к настоящей главе.

Что касается самого содержания доклада, то среди его выводов был следующий:

«...Все это (изложенное в докладе ранее. — А. А.) свидетельствует о том, что действующая система производственных отношений существенно отстала от уровня развития производительных сил (выделено мною. — А. А.). Вместо того, чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все более превращается в тормоз их поступательного движения. Одним из проявлений этого служит неспособность производственных отношений обеспечить нужные обществу способы поведения трудящихся в социально-экономической сфере...» (Цит. по: Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002, с. 23).

Здесь стоит заметить, что классиками марксизма именно отставание «характера производственных отношений» от «уровня развития производительных сил» выдвигалось как главная внутренняя причина революционной смены общественно-исторической формации. То было «азбучное» положение исторического материализма (марксова учения об обществе), хорошо известное всем советским обществоведам.

Однако те немногие отечественные ученые (перечисленные выше), которые отваживались тогда заключать о наличии такого отставания в обществе «развитого социализма», — от прямых ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса в данном случае воздерживались, избирая, так сказать, неявную форму предсказания (предостережения от...) того, что бурно растущие производительные силы могут «взорвать» устаревшие, тормозящие их развитие производственные отношения, содержание «взломает» форму.

Так или иначе, указанный «крамольный» вывод социолог-рабочий сделал не первым, хоть и подошел к нему в общем самостоятельно, на основе всей совокупности результатов своего эксперимента. (Январь 2004).

...Наш собственный исследовательский опыт, подкрепляемый результатами других аналитиков, позволяет выделить два круга проблем, требующих решения. Позволим себе сказать — два неперенных условия преодоления сложившегося отставания системы реальных производственных отношений от уровня развития производительных сил. Это:

а) дальнейшее **совершенствование хозяйственного механизма**, в частности, повышение заинтересованности работников и производственных коллективов в увеличении своего трудового вклада;

б) дальнейшее **развитие демократических начал**, в частности, создание предпосылок для более широкого и действенного участия трудящихся в управлении производством.

Как будет показано ниже, эти два направления работы по совершенствованию социалистических производственных отношений тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. (Условно назовем первое из них «экономическим», а второе — «политическим»). Постановку вопроса об их соотношении, на примере исследования проблем развития

и социальной эффективности социалистического соревнования, см. в нашей работе [3]. См. также [12]).

5.11.

«Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали необходимыми глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений, — говорил тов. Ю. В. Андропов в своей речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. — Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, и ее нам, как говорится, не объехать и не обойти» ([14] с. 9).²⁹

В конечном счете, все способы управленческого воздействия на рассматриваемые процессы могут быть отнесены к одной из трех групп: а) административно-ограничительные; б) идейно-воспитательные; в) экономически-стимуляционные. Все эти три линии ныне включены и находятся в сфере пристального внимания нашей партии.

Первостепенное значение для регулирования производственных отношений имеет изменение социально-экономических условий развертывания общественно-трудовой активности. В этом направлении важный шаг был сделан Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 12 июля 1979 г. («Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»). Истекшие четыре года (как раз совпавшие с периодом нашего наблюдающего участия в низовом звене, так сказать, в «капилляре» народнохозяйственного организма) дают автору основания для вывода-гипотезы о том, что предпринимаемые ныне меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока что адаптируются — как социально-нормативной структурой производственной организации, так и ценностно-мотивационной структурой личности работника. Это происходит без сколько-нибудь значимой трансформации названных структур.

Наиболее заметным, при рассмотрении «изнутри», с позиции наблюдающего участника, было действительно бурно прогрессирующее в эти годы внедрение бригадных форм организации труда (БФОТ). Однако приходится признать, что и оно имело ограниченные социальные и экономические эффекты.

На заводе, где работает автор, численность работающих в бригадах составляет около 60% от общего числа рабочих. По данным уже упомянутого социологического опроса рабочих (НИИКСИ при ЛГУ; 1982) из 400 опрошенных, ныне работающих в бригадах, а до этого — по той же специальности, но вне бригады, констатировали **отсутствие позитивных изменений**: — «в возможности планировать свою работу» — 52%; «в плане сокращения потерь рабочего времени» — 48%; «в возможности применить свои знания и опыт» — 58%; «в зависимости заработка от лич-

²⁹ Вот и Генеральный секретарь ЦК КПСС об «азах» марксизма вспомнил. Правда, в очень осторожной формулировке ему это спичрайтеры в уста вложили. (Соврем. примеч. — А. А.).

ного трудового вклада» — 64%; «в возможности влиять на ход дел на участке, в цехе» — 62%.

Наиболее замечаемыми самими рабочими **положительными эффектами** бригадного метода являются: — «развитие взаимопомощи, обмена опытом» — уверенно отмечено 54% из 800 опрошенных; «молодые рабочие быстрее осваиваются на производстве, овладевают мастерством» — 41%; «снятие, для каждого отдельного рабочего, проблемы дележия работ на выгодные и невыгодные» — 39%.

К выводу о том, что все проводимые меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока не дают желаемой отдачи, приходят, двигаясь «с другого конца», и управленцы-хозяйственники. (См., в частности, материалы «Круглого стола» журнала «ЭКО», где обсуждались 4-летние итоги перестройки хозяйственного механизма [15]).³⁰

5.12. (Настоящий параграф написан в соавторстве с Г. А. Климентовым).³¹

Есть основания утверждать, что не только практическое воплощение, но и сам по себе поиск базовой экономической модели хозяйственного механизма, адекватной требованиям современного этапа, пока далеко не завершены. Выскажем некоторые соображения на этот счет (стараясь не слишком выходить за рамки социологического предмета настоящей статьи).

Думается, что своего рода «солнечным сплетением» системы производственных отношений нашего общества является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация социалистического принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду». Этот принцип, как известно, является специфическим для первой фазы коммунизма. Тов. Ю. В. Андропов в своей статье «Учение К. Маркса и некоторые вопросы строительства социализма в СССР» обращает внимание на так называемые «азбучные истины марксизма», с которыми «вообще следует обращаться бережно, ибо за непонимание или забвение их сурово карает сама жизнь» ([5а], с. 14). К таким «азбучным истинам» относятся взгляды Маркса на распределение. Согласно этим взглядам, напоминает тов. Ю. В. Андропов, при социализме каждый труженик «получает обратно от общества ровно столько, сколько сам дает ему» ([13а], с. 19).

Пока нет условий для полного социального равенства, необходим строжайший контроль за мерой труда и мерой потребления. В поиске эффективных средств такого контроля, по нашему мнению, следует опираться на реальный (иногда трудный) опыт, накапливаемый в недрах производственной практики.

Важнейшей особенностью подрядных бригад (если, конечно, они созданы не формально) является то, что там заработок определяется ре-

³⁰ О социальных эффектах бригадных форм организации и стимулирования труда см. также работу А. Алексеева, Б. Максимова, А. Тихонова (1984), представленную в томе 1 настоящей книги: приложение 2 к главе 5.

³¹ См. также в томе 2 настоящей книги: приложение 2 к главе 7.

альным трудовым вкладом, видимым каждому члену коллектива. Сам коллектив осуществляет контроль за соблюдением взаимного соответствия меры труда и меры потребления. Поднимемся, однако, несколько выше уровня бригады. Здесь обнаруживается многократно отмечавшийся парадокс: чем напряженнее план и, соответственно, выше реальный трудовой вклад коллектива, тем более коллектив проигрывает по сравнению с теми, кто вовсе к этому не стремится. В этом лишний раз убеждает опыт развития Щекинского метода в последние годы [18а]. Дело, как нам представляется, упирается в существующий порядок планирования фонда заработной платы и контроля за ней.

Отсутствие прямой связи фонда заработной платы коллектива с величиной его трудового вклада (при одновременной гарантии заработной платы каждому члену коллектива на основе тарифной ставки или оклада) порождает личную незаинтересованность в увеличении индивидуального и общего трудового вклада и безответственность за общие результаты работы. Как же установить эту прямую связь?

В условиях социализма главным измерителем конечного результата работы коллектива является **цена** произведенного продукта, установленная на уровне общественно необходимых затрат труда (за вычетом «чужого» труда (стоимость комплектующих изделий, полуфабрикатов, сырья, других ресурсов, а также амортизационные отчисления за износ оборудования, использование основных фондов). Иначе говоря — чистая продукция, вновь созданная трудом данного коллектива стоимость. В экономическом смысле именно эта вновь созданная стоимость есть конечный результат труда коллектива.

В чем же должна состоять оплата по этому «конечному результату»? Естественно принять, что такая оплата предполагает пропорциональное разделение овеществленного в продукте труда коллектива на две части: **труд на себя** (зарплата и отчисления в общеколлективный фонд предприятия) и **труд на общество** (отчисления в государственный бюджет для нужд общественного развития, реализация социальных программ и т. п.). Эти две составляющие цены всякого продукта (включающей, как уже отмечалось, и другие структурные компоненты) должны находиться в определенном, едином для всех производителей продуктов (и хорошо известном им!) количественном соотношении.

В. И. Ленин в свое время писал о необходимости строжайшего соблюдения «единой нормы в производстве и распределении продуктов» (Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 300). Мы полагаем, что функцию такой «единой нормы» на современном этапе социалистического строительства должна выполнять цена продукта, структурированная описанным выше образом.

Сразу оговорим, что сегодня цены образуются иначе и фонд зарплаты коллектива определяется не как вновь созданная стоимость за вычетом норматива труда на общество и отчислений в общеколлективный фонд, а (отвлекаясь от деталей) как средняя зарплата, исчисляемая на

основе тарифных ставок и окладов, помноженная на штатную численность работников. Т. е. оплата продолжает быть привязанной к работнику (рабочей силе), а не к продукту труда.

Теперь посмотрим, что вытекает из возможности последовательного внедрения единой пропорции труда на себя и труда на общество в цене каждого продукта. В таком случае у любого хозрасчетного коллектива (будь то бригада, цех, предприятие, объединение) и фонд заработной платы, и отчисления в бюджет оказываются в прямой зависимости от реального трудового вклада (чистая стоимость, созданная коллективом). Чем выше этот вклад, тем выше размеры как отчислений в бюджет, так и фонда заработной платы вкуче с общеколлективными накоплениями. Получается, что выгодное коллективу выгодно и обществу, и наоборот.

В этой новой для себя ситуации трудовой коллектив, взятый в целом, обретает заинтересованность информировать плановые органы о своих действительных производственных возможностях (чего сегодня, как известно, нет. Но само по себе выявление этих действительных возможностей немисливо без участия членов коллектива, рядовых работников (в чем они сегодня, как правило, не участвуют). Так могут возникнуть условия для естественного, органичного втягивания трудящихся в начальную и во многом определяющую сферу управления производством — планирование.

(Как показал проведенный одним из авторов этих строк анализ связей между ответами на различные вопросы анкеты в обследовании 4.000 ленинградских рабочих (исследование «Человек и его работа. 1976», под руководством В. А. Ядова), наиболее значимым для самоопределения работника в качестве «хозяина» или «не хозяина» у себя в цехе является такой момент участия в управлении производством, как возможность для рабочих влиять на составление плана своего производственного подразделения).

Думается, что лишь при этом условии и более высокие уровни планирования (сообразующие объективную информацию о производственных возможностях всякого данного коллектива с объективной же информацией об общественных потребностях в соответствующих продуктах и формирующие на этой основе сбалансированный план) смогут обрести «почву под ногами», а трудовой коллектив, выполняя этот реалистический план, сможет «зарабатывать себе заработную плату». И — сам же ее распределять в соответствии с трудовым вкладом каждого из своих звеньев.

Тут вновь не обойтись без участия самих трудящихся — теперь уже для распределения фонда зарплаты внутри коллектива (включая необходимые отчисления в общеколлективный фонд). Тогда отпадает необходимость множества регламентаций сверху, фактически выступающих формой установления цены рабочей силы (тарифных ставок и должностных окладов с неизбежно сопутствующими им множественными и противоречивыми премиальными системами). Оказывается избыточной и нынешняя система нормирования труда, которая по существу (как было

показано выше) построена на личной незаинтересованности работников в технически обоснованных нормах.

В ведение первичных коллективов могут перейти и вопросы определения размеров индивидуальной заработной платы (внутри заработанного коллективом фонда заработной платы, исчисленного на основе норматива «труда на себя»), и вопросы установления индивидуальных норм выработки.

Решению задачи распределения заработной платы без «помощи» государственных тарифных ставок и окладов уже сегодня обучаются рабочие в действительно хозрасчетных бригадах. Опыт показывает, что и без участия нормировщика рабочие могут определять нормы и своевременно их пересматривать [16а]. Установление соотношений в оплате труда можно было бы осуществлять на основе рекомендаций государственных органов, в рамках коллективного договора. Нет сомнений, что практика найдет тысячи различных способов решения этой задачи, если принцип будет приведен в действие.

Не забудем оговорить, что отказ от тарифной системы как основы регулирования заработной платы вовсе не означает ни умаления роли государства в контроле за распределением, ни ликвидации гарантий в оплате труда. Все позитивные функции тарифной системы могут быть реализованы с гораздо большим эффектом при установлении нормативов зарплаты в ценах соответствующих продуктов. К тому же в лице членов хозрасчетных коллективов государство приобрело бы заинтересованных контролеров за мерой труда и мерой потребления.

Не исключена ситуация, когда коллектив по не зависящим от него причинам не заработает себе минимальный уровень зарплаты. По-видимому, компенсация должна осуществляться за счет специальных страховых фондов (по сути дела такая практика широко применяется и сейчас, при субсидировании «планово-убыточных» производств). При зарплате, существенно превысившей по тем или иным причинам общественно-нормативный уровень, государство могло бы применить прогрессивный подоходный налог.

Мы здесь не имеем возможности входить в обсуждение всех деталей данной экономической модели, выступающей, на наш взгляд, действительно социалистической альтернативой и директивно бюрократическим способом управления общественным производством, и разнообразным моделям так называемого «рыночного социализма». Да и сама эта идея требует дальнейшей разработки. Социологическая суть предлагаемого решения видится нам в действительной взаимоувязке «экономической» стороны совершенствования производственных отношений (эффективное стимулирование труда) с «политической» (демократизация управления производством). В этом — гвоздь всего дела.

Говоря о перспективах дальнейшего хода перестройки хозяйственно-го механизма, академик А. Г. Аганбегян отмечал (на «Круглом столе» журнала «ЭКО»):

«Самое трудное, по-видимому, будет заключаться в органическом сочетании усиления народнохозяйственной централизации, строгого соблюдения общегосударственных интересов со все более широкой самостоятельностью низовых хозяйственных ячеек, всемерной демократизацией управления и привлечением к участию в управлении широких масс трудящихся» ([15], с. 49).

Думаем, что описанная модель включает в себе предпосылки для преодоления такой трудности.

(Более подробно эта модель рассматривается в наших работах: [4]; [9а]; [9б]. См. также: [5а]).³²

5.13. (Настоящий параграф написан в соавторстве с С. Ф. Минаковой).

<...> В современных условиях отношение личности к своему собственному производственному поведению является противоречивым.

Выше отмечалось, что следование целому ряду социальных норм-стереотипов поведения, хотя и согласуется с ситуативными установками личности, однако пока еще осознается как «вынужденное» и не имеет сильного ценностного подкрепления. В частности, социальные ценности содержательного, осмысленного, приносящего общественную пользу труда, заинтересованности в его результатах, компетентности в своем деле («профессиональное достоинство»), ответственности (обиходно отождествляемой с массово одобряемым «единством слова и дела») остаются достаточно высокими в сознании личности. То же можно сказать о ценностях производственной самостоятельности, не урезаемой самоорганизации, возможности влиять на ход общественных дел.

Сам по себе отмеченный разрыв между различными уровнями ценностно-мотивационной структуры личности заслуживает неоднозначной трактовки. Он может интерпретироваться и как своего рода ценностная и социально-психологическая предуготовленность личности к смене стереотипов производственного поведения при соответствующих изменениях в общественных условиях труда.

Внутриличностный конфликт названных ценностей с реальными нормами социального поведения порой протекает довольно остро.

Личность приемлет разнообразные формы контроля за своей деятельностью, но болезненно переживает ситуации, когда ей «мешают» работать. Исследования, проведенные разными методами, позволяют усмотреть характерные признаки внутриличностной напряженности, своего рода «тоски» работника по полной трудовой и общественной самоотдаче.

Недостаток возможностей такой самоотдачи на производстве вытесняет интересы личности из трудовой сферы в сферу досуга, семьи, быта, потребления. Производственная деятельность в этих условиях приобре-

³² Как известно, радикальные социально-экономические и общественно-политические трансформации нашего общества, приватизация средств производства и т. д. 10 лет спустя привели к реализации принципиально иной модели «хозяйственного механизма», чем та (в сущности, социал-демократическая), которая тогда представлялась авторам преодолевающей социально-экономические тупики «развитого социализма».

тает для личности своего рода инструментальное значение создания материальных предпосылок для самоактуализации, самовыражения в других жизненных сферах. Это, очевидно, нежелательный социальный процесс, и приостановить, заблокировать его возможно лишь за счет устранения сохраняющихся моментов отчуждения работника от процесса и результатов своего труда.

Отсюда вырисовывается в качестве задачи первостепенной общественной важности — задача **гуманизации** социального института общественного производства, не в узко-прагматическом смысле, предлагаемом буржуазной доктриной «человеческих отношений», а в смысле обеспечения общественных условий для полнейшего раскрытия сущностных сил человека в процессе коллективного труда.

Анализируя перспективы развития общественного производства в условиях ликвидации частной собственности, К. Маркс писал:

«Предположим, что мы производили бы как люди... Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность... Мой труд был бы **свободным проявлением жизни** и поэтому **наслаждением жизнью**... Во-вторых, в труде я поэтому утверждал бы мою **индивидуальную** жизнь, следовательно, **собственное своеобразие** моей индивидуальности. Труд был бы моей **истинной, деятельной собственностью**» ([136], с. 35-36).

Фундаментальный тезис «Все для человека, все во имя человека!» может быть осмыслен также в плане своеобразного «удвоения» целей социалистического производства; не только создание материальных ценностей для удовлетворения постоянно растущих потребностей людей, но и создание возможностей для наиполнейшего раскрытия личностного потенциала работника, для развития его (работника) способностей.

Глубинная потребность личности в самоутверждении, саморазвитии и самообновлении в деятельности требует первоочередного удовлетворения в ключевой сфере социальной жизни, каковой является общественное производство.

(В постановке вопроса об особых, гуманистических функциях социалистического производства мы опираемся, среди прочего, на наш опыт специального исследования этих функций применительно к другим социальным институтам, в частности системы вечернего и заочного высшего образования. См.: [14а]; [146]).

5.14. Обзорение современной экономической литературы убеждает в том, что та ситуация освоения новой техники, в которую оказался вовлечен социолог-рабочий, является типичной.

Так, специальное исследование на машиностроительных предприятиях Саратова показало, что разрыв между сроками получения нового оборудования и ввода его в эксплуатацию достигает одного года; период же от ввода в действие до достижения проектных показателей по мощности и эффективности составляет 3-5 лет, а в случае морального устаревания оборудования проектные показатели вообще не достигаются

([23], с. 55). По данным Л. С. Бляхмана, в тяжелом машиностроении в первый год реализуется менее 1% общей фактической эффективности новой техники, во второй — 2, в третий — 15, в четвертый — 32, в пятый — 40% ([5в], с. 40).

История освоения координатно-револьверного пресса (ПКР) на Ленинградском заводе, описанная выше, может служить наглядным примером **дезинтегрированности** процесса технической инновации.

(Как отмечает А. И. Пригожин, «основное противоречие инновационного процесса — его дезинтегрированность, т. е. расхождение в нем между целями разного порядка. В тех или иных проявлениях это противоречие выступает во многих известных сегодня недостатках и неудачах нововведений» ([17], с. 24)).

Принято считать, что почти всякое новшество наталкивается на так называемые «психологические барьеры» недоверия, косности, «групповой самозащиты» и т. п. По нашему мнению, в основе всех этих явлений лежит противоречие интересов (соответственно — целей, мотивов, позиций) различных субъектов-участников инновационного процесса. Иначе говоря — отсутствие такого социального механизма, который обеспечивал бы не просто согласование, а совпадение этих интересов в том, что касается конкретного нововведения. Система отношений, отвечающая этому требованию, может возникнуть лишь на базе соответствующего хозяйственного механизма. Таким образом, выстраивается цепочка детерминаций:

хозяйственный механизм — групповые интересы участников инновации — социально-психологические проблемы процесса нововведения.

(Стоит сравнить это с объяснительной гипотезой о расхождении целей участников инновационного процесса как главном препятствии в осуществлении всего этого процесса, выдвинутой в исследовательской программе ВНИИСИ «Нововведения в организациях». Причем, как справедливо пишут составители этой программы, «само расхождение есть следствие не столько психологических особенностей индивидов, сколько задаваемой извне системы показателей и критериев оценки и неадекватности организационных структур» ([11], с. 19)).

Специфическую особенность данного, рассмотренного нами случая технической инновации составляет включение в него экспериментального момента (позиция и поведение социолога-рабочего). Возьмем на себя смелость утверждать, что освоение нового оборудования было этим обстоятельством отчасти ускорено и оптимизировано... Своеобразие роли рабочего-исследователя в данной технологической инновации состояло, по-видимому, в сочетании существенного (и не тривиального) расширения сферы **личной ответственности** за конечные результаты этого процесса (что потребовало совмещения в едином лице функций наладчика, оператора, технолога, ремонтника и инструментальщика) со своего рода «прессин-

гом» по отношению к инженерным службам или с повышенной требовательностью к качеству управленческих воздействий.

(В современной социологии организаций это последнее трактуется как «нетривиальный фактор» ситуационной структуры, складывающейся вокруг данного нововведения, фактор, формирующий своего рода «отрицательную направленность» в этой структуре, однако требующий закрепления и развития ([8а], с. 89).

Вместе с тем, рассматриваемый инновационный процесс сохранил свое фундаментальное качество «дезинтегрированности». Опыт показывает, что социально-нормативная структура производственной организации в современных условиях достаточно гибка, лабильна, «терпима» к разнообразным формам вненормативного, однако ценностно-обоснованного и ситуативно-оправданного поведения. С другой стороны, эта структура характеризуется высокой степенью устойчивости: трансформируясь в частности, она сохраняет общий принцип своего функционирования. В этих условиях всякая локальная и узко-целевая социальная инновация (вроде нашего экспериментального нормотворчества) имеет шансы быть «переварена» указанной структурой и преобразована в соответствии с господствующими в данной среде нормами социального поведения.

Эффективной в плане преобразования всей системы социальных норм производственной организации может быть только радикальная и **системная** общественная инновация, сознательно направленная на устранение «разрывов» в ключевых социально-нормативных комплексах.

Низкая эффективность, а порой и обратный эффект разнообразных технических, и особенно — организационных и социальных нововведений на социалистическом промышленном предприятии, не должны, однако, обескураживать. Ибо всякая инновация, имеющая позитивную направленность, имеет также важный демонстрационный эффект обнажения общественных противоречий и глубинных причин неудачи. Опыт общественного осмысления этих причин накапливается. Возникают предпосылки для инновационных поисков на новом уровне глубины, масштабов, значимости.

(Разумеется, накапливается и разочарование. Однако сохраняется общественная потребность в преобразовании существующих форм функционирования производственной организации. И эта настоятельная потребность то тут, то там находит выход в новых прецедентах позитивного социального нормотворчества).

5.15. Выше отмечалось, что «нормализация» системы социальных норм производственной организации и соответствующие изменения в ценностно-мотивационной структуре личности работника имеют своим непременным условием направленное управленческое (партийно-государственное) воздействие на социально-экономические условия развертывания общественно-трудовой активности людей, совершенствова-

ние самой системы производственных отношений (в соответствии с совершающимися изменениями в производительных силах общества). Вместе с тем, решение указанных социальных задач представляется делом недостижимым лишь за счет шагов, предпринимаемых «сверху». Необходимо встречное движение «снизу». Реальных социальных эффектов следует, по-видимому, ожидать на пути соединения того и другого.

В этой общественно-исторической ситуации разнообразные проявления коллективной и индивидуальной «не вынужденной» инициативы (и прежде всего — в общественно-трудовой сфере) приобретают значение и смысл актов не только социального творчества, но и **социальной ответственности**.

«Хорошо, если бы каждый из нас чувствовал себя как вратарь на поле: за тобой никого нет, если ты мяч не возьмешь — команде гол», — пишет ленинградский рабочий А. Г. Солипатров ([20], с. 163).

Вопрос, однако, состоит в том, как этой инициативе «ставить себя» и развиваться в том социально-нормативном контексте, который она отчасти претендует изменить.

В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического принципа **адаптационного нормотворчества** или социально-нормативных прецедентов.³³ Этот принцип учитывает высокую инерционность функционирования общественного (в частности, производственного) организма и рассчитан на подготовку почвы для необходимых и, в известном смысле, неизбежных преобразований в нем.

(Понятие **прецедента** теоретически интересно разработано В. К. Тарасовым. Этот автор называет прецедентом «опыт причинно-следственной связи между реальным поведением и нормативной структурой, уточняющий или отвергающий общезначимую нормативную цель» ([22], с. 225). Различаются «активные» и «пассивные» прецеденты. Первые сознательно инспирируются субъектом, во вторых — субъект в лучшем случае играет роль «очевидца» или «жертвы». Возможны комбинации того и другого. Например, «активный с точки зрения инициатора прецедент может восприниматься как пассивный» ([22], с. 225). В нашем эксперименте преимущественно осуществлялись прецеденты активные по сути, но не претендующие быть воспринятыми в качестве таковых; ср. выше — рассуждение о «вынужденной инициативе»).

Выдвигаемый нами **принцип адаптационного нормотворчества** (социально-нормативных прецедентов) **состоит в направленном, но не акцентированном расшатывании рутинного блока социальных (в частности, социально-производственных) норм-стереотипов поведения и в создании накапливающихся предпосылок для его обновления** (замещения). **Это может осуществляться путем ненавязчивого задания таких образцов индивидуаль-**

ного и коллективного поведения, которые хоть и расходятся с господствующими нормами-стереотипами, однако отвечают массовым ценностным ориентациям. [*Здесь — выделено мною сегодня.* — А. А.].

(К широко известным примерам коллективной реализации этого принципа, по-видимому, относятся Щекинский, Калужский, Акчийский и некоторые другие социально-экономические эксперименты. Однако в предпосылке их всегда лежит индивидуальная нормотворческая практика. Эта практика заслуживает специального социологического изучения и осмысления, а также научной разработки ее задач, форм, методов).

5.16. В заключение автор считает необходимым отметить, что им получен ряд методических результатов, связанных с разработкой и опробованием метода **наблюдающего участия и моделирующих ситуаций** (см. выше). Наконец, в мировоззренческом плане (или в плане выработки «мироотношения») эксперимент социолога-рабочего дает определенный материал для обоснования выдвигаемого автором принципа **единства практической деятельности, рефлексии и игры** как эффективного способа реализации активной жизненной позиции личности в современных условиях.

Литература

1. Алексеев А. Н. Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи) / Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л., 1973.
2. Алексеев А. Н. Социальные проблемы развития и эффективности социалистического соревнования (по данным конкретно-социологического исследования) / Социальное и культурное развитие рабочего класса в социалистическом обществе (методические и методологические вопросы), часть 2. М., 1982.
3. Алексеев А. Н. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск, 1982.
4. Алексеев А. Н., Климентов Г. А. Экономические аспекты участия трудящихся в управлении производством // Проблемы применения коллективных и коллегиальных форм управления на предприятиях (объединениях). Тезисы докладов. Таллин, 1980.
5. Алексеев А., Климентов Г. Для всех — как для себя! // Литературная газета, 1982, № 7.
- 5а. Андронов Ю. В. Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983.
- 5б. Бляхман Л. С. Экономика научно-технического прогресса. М., 1979.
- 5в. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
6. Бутенко А. А. Противоречия социализма как общественного строя // Вопросы философии, 1982, № 10.

³³ См. об этом ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 3.3.

7. Гордон Л. А., Назимова А. К. Производственный потенциал советского рабочего класса: тенденции и проблемы развития // Вопросы философии, 1980, № 11.
8. Гордон Л. А., Назимова А. К. Социально-профессиональная структура современного советского общества: характер и направление перемен // Рабочий класс и современный мир, 1983, № 3.
- 8а. Дудченко В. С. Ситуационные структуры в организации / Структура инновационного процесса. Труды конференции. М., 1981.
9. Заславская Т. И. Экономическое поведение и экономическое развитие // ЭКО, 1980, № 3.
- 9а. Климентов Г. А. Преимущества бригады и условия их реализации / Опыт ленинградских предприятий по повышению эффективности использования основных производственных фондов. Материалы семинара. Л., 1981.
- 9б. Климентов Г. А. Роль цены в совершенствовании организации соцсоревнования / Совершенствование оптовых цен на продукцию машиностроения. Материалы семинара. Л., 1982.
10. Лапин Н. И. Актуальные проблемы исследования нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах. Труды конференции. М., 1980.
11. Лапин Н. И., Пригожин А. И., Сазонов Б. В., Толстой В. С. Нововведения в организациях (общая часть исследовательской программы) / Структура инновационного процесса. Труды конференции. М., 1981.
12. Левин М. Молодежь и труд (размышления социологов и журналиста) // ЭКО, 1983, № 8.
13. Мазитова Р. К. Заработная плата и проблемы ее взаимосвязи с экономическими интересами (вопросы теории и методологии). Казань, 1983.
- 13а. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. Т. 19.
- 13б. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. Т. 42.
14. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14-15 июня 1983 г. М., 1983.
- 14а. Минакова С., Алексеев А. Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, № 10.
- 14б. Минакова С. Ф. Заочное и вечернее студенчество: способ жизни и социальные эффекты // ЭКО, 1983, № 6.
15. Нужна решительная перестройка // ЭКО, 1983, № 8.
16. Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности / Социология в СССР, т. 1, М., 1966.
- 16а. Парфенов В. Бригады // Правда, 27 июня 1983 г.
17. Пригожин А. И. Социология организаций. М., 1980.
18. Пригожин А. И. Межорганизационные ролевые позиции в инновационном процессе / Структура инновационного процесса. Труды конф. М., 1981.
- 18а. Радов А. Шекинский парадокс // Октябрь, 1982, № 4.
19. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
20. Солипатров А. Г. Глазами рабочего // Знамя, 1979, № 7.

21. Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983.
22. Тарасов В. К. Порядок, прецедент, реорганизация / Проблемы управленческих нововведений и хозяйственного экспериментирования. Таллин, 1978.
23. Улицкий А. И., Друзин В. В. Эксплуатационная подготовка новой техники — самостоятельное звено производства // ЭКО, 1983, № 2.
24. Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования, 1983, № 3.
- А. Алексеев, сентябрь 1983

Приложение

**Рубрикатор для обработки протоколов наблюдающего участия
«Человек в системе реальных производственных отношений» (1983)**

- А. Человек и его профессия (трудовой процесс)
1. Чем занимался на работе
 2. Профессиональные достижения
 3. Профессиональные неудачи
 4. Профессиональные «открытия»
- Б. Реальные производственные отношения
1. Кто чем занят в бригаде
 2. Отношения «бригадир — рабочие»
 3. Отношения «мастер — бригада»
 4. Отношения между бригадами
 5. Отношения «вспомогательные службы — рабочие основного производства»
 6. Отношения «цеховая администрация — рабочие»
 7. Самодельная рабочая технология
 8. Проблемы нормирования и оплаты
 9. Внедрение новой техники
 10. ПКР и вокруг него
- В. Социально-психологическая атмосфера
1. Внутрибригадные отношения и контакты
 2. Разговоры, реплики, настроения
 3. Мои незапланированные интервью
- Г. Официальная общественно-производственная жизнь
1. Мероприятия, собрания коллектива и т. п.
 2. Доска объявлений и распоряжений
 3. Партийная жизнь
 4. Социальные функции промышленного предприятия
- Д. Комплексные социальные сюжеты

11.2. «В статье содержатся искажения отдельных фактов, а выводы и обобщения представляются неправильными»

[В начале 1984 г. сотрудники Управления КГБ по Ленинградской области вернули автору вышеприведенную рукопись (в отличие от рабочих дневников и писем, на материалах которых эта статья писалась).

Ниже рассказывается о том, как социолог-испытатель летом 1984 г. — уже после исключения из рядов КПСС — пытался получить по месту работы, на заводе, так называемый акт экспертизы, необходимый для публикации статьи.³⁴ — А. А.]

Из «Записей для памяти» (июль 1984)

<...> В середине июня 1984 г. я явился на прием к заместителю директора завода по кадрам и режиму В. Л. **Пономареву** — за консультацией: как получить акт экспертизы на свою работу «Социальные нормы, инновационный процесс, активность личности (по материалам наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации)».³⁵ Тот сообщил мне, что экспертную комиссию у нас возглавляет главный конструктор завода, профессор, доктор технических наук, лауреат Государственной премии Генний Степанович **Ершов**, и мне следует обратиться к нему.

Пономарев при мне позвонил Ершову и предупредил о моем предполагаемом визите.

Весь последующий месяц (с 15 июня по 13 июля) я находился в регулярном деловом контакте с главным конструктором завода. Общение это не было неприятным ни для меня, ни, смею думать, для тов. Ершова. (Сужу об этом хотя бы по тому, что тот ни разу не адресовал меня к своей секретарше). В одну из наших последних встреч проф. Ершов дружелюбно заметил, что на подготовку акта экспертизы только на эту статью он затратил столько же времени, сколько на всю свою предшествующую деятельность в качестве председателя комиссии (!).

По-видимому, рутинным порядком выдачи работникам завода актов, свидетельствующих, что в подготовленном для публикации материале «не содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и другие сведения, не подлежащие опубликованию в открытой печати» (например, такие, которые могли бы составить предмет изобретения или открытия, или иные, открытое опубликование которых «может нанести вред Советскому государству»)³⁶, является более или менее беглый просмотр работы председателем комиссии, после чего акт оформляется в бюро патентов и научно-технической информации завода почти автоматически.

³⁴ О целях и порядке получения экспертных заключений на научные публикации в те годы см. ранее, в томе 2: раздел 10.13.

³⁵ Так первоначально называлась статья о «человеке в системе реальных производственных отношений» (см. предыдущий раздел).

³⁶ Стандартные формулировки актов экспертизы того времени.

Здесь от этого «стандарта» пришлось отступить, хотя бы в силу нетривиальности (для экспертной комиссии) предмета или темы подлежащего рассмотрению материала. Впрочем, вероятно, и не только поэтому, ибо прецеденты выдачи актов экспертизы на работы социально-экономического содержания на заводе все же были (и затруднений, как в моем случае, не возникало).

Всего объема затруднений не предусматривал и сам председатель, успевший ознакомиться с 70-страничной статьей на следующий же день по ее получении и рассчитывавший, вероятно, на столь же оперативную работу своих коллег. Для ускорения дела (а может, и согласно существующему порядку) у меня был затребован еще один экземпляр статьи и на всю эту процедуру председателем комиссии была отведена неделя.

Мы общались с проф. Ершовым по внутривзаводскому телефону, хотя тот любезно приглашал меня зайти, но, ввиду его очевидной для меня занятости, я воспользовался для передачи текста в середине июня услугами секретарши, и лишь три недели спустя впервые встретился лично. (Звонил всегда я, но каждый раз в срок, назначенный самим главным конструктором).

На исходе третьей недели телефонных контактов, а именно — 6 июля, Г. С. Ершов сообщил мне, что почти все члены комиссии, включая начальника 1-го отдела, не только ознакомились с материалом, но и, вслед за председателем, подписали акт. Однако у секретаря парткома завода В. Д. **Щекина** возникли возражения.

(«Он, вероятно, был знаком с Вашей статьей раньше?» — «Возможно, — сказал я. — В свое время эта работа передавалась мною для ознакомления в комиссию партийного расследования»).

Проф. Ершов сказал, что мне следует теперь самому встретиться с секретарем парткома. Я спросил, могу ли рассматривать это как передаваемое мне через него (Ершова) приглашение от секретаря парткома к беседе по вопросу о моей статье. После короткого раздумья, проф. Ершов ответил утвердительно и сказал, что я во всяком случае могу на него сослаться.

Тогда же я поинтересовался, является ли секретарь парткома членом экспертной комиссии, на что ответ был отрицательный. «Стало быть, тов. Щекин предлагает мне встретиться с ним не в качестве члена экспертной комиссии, а в качестве именно секретаря парткома?» — «Выходит, что так».

В тот же день, в пятницу, 6 июля, я информировал о факте такого приглашения секретаря партбюро цеха, токаря А. П. **Червякова**, сообщив дополнительно, что приглашение передано через главного конструктора завода, причем остается неизвестным, на какое именно время меня приглашают в партком. Об этом, сказал я, удобнее всего было бы навести справки не мне, а секретарю партбюро цеха. Через полчаса Червяков подтвердил, что секретарь парткома тов. Щекин «ждет меня», в понедельник, 9 июля, в 16 час.

Понедельник, от 16 час, как оказалось, является временем приема трудящихся секретарем парткома. Щекин сказал, что он меня не приглашал, а на мое предположение о предмете беседы (акт экспертизы на статью) заметил, что никаких документов на этот счет к нему не поступало. Я выразил

сожаление в связи с возникшим недоразумением и откланялся, не проведя в кабинете секретаря парткома и одной минуты, в общей сложности.

В понедельник, после 16 час. принимает трудящихся также и главный конструктор, и я отправился прямо к нему. У Ершова в это время происходило оперативное совещание (человек 15), и я решил дождаться, пока оно закончится. Узнав, что к нему в урочное время пришли на прием, Ершов покинул заседание, на котором председательствовал, и свыше 10 мин. занимался моим делом.

После предпринятого им тут же телефонного разговора со Шекиным, а также наведения справок в бюро патентов и НТИ, Ершов сообщил мне, что документы не поступили в партком потому, что задержались у главного технолога Л. П. **Смирнова**, который является единственным еще не подписавшим акта членом комиссии. Тот отказывается подписывать акт и пока что не представил запрошенного у него председателем комиссии объяснения своего отказа.

Проф. Ершов было предложил мне встретиться еще и с главным технологом завода, «для ускорения дела». Но я сказал, что, при всей моей благодарности за исчерпывающую информацию, я не хотел бы использовать эту информацию для форсирования решения, и готов подождать, пока комиссия сама это решение примет. Мой собеседник счел мое соображение скромным и вполне уместным и на своем предложении не настаивал.

Я, правда, выразил озабоченность, что могу не успеть получить ответа экспертной комиссии до своего ухода в отпуск 16 июля. Но, по-видимому, к моему возвращению 9 августа какое-то решение будет все же принято, и без моего участия. Где месяц ждал, можно и полтора подождать... Тут проф. Ершов сообщил (озабоченно), что на днях сам уходит в отпуск, и вернется лишь в конце августа. Такой срок ожидания ответа показался мне чрезмерным, и я попросил Гения Степановича, в таком случае, перепоручить это дело кому-либо из своих подчиненных.

Следующий, назначенный проф. Ершовым телефонный звонок ему в среду, 11 июля, обнаружил ситуацию, как будто тупиковую: акт экспертизы подготовлен и подписан всеми членами комиссии, кроме главного технолога Смирнова, который ставит свою подпись категорически отказывается, и никаких объяснений получить от него вроде бы не удастся. Председатель комиссии обещал навести справки, как следует поступать в подобных случаях (прецедентов разногласия в экспертной комиссии на заводе еще не было).

К концу того же дня, уже при личной встрече, Гений Степанович информировал меня о найденном, в итоге всех консультаций, «компромиссе». Он ознакомил меня с проектом заключения, которое готовы подписать все члены экспертной комиссии, включая главного технолога Смирнова и специально для данного случая привлеченного в комиссию секретаря парткома Шекина.

Строго говоря, трое членов экспертной комиссии: сам проф. **Ершов**, начальник 1-го отдела **Мартынов** и начальник бюро патентов и НТИ **Авагунов**, — уже подписали заключение, сводящееся к одной фразе:

«В результате рассмотрения материала по существу его содержания, комиссия считает, что рассмотренный материал может быть опубликован в открытой печати, так как он не содержит сведений, препятствующих его публикации...».

Теперь же этот текст дополнялся еще одной фразой:

«...В то же время комиссия считает публикацию нецелесообразной, так как в статье содержатся искажения отдельных фактов, а выводы и обобщения представляются неправильными».

Я сказал, что не считаю возможным указывать экспертной комиссии, что ей следует писать в акте, хоть и убежден, что последняя фраза выходит за пределы компетенции комиссии, призванной лишь исключить проникновение закрытых данных в открытую печать. Моя единственная просьба: коль скоро сделана такая приписка, указать тут же, **какие именно** факты искажены (надо еще заметить, что в статье ни разу не упоминается название завода) и какие именно выводы и обобщения сочтены неправильными.

Эта просьба была мягко отклонена Ершовым — «во избежание полемики». Я сказал, что вовсе не собираюсь вступать в полемику, даже не претендую, чтобы меня предварительно знакомили с этими уточнениями. Но они наверняка понадобятся редколлегии печатного органа, который получит этот акт вместе со статьей.

В самых общих чертах проф. Ершов обрисовал, что именно не устраивает в моей статье экспертную комиссию (или одного из ее членов?), но заметил, что разворачивать эти соображения в заключении комиссии — нежелательно. Я не настаивал и выразил лишь удовлетворение тем, что в моем материале не усмотрено «сведений, препятствующих его публикации».

В пятницу, 13 июля, по телефону я узнал от Ершова, что акт подписан **всеми** членами комиссии и утвержден директором завода А. Д. **Долбежкиным**. Главный конструктор адресовал меня за этим актом в бюро патентов и НТИ, предупредив, однако, что с выдачей документа на руки могут возникнуть трудности: работники бюро как будто выдают такие акты только по запросу печатного органа.

Это новое, финишное препятствие получило подтверждение в беседе с сотрудницей бюро патентов Т. А. **Романовой**, с той лишь разницей, что она мотивировала отказ выдать готовый и утвержденный акт на руки тем, что «экспертная комиссия возражает против публикации статьи».

Об этом новом обстоятельстве мне пришлось информировать Ершова. Оба мотива (и вначале предположенный им, и позднее обнаруженный мною) были настолько нелепы, что Гений Степанович выразил готовность лично вмешаться также и в этот, сугубо процедурный, вопрос. Я же сказал, что, если он осведомлен о моем нынешнем положении («да, осведомлен!»), то, наверное, понимает, как мне не хотелось бы куда-либо — еще и по этому поводу — обращаться.

Между тем, совершенно очевидно, что, получив акт с таким заключением, ни один печатный орган не станет публиковать статью, не связавшись предварительно с учреждением, выдавшим этот акт. Стало быть, беспокойство о бесконтрольном — для завода — использовании этого документа безосновательно (разве что я его фальсифицирую).

С другой стороны, без какого-либо письменного подтверждения, что экспертиза все-таки произведена, я не смогу даже обратиться ни в одну редак-

цию, заметил я. Поэтому, если завод настаивает на невозможности выдать мне на руки требуемый документ, пусть выдадут хотя бы справку, выписку из акта (желательно, с полным текстом заключения). Это не заменит самого акта экспертизы, но по крайней мере подтвердит сам факт его существования. Тогда и печатный орган сможет официально запросить у завода оригинал документа, в случае необходимости.

При таком «компромиссе» у меня, конечно, еще оставались бы основания обжаловать действия комиссии, но тогда я этим своим правом не воспользуюсь, сказал я.

<...> Еще через 10 мин. сотрудник бюро тов. Романова выдала мне на руки один экземпляр акта экспертизы на «социологическое исследование» (так написано в документе) «Социальные нормы, инновационный процесс, активность личности» (73 стр.), выполненное «по открытому плану». Работа рассматривалась на заседании экспертной комиссии 3 июля. Утверждено директором завода 12.07.84.

Надо заметить, что по существующим, по крайней мере в обществоведческих научных изданиях, правилам акт экспертизы представляют в двух экземплярах, поэтому он заготавливается всегда в 3-х (один остается по месту выдачи). Здесь экземпляров было всего два, и мне был вручен один (может быть, в Минлегпишемаше другие порядки...).

Уже будучи в отпуске, по прибытии в г. Сочи 17 июля, я вложил в конверт взятый с собой оттиск журнала «ЭКО» (№ 8 за 1983 г.) с моим, совместно В. Ядовым и Н. Щербаковым, интервью, взятым у нас журналистом М. Левиным³⁷, надписав на этом оттиске: «Гению Степановичу Ершову, с уважением и симпатией. Андрей Алексеев, июль 1984», — и отправил по адресу: Ленинград, наб. реки Карповки, 5. Ленинградский завод полиграфических машин. Г. С. Ершову (лично).

(Записано в конце июля 1984 г.)

Вместо заключения (к главе 11)

Вышеприведенная «запись для памяти» может служить наглядным примером «дневника факта», или протокола жизни (см. об этом жанре в предыдущей главе).

...Автор и по сей день хранит теплые воспоминания о деловом общении с Гением Степановичем Ершовым, ныне покойным.

Полгода спустя после выдачи упомянутого акта, в адрес заводской экспертной комиссии поступило из Новосибирска письмо от Р. В. Рывкиной³⁸:

«В связи с обсуждением вопроса о публикации статьи А. Н. Алексеева в сборнике, подготавливаемом ИЭиОПП СО АН СССР³⁹, прошу Вас расшифро-

вать оценку, данную статье экспертной комиссией. В частности, укажите, какие именно искажения фактов допущены, какие выводы неправильны. Получив Ваше авторитетное для нас мнение, мы сможем соответствующим образом отредактировать статью, поскольку с научной точки зрения (со стороны методов, теоретической стороны вопроса) она представляет несомненный интерес...» (подпись: докт. эконом. наук Р. В. Рывкина. Январь 1985).

По времени этот запрос случайно совпал с понижением в должности (за те самые факты, которые «искажены»!) главного технолога завода (он же — член экспертной комиссии; см. выше) Л. Смирнова, того самого, который особенно энергично возражал против публикации статьи. Ответа с завода Р. Рывкина, кажется, тогда не получила.

...Прошло еще два года. В декабре 1986 г., экспертная комиссия «Ленполиграфмаша», к которой автор обратился вновь, сняла свои возражения против публикации статьи и выдала-таки акт экспертизы, строго соответствующий прерогативам комиссии.

А еще через три года сама процедура получения таких «разрешений» ушла в прошлое. Во всяком случае, для состоявшейся в 1989 г. публикации этой статьи в сборнике, вышедшем в издательстве «Наука», никакого акта экспертизы уже не потребовалось.

А еще через три года сама процедура получения таких «разрешений» ушла в прошлое. Во всяком случае, для состоявшейся в 1989 г. публикации этой статьи в сборнике, вышедшем в издательстве «Наука», никакого акта экспертизы уже не потребовалось.³⁹ (Март 2001 — май 2003).

* * *

Постскриптум к главе 11

Заметим, что в публикуемой здесь работе о «человеке в системе реальных производственных отношений», датированной 1983 г., социально-трудовые отношения обсуждаются в терминах «двуслойности» социальных норм, имея в виду, как правило, противоречащие друг другу декларируемые «нормы-требования» и реально действующие «нормы-стереотипы поведения» (см. раздел 11.1).

*В современной социологической литературе более распространена постановка вопроса о соотношении **формальных** и **неформальных правил (и практик)**. Например:*

«...Важный аспект структурирования трудовых отношений — их неформальная составляющая. Это устные, неявные и подразумеваемые правила, которым следуют работники и работодатели в разных областях заводской жизни и в личных взаимоотношениях. Соответственно формальные правила писаны, гласны и фиксированы.

³⁹ Пользуюсь случаем выразить признательность Илье Георгиевичу Шаблинскому, редактору-составителю сборника «Новое политическое мышление и процесс демократизации» (М., 1989), где статья о «человеке в системе реальных производственных отношений» — в сокращении — впервые увидела свет.

³⁷ Об этом интервью см. ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 7.10.

³⁸ О Розалине Владимировне Рывкиной см. в томе 1 настоящей книги: глава 2; в томе 2: главы 9, 10). Р. Рывкина — одна из адресатов «Писем...» социолога-рабочего 80-х гг. Непосредственный участник описываемых в данной книге событий. Ныне живет в Москве. Профессор, зав. лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

³⁹ Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук.

Легитимность правил зависит не от степени их формализации, а от того, насколько они общеприняты, насколько им следуют в производственной практике... Также нельзя предполагать, что формальные правила более институционализированы, чем неформальные. Неформальные могут так же сильно, как и формальные, предопределять поведение и взаимоотношения работников... Формальность имеет реальное влияние на социальные отношения только при условии, если она пропитана реальными практиками.

...И те, и другие (правила. — А. А.) могут изменяться в результате действий и практик социальных акторов (т. е. субъектов трудовых взаимоотношений), им присущи разные характеристики — они могут быть более или менее стабильными, более или менее гибкими или жесткими и т. п.» (Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М.: Академический проект, 2004, с. 135-136).

Используя разные методы эмпирического исследования, автор цитированной работы приходит к выводу о безусловном **доминировании неформальных правил и практик над формальными** — на всех (пяти) обследованных российских заводах; разумеется, с дифференциацией соотношения тех и других в менеджментах разного типа, однако — универсально для всех типов. При этом «неформальность трудовых отношений охватывает все сферы функционирования предприятий», будь то область организации труда и заработной платы, обеспечение качества труда, правила приема на работу и увольнения, поддержание дисциплины и т. д. (см. указ. соч., с. 297-299).

Подводя итог анализу этой проблемы, автор данного раздела коллективного исследования (Карин Клеман) пишет:

«...Неформальность существовала и при советской системе..., но сегодня она приобрела гораздо больший масштаб (! — А. А.) и, применительно к новой экономической и социальной обстановке, обрела иной смысл, более соответствующий западному понятию гибкости. Самый подходящий русский эквивалент — **“пластичность”**. Пластичность указывает на способность человека гнуться под давлением системной реструктуризации, не ломаясь и не сопротивляясь под угрозой потери своего “Я”. При этом высокоресурсные довлеют над слабыми в навязывании своих правил. Такими ресурсами... являются не только материальный капитал, но и связи, знание, мобильность, способность ориентироваться в ситуации с большой степенью неопределенности» (Указ. соч., с. 189).

Может показаться парадоксальным, что в российском обществе «развитого социализма» в данном аспекте имело место своего рода «опережение» определенной **глобализационной** тенденции. (Апрель 2005).

Приложение к главе 11

П.11.1. «Новосибирской манифест» советской социологии

Из доклада Т. Заславской «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии» (1983)

<...> Результаты развития экономики могут носить как экономический, так и социальный характер. В области экономики результатами функционирования социального механизма служат определенные темпы прироста национального дохода¹, качество использования природной среды, эффективность научно-технического прогресса. Социальным же результатом его работы служит формирование специфического типа субъекта экономической деятельности: работника (исполнителя или руководителя), получателя доходов, покупателя и потребителя.

Каждая система производственных отношений формирует особый, соответствующий ее сущности социальный тип человека как экономического деятеля, в первую очередь — **специфический тип работника** [здесь и далее выделено мною. — А. А.]. Особенности этого типа определяются не такими экзогенными по отношению к производственным отношениям признаками, как возрастно-половой состав, профессионально-квалификационная структура, физическая сила, здоровье и пр., а твердо усвоенными **нормами поведения в сферах производства, распределения, обмена и потребления**. Для оценки формируемого конкретной системой производственных отношений социального типа работников важно наличие у основной их массы таких качеств, как добросовестность, исполнительность, ответственность, надежность, дисциплинированность, способность к самостоятельному принятию решений, в том числе оправданному риску, честность, порядочность, принципиальность, бережливость и др.

Судить о социальных качествах работников можно лишь на основе их поведения, что создает впечатление тождественности понятий «тип работника» и «тип поведения». Но действительное содержание этих понятий различно. Поведение носит более конъюнктурный характер и зависит не только от типа работника, но и от внешних обстоятельств, в которые он в данный момент поставлен. Поэтому формы экономического поведения гораздо сильнее меняются при изменении внешних условий.

¹ Из начала доклада: «...В последние 12-15 лет в развитии народного хозяйства СССР стали обнаруживаться тенденции к заметному снижению темпов роста национального дохода. Если в восьмой пятилетке среднегодовой прирост его составлял 7,5% и в девятой — 5,8%, то в десятой он снизился до 3,8%, а в первые годы одиннадцатой составил около 2,5% (при росте населения страны в среднем на 0,8% в год). Это не обеспечивает ни требуемых темпов роста жизненного уровня народа, ни интенсивного технического перевооружения производства...».

В отличие от этого принадлежность сложившегося в личностном отношении работника к определенному социальному типу является длительно действующим фактором, влияние которого сказывается на развитии экономики не только в течение всей жизни данного поколения, но и после его ухода с исторической сцены в связи с духовным влиянием старших поколений на младшие. Отсюда историческая преемственность специфических черт разных национальных групп работников (например, русских, грузинских, эстонских, немецких), каждая из которых как бы несет отпечаток путей развития соответствующих народов на протяжении веков. Поскольку преобладающий в каждый период социальный тип работников является результатом не только действующих, но и ранее существовавших общественных отношений, отраженных в национальной культуре, постольку он обладает большой инерцией и нелегко поддается воздействию со стороны управляющих органов.

Однако инерционность социальных качеств работников не устраняет необходимости целенаправленного реформирования их социалистическим обществом, в первую очередь путем совершенствования социального механизма экономики. Ибо хотя этот механизм не способен в короткий срок изменить сложившийся тип работника в нужную сторону, но достигаемые в этом отношении результаты положительно сказываются на развитии экономики на протяжении длительных сроков и оказывают существенное влияние на развитие общества в целом.

В свете сказанного надо признать, что социальный механизм развития экономики, действующий в настоящее время в СССР, не обеспечивает удовлетворительных результатов. Формируемый им социальный тип работника не отвечает не только стратегическим целям развитого социалистического общества, но и технологическим требованиям современного производства. Распространенными чертами многих работников, личностное становление которых происходило в последние пятилетки, являются низкая трудовая и производственная дисциплина, безразличное отношение к выполняемому труду, низкое качество работы, социальная инертность, низкая самоценность труда как средства самореализации, ярко выраженные потребительские ориентации, невысокий уровень нравственности. Достаточно напомнить о широких масштабах деятельности так называемых «несунов», распространении различных «теневых» сделок за общественный счет, развитии «левых» производств, приписок, «выведения заработной платы независимо от результатов труда.

По моему убеждению, и активизация этих негативных явлений, и снижение темпов роста производства являются результатом **разлаженности социального механизма развития экономики**. В настоящее время этот механизм настроен не на активизацию, а на **зажим полезной экономической деятельности населения**. Точно так же «наказывается» или попросту пресекается инициатива руководителей предприятий в области организации производства, совершенствования экономических связей. Сейчас

высокую общественную оценку чаще получает деятельность не наиболее талантливых, смелых и энергичных, а наиболее послушных и исполнительных руководителей, пусть даже и неспособных похвастаться производственными успехами.

Важным источником социального напряжения в экономике служит не только «несостыкованность», но и **противоречивость интересов вертикально соподчиненных групп**: рабочих и мастеров, мастеров и директоров предприятий, директоров предприятий и работников министерств.

Наконец, централизованная система правил и норм экономической деятельности, создавшаяся на протяжении ряда десятилетий, к настоящему времени невероятно запуталась и во многих случаях устарела. «Экономический лабиринт», призванный направлять поведение трудящихся в требуемое обществом русло, в действительности содержит множество «подкопов» и «лазов», позволяющих получать те же результаты значительно более легким путем. Это содействует не только распространению нежелательных способов поведения, но и **формированию типа работника, которому чужды подлинно социалистические ценности**.

Решение актуальных проблем развития советской экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны.

Но для того, чтобы «отремонтировать» социальный механизм развития экономики, необходимо его изучить, понять его внутреннее строение, выявить слабые точки, обосновать пути их укрепления.

Решение этих задач должно взять на себя новое направление науки — **экономическая социология**. Объект его исследований — взаимодействие экономической и социальной сфер общества, экономических и социальных процессов, в том числе обоснование экономических условий достижения социальных целей, анализ социальных факторов экономического развития, прогноз его социальных итогов. <...>

(Цит. по: Т. И. Заславская. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002, с. 36-39)

* * *

Из книги Б. Фирсова «История советской социологии 1950—1980-х гг.» (2001)

<...> Доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» стал без преувеличения наиболее отважной и радикальной научной работой, написанной социологами СССР когда-либо... Кратко изложу содержание доклада.

Наблюдаемый спад производства, говорилось в докладе, указывает на неспособность системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества.

Административные методы управления хозяйством преобладают над экономическими. Итог печален — производственные отношения отстают от развития производительных сил. В частности, они не могут обеспечить нужные способы поведения трудящихся в социально-экономической сфере. Регламентируя ключевые аспекты социально-экономической деятельности трудящихся, система ограничивает также возможности проявления их личного поведения. Идеология утверждает простоту развития производственных отношений и априорную возможность согласования интересов (поскольку они не являются антагонистическими).

Все реформы управления порождают конфликты, рассогласование прав и обязанностей разных звеньев управления... Диалог между государством и производителями отсутствует. Организация производства не учитывает исторически сложившиеся социальные типы работников. Социальный механизм развития экономики направлен на «зажим» полезной экономической деятельности, а вовсе не на ее активизацию... Расцветает «теневая» экономика. Науке следовало бы изучить экономическую структуру общества, сознание и поведение экономических групп, формы взаимодействия руководящих звеньев с этими группами, предложить способы интеграции интересов экономических групп, а также модель целостного социального механизма развития экономики. Основной удар доклада пришелся по бюрократии — главному противнику и препятствию на пути изменений советского общества. Этот тезис стал вскоре центральным моментом в идеологии Горбачева. <...>

(Б. М. Фирсов. История советской социологии 1950—1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Изд.-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001, с. 216–217)

Ремарка: ... «ремонт» не поддается; пришлось «демонтировать».

Как видно, результаты как макросоциологического анализа социального механизма развития экономики, так и исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», подводили к сходным (в основном) выводам, как будто «взрывоопасным» и заслуживающим, с точки зрения властей предрержащих, если не преследования, то «засекречивания».

При том, что выводы в обоих случаях формулировались вполне лояльно, приглашали именно к совершенствованию системы, а не призывали к ее демонтажу.

Как мы теперь знаем, «система развитого социализма» оказалась—таки демонтирована, готовая уже рухнуть сама (в том числе, пожалуй, в силу того самого закона отставания производственных отношений от развития производительных сил, который составляет одну из «азбучных» истин марксизма). (Январь 2004).

* * *

Предупреждение к главам 12-18

Далее — читательскому вниманию предлагается тематизированное описание заключительного этапа эксперимента и «дела» социолога-рабочего (1986-1988). Иногда будем возвращаться к событиям более раннего периода.

Глава 12. Хозяйственный механизм глазами рабочего

....Принимая во внимание, что всякое наблюдение страдает от личных качеств наблюдателя, то есть оно зачастую отражает скорее его психическое состояние, нежели состояние созерцаемой им реальности, ко всему нижеследующему следует, я полагаю, отнестись с долей сарказма — если не с полным недоверием. Единственное, что наблюдатель может, тем не менее, заявить в свое оправдание, это что и он, в свою очередь, обладает определенной степенью реальности, уступающей разве что в объеме, но никак не в качестве наблюдаемому им предмету...

Иосиф Бродский («Путешествие в Стамбул»)

...Уже сейчас на предприятиях руководство идет на поводу у рабочих. Если ранее хаос и беспорядок вносили верхи, то потом он же (хаос) полностью поглотит их жалкие попытки упорядочивания и начнет диктовать свою волю, свой **порядок**. Как это ни парадоксально, но у хаоса есть упорядоченность — но **своя**, внутренняя, а не относительно чего-то внешне заданного. И эта новая упорядоченность породит новое качество, новые формы жизнедеятельности. Кто знает, быть может, мы стоим на пороге новой революции — не технической, а новых форм жизнедеятельности?..

«Бирюк» (Л. К. Дудченко). Из ответов на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» (1980)¹

Несколько вступительных слов

Как читатель уже знает, на протяжении первых четырех лет своего пребывания на заводе (1980-1983) социолог-рабочий вел довольно регулярные записи, фиксируя все детали своего наблюдающего участия в конкретной социально-производственной ситуации (будь то в форме писем друзьям, коллегам, будь то в форме дневников, «производственных хроник» и т. п.).²

Потом события «дела» социолога-рабочего (начиная с сентября 1983 г.) и необходимая самооборона от идеологических и политических обвинений³ несколько притормозили производственное бытописание. Пока автор не собрался с силами и не нашел время, чтобы его (бытописание) возобновить.

Стоит при этом отметить, что еще в 1982 году (т. е. до начала политического «дела») существенно изменилась сама производственная роль

¹ Развернутые тексты ответов на анкету «Ожидаете ли Вы перемен?» см. в томе 4 настоящей книги: глава 25.

² См. в томе 1: главы 2, 3, 5.

³ См. в томе 2: главы 7-10.

социолога-испытателя. Последний перестал быть наладчиком-повременщиком (производственное занятие — не из «массовых») и стал «рядовым» слесарем-сдельщиком, в составе бригады, работающей на единый наряд.⁴ Новый производственный статус дал пищу для наблюдений и анализа уже не инновационных процессов (освоение нового технического оборудования и т. п.), а процессов «рутинных» — **повседневности**, как таковой.

Итак, параллельно с протоколами наблюдающего участия в собственном партийном (и т. п.) «деле», писались также «**Производственные дневники 1984-1986 гг.**» (так был впоследствии озаглавлен этот авторский цикл). Из приводившихся ранее, к данному циклу принадлежит текст «Бешенная халтура, красивая деталь...».⁵

Ниже — другие извлечения из указанного цикла. Иногда это разовые дневниковые записи, иногда — тексты, сюжетно выстроенные, посвященные тем или иным аспектам заводской жизни. Главная тема вынесена в название главы: «**Хозяйственный механизм глазами рабочего.**» (Март 2001 — май 2003).

12.1. Апрельские заморочки⁶

Из «Производственных дневников» (май 1985)

Я вышел из отпуска 22 марта 1985 г. (пятница). И почти сразу начались «заморочки», как их называет мой бригадир А. С. [А. В. Сычевич; в дальнейшем он же — Толик, он же — Бугор]. — А. А.]⁷, т. е. всякие производственные затруднения, задержки, неприятности, неувязки. В этих апрельских заморочках переплелись тугим узлом нити ныне действующего хозяйственного механизма (каким он видится и ощущается изнутри и снизу).

Три сюжета, обозначенные ниже: «1,5 миллиметра», «0,2 копейки» и «11 марок и 24 гнезда» — относятся, соответственно, к проблемам состояния **технологии, нормирования и оборудования**. Однако сюжеты эти не автономны, а взаимопроникают друг друга (как и сами производственные проблемы, разумеется).

Апрельские заморочки на координатно-револьверном прессе (сокращенно — ПКР) в цехе № 3 ПО «Ленполиграфмаш» — живое свидетельство своего рода **выморочности** нашего хозяйственного механизма.

1,5 миллиметра

Технологией предусмотрена пробивка на ПКР отверстий разных размеров в листовых деталях. Отверстия должны быть большего диаметра, чем толщина материала, иначе пуансон сломается. Для меньших отвер-

стей на моем станке предусмотрено кернение (своего рода наколка, разметка). Потом по этим кернам, отдельной производственной операцией, заготовку просверливают. Понятно, что было бы выгоднее сразу пробивать (прокалывать). Но не получается.

Для нас актуальной является проблема 1,5 мм отверстий в стальных листах толщиной 1,5 мм. Это очень распространенный случай. Ибо, скажем, в каждой лицевой панели для фотонаборного комплекса (один из основных видов номенклатуры на моем станке) — до полусотни и больше 1,5 мм отверстий под штырьки, которые навариваются потом для крепежа изнутри всяческой электронной начинки. А эти панели — как раз такой толщины. Поэтому здесь технологией предусматривается сначала кернение, потом сверление.

Пробивка на ПКР отверстий диаметром 1,5 мм не противопоказана для листовых деталей толщиной, скажем, 1 мм. Для этого в свое время были предусмотрены пакеты инструмента (пуансон, матрица) 1,5 мм. Но в нашей номенклатуре это случай редкий...

Еще года четыре назад, когда не столько технологи, сколько рабочие пытались выяснить, что можно выжать из нового станка, я попробовал пробивать 1,5 мм панели имеющимся в инструментальной кладовой 1,5 мм пуансоном. Оказалось — возможно, если тщательно наладить. Все же «фирменные» пуансоны, рассчитанные на меньшую толщину пробивки (к тому же неразумно сконструированные в виде длинных «иглолок» с затупленным концом), вскоре оказались переломаны. И тут заработала рабочая техническая мысль.

Первое, что пришло в голову — взять пуансон большего диаметра и на самом его кончике, ударной части, отцентровать на круглошлифовальном станке необходимый 1,5 мм диаметр небольшой высоты (ровно столько, сколько надо, чтобы пробить заготовку и чуть войти в матрицу). Короткая «иглолочка» скорее уцелеет при ударе, чем длинная, тут — «и к бабке ходить не надо» (как говорит Толик).

Несколько «не ходовых» (имевшихся не в единственном экземпляре) пуансонов диаметром порядка 2,5-4 мм были переделаны в 1,5 мм. И я стал благополучно пробивать ими «толстые» панели.⁸

Выгода от этой придумки оказалась чрезвычайной. Ликвидировалась трудоемкая операция — сверление по кернам. Скажем, в панели 60 таких отверстий. Подлезь-ка ты под сверлильный шпиндель с заготовкой размером 600 x 700 мм! Да листов таких в «запуске» (в производственной партии) — сотня или больше!

Рабочая техническая инициатива всегда экономически обусловлена. Дело в том, что операция сверления, будучи снята [отменена. — А. А.] фактически, остается в техпроцессе и в маршрутной карте (наряде). Оплате подлежат — отдельно кернение и отдельно сверление. Заместив то

⁸ См. об этом ранее, в томе 1: раздел 3.6.

⁴ См. в томе 1: раздел 5.10.

⁵ См. в томе 1: раздел 5.12.

⁶ Этот текст имел такое название уже в оригинале.

⁷ В томе 1 настоящей книги фигурировал под псевдонимом «Филин».

и другое штамповкой на ПКР, рабочий (бригада) затрачивает гораздо меньше времени, а получает те же деньги. Иначе говоря, может сделать и заработать больше за то же время. В сущности, это есть задействованный резерв повышения производительности труда.

Рабочий предпочитает такие новации, которые, по тем или иным существующим технологическим или организационным нормативам (нередко — рутинным и косным!), не могут быть «узаконены». Эти, как принято говорить, «скрытые рации» позволяют рабочим компенсировать материальный проигрыш, который они терпят на производственных операциях, где норма времени заведомо занижена. Как мне уже не раз приходилось отмечать, **на одном проигрывают, на другом выигрывают** (в заработке). От рабочей изобретательности зависит, чтобы выигрыш был не меньше, а побольше проигрыша.⁹

Линейная администрация (мастера), конечно, знала об этом «нарушении технологического процесса» (как и о многих других подобного рода). Но не станет же она препятствовать тому, что способствует скорейшему выпуску продукции, не в ущерб качеству! На этой нашей самоделке **выигрывали все**, кроме, разве что, технологов (так ведь и те получают премию лишь при условии выполнения программы; а когда какое-нибудь нелегальное новшество укоренится, то запрети его — уже и план затрещит!).

После меня (1983 г.) «подпольно», хотя и у всех на глазах, пробивал 1,5 мм отверстия в панелях мой ученик С. З. (Сергея).¹⁰ Пуансончики иногда ломались. Тогда приходилось брать из кладовой другие «не ходовые» — для кустарной переделки. А это — уже в ущерб «инструментальному парку»... Тогда бригадир А. С. принял радикальное решение.

Пуансон для моего пресса обычно изготовлен из цельного куска металла, т. е. основание пуансона (которым он крепится в пуансонодержателе) и собственно ударная часть — неразъемны. Если же сделать пуансон **сборным**, то основание будет служить вечно, а ударную часть (своего рода «боек») можно заменять, по мере ломки или изнашивания. В отличие от основания, боек изготовить нетрудно, это всегда можно с токарем да с заточником договориться. Боек вставляется в основание, которое тоже недолго сварганить из любого поломанного цельнометаллического пуансона, и крепится в нем.

Эта идея потом была заимствована цеховой инструментальной службой, которая и в случае больших диаметров стала изготавливать не цельнометаллические, а сборные пуансоны.

Когда в декабре 1983 г. А. С. приглашал меня в свою бригаду для обслуживания ПКР, на смену ушедшему в другой цех моему бывшему ученику Сергею¹¹, он показал мне коробочку с сотней (!) заготовленных

⁹ Этот социальный механизм производственной жизни рассматривался ранее. См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12 и др.

¹⁰ См. в томе 1: раздел 5.5.

¹¹ См. в томе 1: раздел 5.10.

впрок самодельных 1,5 мм бойков. Ну, теперь живем! Не жалко лишний раз и сломать...

Но они **не ломались!** Боечки были изготовлены, не в пример «фирменным» пуансонам, с изящным двухступенчатым уступом, чем обеспечивалась еще бóльшая надежность. Не догадались сразу сделать на них кольцевую выемку, для более прочного крепежа болтиками в основании. Но когда пару раз боек вырвало из держателя, я стал делать эту выемку сам, на абразиве.

На сотню панелей (несколько тысяч ударов!) одного бойка хватало. А если и ломались, то на замену бойка я тратил минуты, выигрывая бригаде, на всей этой затее, часы. Ведь, как уже сказано, трудоемкое сверление было исключено в реальном производственном процессе (хоть и оставалось в технологических и оплатных документах).

Эти 1,5 мм пуансоны были одним из главных обстоятельств, по которым мой станок был **выгоден** бригаде. Мы выигрывали на панелях, проигрывая на других деталях. И внутри процесса изготовления самих панелей — выигрывали на штамповке, проигрывая, скажем, на установке и приваривании штырьков в те самые 1,5 мм отверстия (производственная операция, где норматив заведомо занижен). Как рабочих, так и администрацию такое положение вполне устраивало.

Но вот где-то во второй половине 1984 г. наши боечки стали ломаться чаще прежнего. Иногда это зависело от материала (бывает, запустят не ту марку стали, какую положено). Но скорее всего дело было в растущем износе моего станка, для которого еще во втором квартале прошлого года был запланирован профилактический ремонт, да так и не сделан. Фиксация револьверной головки в гнездах, при ее повороте, ухудшилась, подразболтались пуансонодержатели, может еще что...

Впрочем, и сама наша скрытая рация, по мнению А. С., заслуживала модернизации. И следующую партию «нелегальных» бойков мы предполагали сделать уже с некоторыми дополнительными усовершенствованиями.

К концу 1984 г. частая поломка самодельных бойков стала тревожить и меня, и бригадира. С панелями мне, как оператору станка, приходилось уже мучиться. Мучения (частая смена бойка) все же окупались тем, что отверстия в панелях не надо было потом просверливать.

Технологические службы обычно довольно долго «терпят» скрытые рации рабочих (если, разумеется, те не оказываются в ущерб качеству продукции, т. е. не возникает претензий со сборки). Но ведь и технологом надо вносить какой-то вклад в снижение трудоемкости! Для моего станка здесь нормальным путем является постепенный официальный перевод на ПКР тех обозначений деталей, которые раньше полагалось сверлить, фрезеровать и т. п., но которые мы давно уже самочинно штампуют (используя при этом самодельные шаблоны).

Под давлением цеховой технологической службы скрытые рации иногда превращаются в явные, т. е. оформляются как совместные рационализаторские предложения рабочего (обычно — бригадира) и технолога. Последний выписывает на кальке ту карту штамповки, которую рабочий давно уже рассчитал в уме (или на клочке бумаги) и воплотил в металле своего кустарного «п/б» (так в обиходе называются приспособления).

С запуском нового координатно-револьверного прессы с программным управлением (1984 г.), некоторые обозначения, которые прежде нелегально штамповались на моем «старичке» (давно ли был «новой техникой!»), стали переводиться туда. Иные же адресовались мне, на ПКР КО-120, но уже с официально оформленной технологией.

Так, например, произошло с «бешеной халтурой, красивой деталью»...¹² Но это редкий случай оперативности технологов, отчасти вызванной известным скандалом вокруг выпуска этой детали в конце 1984 г. Чаще вынужденная (для рабочих) легализация скрытых раций затягивается на год-два.

Административных попыток «узаконить» нашу инициативу пробивки 1,5 мм отверстий в панелях, мы, признаться, никак не ждали. Ведь существует формальное ограничение на размеры пробиваемых отверстий, при данной толщине материала. Но это оказался тот случай, когда цеховая технологическая служба в лице Людмилы К.¹³ сочла возможным рискнуть (полагаясь на то, что у нас «как-то получается!»). А экономический эффект от рационализаторского предложения об исключении сверления панелей, за счет штамповки на ПКР, потянет на изрядную сумму...

Рационализаторское предложение было подано от лица двоих — начальника тех. бюро цеха Людмилы К. и начальника инструментальной группы В. В. Причем так, что даже мой бригадир узнал об этом, уже как о свершившемся факте.

Вообще говоря, это было верхом бестактности со стороны «рационализаторов», тем более, что они использовали идею нашего двухступенчатого пуансона. Но при этом они не подумали о высоте бойка (которую задали значительно больше, чем нужно). К тому же они не знали об участившихся поломках наших собственных бойков.

Так или иначе, в последних числах марта 1985 г. я получил исправленный техпроцесс, в котором предусматривалась уже не кернение и сверление, а **пробивка** в стальных листах 1,5 мм толщины отверстий диаметром 1,5 миллиметра. Партия большая — 130 штук. Прощай, наша «халтура»!

Мы с бригадиром в соответствующих откровенных выражениях определили между собой сложившуюся ситуацию. После чего я отправил-

ся в инструментальную кладовую за новым пуансоном, согласно записанному в техпроцессе. Для начала, этого пуансона там не оказалось. Ну, коли оснастка еще не готова — делайте «по-старому», т. е. керните, потом сверлите, говорят нам. Понятно, что мы так делать не станем (три года уже не сверлим!). Налаживаю свой потаенный пуансончик...

Но тут наши бойки стали ломаться уже совсем катастрофически (одного хватало чуть ли не на одну панель!). Я взмок их заменять. Да и запаса из той сотни, что была полтора года назад, уже оставалось всего десятичка полтора. Налаживал и так, и этак — ни в какую! За смену и десятка панелей не выпустил. «Прогорел!» Что будем делать, бригадир?

А. С. предложил пробивать панели пока без этих 1,5 мм отверстий, а там посмотрим. Конечно, лучше бы все сразу, за одну установку, ведь 1,5-миллиметровые взаимосвязаны со всеми остальными. Но что поделаешь! Не сверлить же, в самом деле...

За пару дней я отштамповал все 130 штук, без этих маленьких отверстий. Лицевые панели нужны на сборке, уже скоро станет — «аварийно»... Откладывать дальше некуда, надо 1,5 мм прокалывать.

<...> Когда еще через день безуспешных усилий доделать хотя бы одну панель, не сломав бойка на 40-м или 50-м ударе, я окончательно встал в тупик и поставил перед этим тупиком и «Бугра», тот предложил последнюю авантюрную попытку: взять цельнометаллический пуансон большего диаметра и обточить кончик до диаметра 1,5 мм (как когда-то давно, в самом начале делали). А вдруг, у сборных пуансонов крепление бойка подводит... Ну, раньше-то не подводило! Но — попробуем.

Порылся я по своим сусекам, нашел «не ходовой» пуансон, который не жалко для этой цели израсходовать. Установив его со всей тщательностью, и только что не перекрестясь, я... благополучно отштамповал около 80 панелей (порядка 5.000 ударов). Это было подарком судьбы! Но вот сломался, наконец, и он. Теперь уже оставалось только кернить, а потом сверлить.

Вот тут-то мне и принесли новые пуансоны, образца Л.К. и В.В. (наших административных рационализаторов). Они (ихние пуансоны), кстати, не сборные, а цельнометаллические. Сколько же штук их имеется? Оказывается, два. Мы с Толиком улыбнулись. Посмотрев на их несуразную, с высоты нашего опыта, конструкцию, мы улыбнулись еще раз, и я пошел устанавливать один из них. Он сломался на пятом ударе.

Явились «рационализаторы» (Л. К. и В. В.). В чем дело? Почему сломался? Мы с А. С. говорим: наши пуансоны на 3 миллиметра короче, и то ломаются! А чего же другого вы от своей рации ждали? Второй пуансончик пошли **укорачивать** (по нашей рекомендации). Когда укоротили, я настоял, чтобы кто-нибудь из администрации присутствовал при наладке. Налаживал сверхтщательно, впрочем, не надеясь на успех. На глазах у «авторов», их второй (и последний) пуансон сломался на пятнадцатом ударе.

¹² См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12.

¹³ Она же — «Нюся Копырина» (в главе 2; том 1). Она же — Людмила Кутырина (действительная фамилия, указываемая в более поздних записях).

Л. К. была раздосадована настолько, что едва не обвинила нас с А. С. в сознательном противодействии «научно-техническому прогрессу». «У вас-то не ломаются!» — сказала она с обидой. Кажется, я заметил тут, что ее рация подоспела как раз тогда, когда у нас свои бочечки начали ломаться один за другим и осталась лишь парочка — «на развод».

Говорят, Люся потом плакала... В самом деле, позор-то какой! Но нам с А. С. жаль ее не было. Да и не мы ее наказали, а она сама себя.

Оставшиеся сорок лицевых панелей пришлось-таки кернить, потом сверлить. В общем, хлопот с ними хватило.

Что сразу полетели пуансоны образца Л. К. и В. В. — нам было не удивительно (кстати, изготовление цельнометаллического пуансона дело довольно дорогостоящее!). Но почему же так не везло нашим собственным бойкам? В чем дело? В станке? В инструменте? В наладке?! А может, материал — не тот?

Панели загнули, приварили боковые планки, наварили штырьки (для чего, собственно, и нужны 1,5 мм отверстия). И тут вдруг эти штырьки, на которых крепится вся начинка прибора, стали отлетать чуть не от щелчка пальцем! Час от часу не легче! Только тогда догадались отправить образец материала на анализ, в лабораторию. Оказалось... что вместо стали марки 15 были запущены заготовки из стали 40, намного более твердой. И вся партия (слава Богу, не по нашей вине!) — в брак.

Мы с А. С. еще раньше предполагали, что материал не тот (Толик вроде «услышал» это по звуку ударов пресса). Но вряд ли кто стал бы нас слушать, если бы мотивировали это предположение полумкой своих нелегальных бойков. Но — «нет худа без добра!» Теперь и у административных «рационализаторов» есть утешение, что их рация сгорела лишь по этой причине... Впрочем, вряд ли они скоро решатся вновь настаивать на своем предложении.

А каков все-таки был тот кустарный пуансончик, который при **твердом** материале выдержал 5.000 ударов! Это вселяет надежду, что мы еще попробуем 1,5 мм отверстия в панелях на этом станке.

Возможность для такой проверки представится скоро. Дело в том, что из 130 лицевых панелей на сборку пошли только 10 (для чего пришлось аварийно заменять приваренные штырьки на ввинченные; а без этого заводу было бы не выполнить апрельской программы!). Остальные 120 ушли в окончательный брак. Нашей вины тут нет. Так что наряды бригаде были закрыты безоговорочно. И теперь предстоит 120 таких панелей делать **заново**. (А поскольку деталь все же выгодная, бригада — от брака не по своей вине — не только не проиграет, а даже парадоксально выиграет!).

Надо будет попробовать наш предпоследний, оставшийся боек. А если и он сломается — использовать самодельный пуансон нового образца, типа того, который выдержал 5.000 ударов на стали 40. Тут-то ведь будет нормальный материал (сталь 15).

Ну, и не пытаться пробивать эти отверстия после поворота револьверной головки. Она ведь сейчас плохо фиксируется в гнездах... А поступать так: спарить, как обычно, пуансон 1,5 мм с матрицей, затем закрепить револьверную головку намертво и пробивать только эти отверстия (используя револьверный пресс как однопозиционный).

Наконец, делать всю эту работу **вечером**, не на глазах у начальства. А то, чего доброго, обвинят в «нарушении технологической дисциплины»... Или, того хуже, заново свое рационализаторское предложение оформят.

А. С. спросил, согласен ли я «повечерить». Я согласился — когда пойдут панели, выходить на работу с обеда. Впрочем, вряд ли это останется не замеченным...

Такова наша первая **апрельская заморочка**.

0,2 копейки

Стандартный механизм пересмотра технических норм, говоря попросту, таков. Надо регулярно повышать показатель производительности труда. Для этого надо периодически ужесточать нормы времени на производственные операции. Соответственно, снижается расценка (пропорционально связанная с нормой времени тарифом). За ту же работу рабочий получает меньше. Предполагается, что он справится с нею быстрее. А стало быть, в конечном счете заработает столько же (или даже больше).

Пересмотру норм полагается быть **обоснованным**, т. е. опираться на реальное технологическое или организационное усовершенствование. На худой конец, этот пересмотр должен опираться на хронометраж рабочего времени. Но все это слишком хлопотно, да и вряд ли возможно, поскольку сами нормы все равно никакого отношения к реальному производственному процессу не имеют (особенно — в ситуации выпуска мелко- и среднесерийной продукции, как у нас).

Выигрывая на одних операциях, рабочие проигрывают на других (известное разделение работ на **выгодные** и **невыгодные**; оно, кстати вообще не устраняется, а только лучше «взаимопогашается» при бригадном методе).¹⁴

Попыток добиться действительного соответствия между нормативом и фактическими затратами времени на производственную операцию рабочие не предпринимают. Ибо могут при этом вообще остаться без выгодных работ. Лучше мириться с примерным «балансом» невыгодных и выгодных (чем обеспечивается сложившийся уровень зарплаты).

Администрация же, в лице нормировочных служб, также идет по линии наименьшего сопротивления. Ежегодное 10-процентное «урезание» норм совершается более или менее **пропорционально** по всем производственным операциям (иногда — по отдельным классам операций, иногда — по отдельным видам продукции). Рабочие к этому привыкли, приспособ-

¹⁴ См. об этом ранее: раздел 11.1.

бились. И компенсируют не дифференцированное ужесточение норм изысканием «нелегальных» резервов экономии рабочего времени, там, где это возможно (наглядный пример — сюжет с «1,5 мм»; см. выше). <...>

Однако иногда этот рутинный порядок нарушается. Это происходит, когда вдруг изысканный рабочим резерв оказывается слишком большим, и тогда рабочему «нечем заплатить» (за высокопроизводительный труд). Или, наоборот, когда произошло слишком резкое ужесточение норм на достаточно массовую категорию операций, и тогда рабочему «не выкрутиться» (чтобы сохранить свою зарплату).

Особенно часто такие сбои происходят на новом оборудовании, но не на начальной стадии его освоения, а тогда, когда оно уже загружено и идет поиск «нормативного оптимума» (не слишком выгодного, но и не слишком невыгодного для рабочего).

В этом плане очень характерен мой ПКР. Пока я работал на нем как наладчик-повременщик (до середины 1982 г.), мой интерес к проблеме нормирования был, вообще говоря, абстрактным. Сколько ни сделаю — заплатят по тарифу повременщика. А добиваться перевода на сдельщину — загрузки не хватит.¹⁵

Однако партизанский перевод на ПКР ряда деталей, ранее обрабатывавшихся более трудоемким способом, предпринятый мною при поддержке бригадиров И. В.¹⁶ и А. С. и без участия технологов, начиная еще с 1981 г. продемонстрировал потенциальную **выгоду** этого станка для бригады сдельщиков. Поэтому А. С. довольно охотно согласился на прикрепление координатно-револьверного прессы к своей бригаде. И ни в период работы на нем моего бывшего ученика Сереги (с августа 1982 по декабрь 1983 г.), ни позднее, когда к станку — уже в качестве **сдельщика** — снова встал я, думаю, не имел оснований жалеть об этом.

В 1984 г. я работал с дневным личным заданием 8,5 руб. (плюс 30% прогрессивки).

С 1985 г. мне установили — 9 руб. Как и любой рабочий на любой другой работе, я на невыгодных работах проигрывал, а на выгодных — выигрывал. А есть еще — и «сверхвыгодные» (вроде «бешеной халтуры, красивой детали, о которой уже приходилось подробно рассказывать»).¹⁷ Так что все это время я, в экономическом смысле, вполне себя в бригаде оправдывал.

(Строгий подсчет, на какую же все-таки сумму закрыто нарядов моей персональной работой, здесь, вообще говоря, является бессмысленным. Ибо я мог выполнить этот объем только в условиях бригадного метода. Будь я индивидуальным сдельщиком, мои возможности «партизанщины» были бы существенно ограничены. Отсюда, установленная мне доля в общебригадном заработке соответствует вовсе не формальной

стоимости выполненной мною работы, а общественно оцениваемой степени моей **нужности** бригаде — для того, чтобы «общебригадный котел» не скудел).

Но вернусь к нормированию на ПКР. Еще в период своей работы повременщиком я попытался выявить закономерность формирования норм на этом станке.

Рабочее время, как известно, делится на «подготовительное» (наладка) и «основное» (собственно выполнение операции). Особенностью ПКР является довольно трудоемкая наладка. Фактические затраты времени на нее существенно различаются, в зависимости от количества штампов, которые надо использовать для выпуска данной детали, и типов этих штампов (те, что загружаются в крупные, в отличие от маленьких, гнезда револьверной головки, отнимают при наладке заметно больше времени). Однако норматив подготовительного времени для выпуска **любой** детали — один и тот же. А именно — 40 мин. (хоть один штамп установить, хоть десяток!).

Фактические затраты времени на «собственно штамповку» зависят от количества штампов, которые задействованы для изготовления данной детали, от количества ударов, которые надо произвести этими штампами, от размеров заготовки, а также от ряда других обстоятельств (перечислять которые здесь не буду).

Понятно, что нормативы на разные виды деталей — различны. Иногда различия довольно произвольны, но мне удалось установить прямую связь норматива только с одной из технологических характеристик. А именно — с **количеством ударов!** Остальное, оказывается, просто не берется в расчет. Будь то 100 ударов одним и тем же штампом или по 10 ударов десятком различными штампами, размещенными в разных гнездах револьверной головки (для чего надо еще эту головку 10 раз повернуть!); будь то заготовка 200 x 200 мм или 1.000 x 600 (в последнем случае существенно увеличиваются затраты времени на ее перемещение, чтобы подставить под удар) — норматив **один и тот же**.

Грубо (а тонкости тут и ни к чему!) можно сказать, что все нормативы на ПКР исходят из расчета 15 сек. на один удар. Что соответствует, по тарифу 4-го разряда (применяемого для ПКР), условной расценке 0,25 коп. (за один удар). Если в заготовке надо пробить 10 отверстий, то на это дается 2,5 мин. А если, скажем, 50, то — 12,5 мин. (Я условно отвлекаюсь от времени на закрепление и снятие заготовки со станка и проч.).

Еще раз повторю, что этот исходный норматив ни в каких известных мне справочниках не записан. Я его **вычислил** (извлек из всего разнообразия норм штамповки на проходящую через ПКР номенклатуру) как фактически действующую основу нормирования работ на моем станке.

Уж не знаю, числятся ли нормы для ПКР по разряду так называемых «технически обоснованных» (почти наверняка — да!). Но противоречие используемых на моем станке критериев нормирования **здоровому смыс-**

¹⁵ См. об этом в томе 1 настоящей книги: раздел 3.10.

¹⁶ Игорь Виноградов. В томе 1 фигурировал под псевдонимом «Лозовой».

¹⁷ См. в томе 1 настоящей книги: раздел 5.12.

лу — является несомненным. С этим противоречием жили и живем до сих пор.

Практически наладка занимает гораздо больше времени, чем предусмотрено нормативом. Когда, в конце 1982 г., станок прикрепили к бригаде А. С. и на нем стал постоянно работать мой бывший ученик Серега, они с бригадиром настояли на специальном хронометраже подготовительного времени. И норматив на него был, со скрипом, повышен до 70 мин. Но унифицированность норматива (хоть один штамп установить, хоть десять — все равно 70 мин., а в деньгах — 75 коп.) осталась.

Что касается нормативов на собственно штамповку, то, кажется, тогда же они были ужесточены, из примерного расчета не 15, а 12 секунд на один удар. Что соответствует условной расценке 0,2 коп. за удар (5 ударов = 1 мин. = 1 коп.). С тех пор пересмотр норм не выходил за рамки «нормального» (процентов на 10 каждый год).

Конечно, при определенных условиях (при благоприятном стечении обстоятельств) я могу не 5, а все 10 и даже больше ударов за минуту сделать. На наладке проиграю — на штамповке выиграю, так обычно и бывает. А бывает, что и на штамповке проиграю, если заготовка больших габаритов, много штампов задействовано и т. д.

Здесь не о том даже речь, что норма завышена или занижена, а о том, что она **не выполняет реальной «нормативной» функции**. Ну, а когда сама техническая норма не имеет отношения к производственному процессу, то не стоит ожидать, что ее изменение будет соответствовать реальным изменениям производительности труда.¹⁸

«Первый звонок» прозвенел еще где-то в начале 1984 г. Есть одна такая очень выгодная деталь, где на малой площади 200 x 200 мм надо пробить 100 **одинаковых** и, понятно, близко друг к другу расположенных пазиков (вентиляционная решетка). Но при этом она штампуется «с переворотом». А это значит — закрепить на станке, пробить 50 пазов, потом вынуть, закрепить в другом положении, и еще 50. Поскольку координаты тех и других пазов одинаковы, а меняется только база, то в карте штамповки обозначены 50 позиций, а потом написано: «повторить переходы, перевернув заготовку на 180 градусов по оси Y».

Всего-то получается 100 ударов, стало быть — порядка 10 мин. и, соответственно, 10 коп. за деталь. А тут нормировщик, похоже, не обратил внимания на приписку в техпроцессе и счел, что только 50 ударов. И норму установил, из этого ошибочного расчета, 5 минут (раньше-то было — 10!).

Мы посоветовались с бригадиром и решили «не возникать». Деталь, в отличие от многих других, такая удобная для штамповки (удары пресса под моей рукой стучат как автоматная очередь), что если начать хронометрировать, то и впрямь увидят, что норму на нее можно круто пересмотреть. И тогда может создаться впечатление, что на ПКР большие резервы для ужесточения норм (чего на самом деле вовсе нет!).

¹⁸ См. об этом ранее: раздел 11.1.

Пусть эта случайная (будем надеяться!) ошибка нормировщика остается. Хоть партия и большая (несколько сот штук) и потеряем мы на ней пару червонцев, но — «себе дороже» обойдется добиваться справедливости. Так норма на это обозначение и осталась резко отличающейся от всех остальных. Я согласился с Толиком, но заметил, что прецедент — «опасный».

Каждый раз, когда рабочий обращает внимание на резкое изменение нормы, низовая администрация ссылается на то, что от нее это не зависит. А администрация повыше (скажем, начальник цеха, если дело до него дошло) указывает, что «вы только на заниженные нормы обращаете внимание, а о завышенных помалкиваете!». (Ну, в общем-то так и есть).

И вот, заглянув нынче в маршрутную карту на те самые лицевые панели, на которых разыгралась «заморочка» с отверстиями 1,5 мм, наш «Бугор» обнаружил, что штамповка на ПКР одной детали вместо 35 коп. стала оплачиваться... 21 коп.! Тут было от чего забить тревогу.

Для штамповки этой панели, одной из самых крупногабаритных и одновременно сложных деталей, проходящих через мой станок, нужно установить 12 штампов. Сложная конфигурация штамповки, большое окно, вырубаемое комбинацией ударов по его периметру — всего без малого 180 ударов... Чему и соответствуют норматив на штамповку одной детали (свыше 30 мин.) и расценка (35 коп.; напоминая, 0,2 коп. = 1 удар).

Из каких же соображений норма именно на эти панели **срезана почти вдвое?** Уж не в качестве ли «компенсации» за тот выигрыш, что мы имеем на них, замещая штамповкой трудоемкое сверление 1,5 мм отверстий?! [См. выше. — А. А.]. Так или иначе, удар по бригадному бюджету очень чувствительный.

Такие нарушения рутинного порядка, состоящего в более или менее пропорциональном ужесточении всех норм (или определенных категорий норм), обычно приводят к производственным конфликтам. Что-то вроде конфликта возникло и здесь...

В самом деле. Никаких технических нововведений на ПКР, которые оправдывали бы такой пересмотр нормы, не было. Напротив, в силу ухудшившегося состояния станка, затраты времени на штамповку и наладку увеличились, а вовсе не сократились. Даже хронометража за последние два года не было... Так где же справедливость?!

Но «высшей справедливостью» признается общая плановая тенденция повышения показателя производительности труда, а стало быть — и пересмотра норм. А отдельные, частные ошибки, конечно, можно поправить «потом», когда-нибудь... А пока — **работайте!**

Концов тут не найти, понимает и А. С. (на которого легла тяжесть всех переговоров с начальством). Понимаю это и я (которому пришлось бы самому конфликтовать, будь я не в бригаде, а индивидуальным сельщиком). В процессе разбирательства выясняется, что нынче расценку срезали до 21 коп. вовсе не с 35, а с 24 коп. (так сказать «нормальное»

ужесточение). Выходит, в полтора раза резанули еще в прошлом году, а бригадир не обратил внимания. Конечно, это его «прокол»... Но теперь предмет спора отодвигается уже куда-то в далекое прошлое, а это — вообще непоправимо.

Станок в последнее время стал чаще барахлить (разумеется, состояние оборудования нормированием в расчет не берется, да и не должно браться, пожалуй). Наши «халтуры» (партизанщину) прямо из-под рук выхватывает и оформляет как «свои» рационализаторские предложения технологическая служба [см. выше. — А. А.]. Эдак не только отдельные работы, а работа на ПКР **в целом** станет невыгодной для бригады! «И то, скажите спасибо, что человек на этом станке работает, — говорит А. С. начальнику цеха. — А если уйдет, что делать будете?!».

(В самом деле, те недели, когда, в мое отсутствие, ПКР приходилось налаживать самому бригадире, он, по его выражению, «прогорал». Я удобен для бригады как специалист по этому оборудованию, приносящий пока скорее «приварок» в бригадный котел, чем черпающий из него лишнее. Но эдак от приварка скоро ничего не останется...).

Так или иначе, все наши протесты ушли в песок.

Но если так необоснованно урезана норма штамповки на лицевую панель, то что мешает сделать то же самое и для остальных весомых обозначений номенклатуры, проходящей через ПКР? А если даже и не для «весомых»? Тут важен прецедент нарушения прежнего, хотя и ложного, но устоявшегося принципа, согласно которому нормы, пусть неадекватные, ежегодно пропорционально урезаются на 10 процентов, и не более.

Эту мою логику А. С. поначалу не вполне приемлет. Когда с 35 коп. режут до 24 или 21 коп. и в итоге (на 130 панелях) мы теряем 20 руб. — это «зарез»! А когда с 2 коп. до 1 коп., и в итоге (на 180 деталях другого обозначения) теряем «всего» 2 руб., — это вроде и не так страшно... Но потом бригадир соглашается со мной.

(Да откуда-то еще взялась норма на наладку — 40 мин., вместо 70; выходит, и это наше «социальное завоевание» под угрозой!).

Бригадир снова выясняет отношения с начальником цеха. Но все опять уходит в песок.

Пока я в бригаде и хорошо делаю свою работу, так что нет оснований снижать мне личное задание, у бригадира голова об этом должна болеть больше, чем у меня. Ему выкручиваться, чтобы свести концы с концами и выполнить бригадный план в рублях. Но повторяю, если бы я был индивидуальным сдельщиком, мне впору было бы либо скандалить вразнос, либо тихо увольняться.

А. С. собирается еще побороться, что-то вспоминает и про «прессу», и про партийное собрание (где бы поднять этот вопрос). Но и без надежд.

Договариваемся с Толиком, чтобы впредь маршрутные карты проходили также и через меня. Ведь я скорее угляжу необоснованные изменения нормативов на своем станке. Прошу мастера Гошу С. дать мне спи-

сок всех обозначений деталей, обрабатываемых на ПКР. С этим списком в руках можно запросить сведения о нормативах сразу по целой группе обозначений и сопоставить с имеющимися у меня записями о количестве ударов для каждого.

Правда, администрацию такой запрос явно раздражит... Но все же это лучше, чем возникать по каждому конкретному случаю, да когда уже и деталь на станке. Мастер Гоша, относящийся к нашей с А. С. заботе сочувственно, но и вынужденный соблюдать нейтралитет в беседах с вышестоящим начальством, частично мою просьбу уже выполнил.

Вообще, этот «сюжет» на моем станке, как видно, находится еще только в начальной стадии... Такова наша вторая **апрельская заморочка**.

11 марок и 24 гнезда

Если рабочему нужна какая-то оснастка, обозначенная в техпроцессе, он идет в инструментальную кладовую и берет соответствующее приспособление, оставляя взамен металлический жетон (вроде гардеробного номерка), на котором вытиснен его рабочий номер. Этот жетон называется **маркой**. Оснастку берут — «на марку». Это своего рода «валюта» в обращении (между рабочим и инструментальной кладовой).

Пока я был обычным слесарем-сдельщиком, мне хватало пяти марок. С возвращением на ПКР в конце 1983 г., мне было выдано еще шесть, итого — 11. Дело в том, что некоторые из деталей, обрабатываемых на ПКР, требуют одновременно до 12 штампов (пакетов пробивного инструмента). А каждый штамп можно получить только за отдельную марку. Но надо сказать, что до самого последнего времени я пользовался этими марками не так уж часто...

Вообще, у всякого слесаря есть свой запас сверл, метчиков, разверток и прочего универсального инструмента в верстаке. Нет подходящего у тебя — можно взять у товарища. В кладовую обращаются в основном за кондукторами и т. п. необходимыми специально для выпуска данной детали приспособлениями. В конечном счете, главный источник приобретения того или иного инструмента в полное личное распоряжение — та же кладовая. А за десяток лет чего только можно у себя не накопить!

В первое время своей работы на ПКР Серега (1982 г.), пользовавшийся по инерции (после меня) доверием кладовщицы, сумел скопить свой подручный фонд, за который ни перед кем не надо отчитываться. В итоге, полки инструментальной кладовой несколько оскудели, зато в верстаке у Сереги всегда лежали расхожие (а иногда и не очень расхожие!) пакеты оснастки для ПКР. А иные, самые употребительные, — так даже из станка месяцами можно не вынимать.

Кое-что из этого запаса было переломано Серегой или его подручным (а еще раньше — и мною). Но как правило, из 5-6 штампов, необходимых для какой-нибудь детали, в кладовой приходилось спрашивать от силы один-два. Этот потаенный склад оснастки достался мне от Сереги

в наследство, когда я вновь приступил к работе на ПКР в декабре 1983 г. С таким «загашником» очень было удобно...

Зарубившийся или затупившийся пробивной инструмент надо периодически шлифовать. У меня давно сложились дружеские отношения с Володей З., который работает в инструментальной группе заточником, но владеет и плоской шлифовкой.¹⁹ И тот при необходимости, без задержки, шлифовал для меня матрицы и пуансоны (без всяких согласований со своим начальством). [В. З. — повременищик. — А. А.]. Так что ни у кого больше об этом голова не болела.

Кладовщица Фаина шуровать по своим полкам меня теперь уже, конечно, не пускала (Серега в свое время подорвал кредит доверия). Так что пополнять потайной фонд я уже не мог. Зато пользовался тем, что в нем было. Я не спрашивал в кладовой того, чего там нет (а есть у меня!), или даже у меня нет (но нет и там; значит, надо искать выход из положения, без шума). Поэтому наш «склад» (о котором кладовщица, может, и подозревала) не вызывал нареканий, а, напротив, всех устраивал.

Наиболее ходовые штампы (диаметры 3,6; 4,2; 6; 8; 10 мм) вынимались мною из станка только для того, чтобы их подточить. <...> Что существенно ускорило наладку. <...>

Были у такой практики и свои издержки. Еще Серегой был введен «порядок» (и я, каюсь, не стал от него отказываться) — не обращать внимания на то, для какой толщины материала предназначен инструмент. Один и тот же диаметр, скажем, 2,5 мм, должен иметь разный зазор вхождения пуансона в матрицу, в случае пробивки миллиметрового либо двухмиллиметрового листа, т. е. это — **разные** штампы! Разница не настолько велика, чтобы нельзя было брать любой или использовать тот, который уже загружен в станок. При пробивке «не своим» штампом будет «градок» побольше... Но это не беда: все равно шабрить! Да порой и не было выбора. Если вырубной пакет для толщины материала 1 мм сломан, то поневоле возьмешь похожий (скажем, для толщины 2 мм).

Так или иначе, в течение всего 1984 г. ни у мастера, ни у бригадира, ни у технолога, ни у кладовщицы не возникало проблем с ПКР. Наладчик-штамповщик (т. е. я) всегда находил выход из положения, если чего не хватало. И дело не стояло. Кое-что было «не по правилам», но дело шло. И, по общему мнению, весьма успешно. Пока вдруг в апреле 1985 г. не началась «заморочка» с поломкой инструмента, в которой надо было искать виноватых.

Не могу сказать, что я такой уж аккуратист в работе на станке, но в всяком случае подкачать солидола в систему смазки не забуду... Не спарив пуансона с матрицей, я им не ударю... Если нужно заточить инструмент, схожу к Володе... «Аккуратистом» до фанатизма я был в период освоения ПКР в 1980-1981 гг.²⁰; координатную систему, с ее «генераль-

ной линейкой», я, перед тем, как сдать станок Сереге, так отладил, что с тех пор ни разу регулировка не понадобилась!

Но тут вдруг большие пуансоны начали зарубаться так, словно не спарены с матрицей. А маленькие пуансоны — так и просто пошли ломаться (о диаметре 1,5 мм я уже говорил; но и другие тоже). Пока я мог хоть в какой-то степени упрекнуть в этих мелких авариях себя самого, я это терпел. Но в апреле ситуация вышла из-под моего контроля. И из потаенного фонда несколько ходовых штампов выведены из строя... И в кладовую, чтобы выручить свою марку, приходилось «для отчета» носить обломки пуансона.

Еще в начале этого года (если не раньше) я обратил внимание, что не все в порядке с **механической** частью станка. В частности, с фиксацией револьверной головки, и особенно ее нижнего диска. В револьверной головке — два диска, верхний и нижний, и в каждом — по 24 гнезда (под номерами). В каждую пару гнезд загружается свой комплект пробивного инструмента (в верхнем диске — пуансон, в нижнем — матрица). Понятно, что если диски револьверной головки плохо фиксируются в каком-либо из 24-х заданных положений, то пуансон при ударе попадает не точно в отверстие матрицы, а может угодить по краю этого отверстия. А фиксация дисков зависит от двух металлических пальцев и 48 втулок, куда им (пальцам) положено заскакивать.

Пальцы истираются (но это не беда, можно их заменить!). Хуже то, что и втулки изнашиваются. Да к тому же — **неравномерно**: одним пришлось «потрудиться» больше, другим меньше. И вот возникает в этих фиксированных положениях **люфт**, да такой, что и наощупь, и на глаз видно.

Начиная с конца прошлого года приходилось время от времени вызывать цеховых ремонтников, которые заменяли то палец, то лопнувшую пружину (заталкивающую этот палец во втулки диска), а иногда... растачивали какую-нибудь из втулок (чтобы новый палец в нее влезал). Отчего, понятно, люфт в конечном счете не уменьшится, а скорее увеличится... Все эти лоскутные меры к добру не вели. В итоге сложилась ситуация, при которой **в любую минуту** можно ждать аварии.

(Эти неприятности можно устранить радикально, и известно — как, но станку уже два года как откладывают плановый ремонт).

Еще с лицевыми панелями (о которых шла речь выше) я отработал без чрезвычайных происшествий. А когда стал прорубать более толстые, двухмиллиметровые стальные листы, то один за другим «зарубил» два больших штампа (да не чуть-чуть, а так, что должно было бы полететь предохранительное кольцо ударного устройства станка, когда бы наши ремонтники его три года назад не заменили таким «жучком», что прочнее самого по себе ударного устройства). В общем состояние оборудования — заведомо «аварийное», опасное, нетерпимое.

Я немедленно вызвал старшего мастера Н. Я., начальника инструментальной группы В. В., старшего механика Н. Ш. и предоставил им выяснять отношения между собой [Н. Ярош, В. Васильев, Н. Шахматов. — А. А.].

¹⁹ Владимир Владимирович Земсков. См. о нем ранее, в томе 2 настоящей книги: раздел 9.2.

²⁰ См. в томе 1: главы 2 и 3.

Старший мастер, увидев люфты револьверной головки, сказал, что дальше **работать нельзя**. Механик — что в паре гнезд ремонтники люфты уменьшат, а вообще **работать можно** (ему лишь бы все втулки не перебирать!). А нач. инструментальной группы, поколебавшись, на чей счет списать поломку инструмента, заявил, что пуансон зарубается потому, что плохо (мною!) спарен с матрицей, и вообще — якобы не отшлифован как положено.

Такие «консилиумы» у ПКР, по моему настоянию, собирались в течение апреля несколько раз.

Мой бригадир А. С. заметил, что, кстати, и пуансонодержатели в своих гнездах уже люфтят (это посерьезнее втулок!). Зам. нач. цеха Ю. М. [Ю. Малков. — А. А.]²¹, самолично занимавшийся освоением ПКР с программным управлением и лучше других разбирающийся в станках этого типа, заявил, что нужен срочный ремонт, и не профилактический, а **капитальный!** Но останавливать мой ПКР сейчас нельзя — цеховая программа затрещит!

Когда дело дошло до начальника цеха А. К. (он назначен в конце прошлого года, на смену А. Д.)²², тот безапелляционно заявил, что спаривать пуансоны с матрицами надо — **через марлю**, и тогда все будет в порядке. А. С. заметил: чепуха все это, ищут, как на рабочего свалить. Спаривать «через марлю» (чтобы пуансон фиксировался точно по центру матричного отверстия) — оно, конечно, неплохо... Но ведь не тогда же, когда сам диск револьверной головки вместе с матрицами гуляет, разболтанный.

С тех пор нач. цеха зачастил к моему станку, беспокоясь и за программу, и за оснастку. Он добивался от меня, как человека, «лучше всех знающего станок», чтобы я подсказал, что делать. Но раздражался от напоминаний о давно просроченном ремонте. В конце концов, на очередной его вопрос о причинах неполадок, я назвал уже не техническую, а организационную: что-де «много у нас в цехе бездельников», в том числе «отчасти, уж извините, и Вы сами!» Нач. цеха принял это замечание близко к сердцу. Перестал, было, «советоваться», но потом возобновил.

Был момент, когда зам. нач. цеха Ю. М. легкомысленно предложил мне **самому** перебрать станок (он-де ремонтникам не доверяет). Я ответил, что тоже доверяя к ним не питаю, но для того, чтобы я этим занялся, нужно меня, как минимум на неделю, приказом перевести в ремонтники (и то — с моего согласия). Ю. М. тут же увял.

(А ремонтникам сейчас и без ПКР хватает работы. Вместо профилактического ремонта оборудования, они готовят очередную перепланировку участка: **все** токарные станки переносят на новое место, чтобы

²¹ Здесь раскрываю использовавшиеся в производственном дневнике инициалы, поскольку в последующих главах эти лица будут фигурировать под своими действительными фамилиями.

²² Начальниками цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» в период моей работы там (1980–1988) были последовательно: А. М. Соловейчик, А. И. Данилушкин, А. А. Косачев, Н. А. Ярош.

освободить пространство для «аквариума» — конторы участка посреди пролета, со стеклянными стенами. Борьба за цеховой дизайн!)

<...> В общем, к концу апреля административные страсти вокруг ПКР разгорелись почти как в августе 1982 г., в период моей «забастовки» и «штрейкбрехерства» Сереге.²³ С той лишь разницей, что, будучи теперь сдельщиком, я: служебных записок больше не пишу; от работы на не вполне исправном оборудовании не отказываюсь; и даже — демонстративно — спариваю пуансоны с матрицами «через марлю» (это в разболтанных-то дисках!).

Общий рисунок ситуации таков: выкручивайтесь как хотите, пренебрегая любыми правилами эксплуатации оборудования; но если какое-нибудь ЧП, то за нарушение этих правил спросят с вас же... Пока можно рассчитывать на отсутствие ЧП, такая логика для рабочего приемлема. Но тут уж и мой бригадир сказал: «Хватит, довыкручивались!».

Я предложил бригадиру А. С. следующие меры:

1) Вернуть в кладовую наш потаенный фонд инструмента. Он здорово выручал нас раньше, но теперь становится обузой. Раньше вся шлифовка пуансонов и матриц держалась на моих дружеских отношениях с Володей З. Но теперь, когда требуют, чтобы я чуть не через каждые сто ударов носил их шлифовать, это уже не проходит. Не говоря уж о том, что некоторые матрицы после периодической шлифовки настолько «понились», а пуансоны — «укоротились», что мне их и с подкладками в станке не выставить.

Да и пользоваться вырубными пакетами, рассчитанными на одну толщину материала, для другой толщины, как мы делали до сих пор, становится все более рискованно. Того гляди, и в этом нас обвинят, лишь бы не возиться с люфтами револьверной головки.

Скрепя сердце, Толик согласился расстаться с нашим «загашником».

2) Станок, конечно, надо ремонтировать. Похоже, начальство это все же осознано. Но без присмотра — ремонтники его совсем угробят. Как бы сделать так, чтобы меня к этому ремонту подключить, не в ущерб бригаде?

«А освоение смежной специальности?» — заметил бригадир. — «Правильно, — сказал я. — Сереге был в свое время присвоен разряд штамповщика. А у меня, между прочим, этого разряда нет!». — «Вот и перевести тебя на 3 месяца в стажеры, с оплатой по среднему, я давно об этом думал», — сказал бригадир. — «Пожалуйста!».

(«Вот только кого же мне в учителя назначат, небось — тебя...» — усмехнулся я; а ведь и у него квалификации штамповщика нет!).

3) А пока суть да дело, раз пошла такая карусель, будем работать **по правилам!** Больше уже ничего не остается.

Пробивной инструмент — только согласно техпроцессу! Нет нужного в кладовой — ищите выход сами! Хотите, чтобы я взял тот, какой не

²³ См. об этом ранее, в томе 1 настоящей книги: разделы 5.5, 5.8.

положено по технологии — пишете на маршрутной карте «разрешение». Ни одного не отшлифованного пуансона из кладовой в работу не брать. Это вам ведь не сверло подточить... Есть на то инструментальная группа. Затупился пуансон — возвращаю в кладовую, хоть посреди партии. Давайте, поворачивайтесь, коли надо «аварийно»!

Перспектива не из лучших. Работа «по правилам» чревата... Ею, кстати, можно вообще застопорить производство. Но иного выхода **сейчас** нет, согласился мой бригадир...

Ремарка: работа «по правилам» как форма забастовки.

Вообще говоря, работа «по правилам» — это одна из оригинальных, специфически «советских» форм рабочей забастовки. Ее целью обычно является — заставить администрацию, привыкшую переваливать ответственность за брак, поломки оборудования, невыполнение программы на рабочих, самой «пошевелиться», считаясь с конкретными требованиями исполнителей (будь то проведение необходимых оргтехмероприятий, улучшение условий труда, увеличение зарплаты и т. д.).

Эта форма рабочего «давления» на начальство будет еще не раз представлена на страницах этой книги. (Май 2003).

...Так началась «новая жизнь». В инструментальной кладовой меня благодарили за пополнение их полок. Я благородно (хоть и в сердцах!) поставил шифр 03 («небрежность рабочего») на браковочной ведомости одного из поломанных, кажется, еще Серегой, пуансонов (пускай сделают начет, зато уж больше без акта ни одного сломанного со станка не сниму!).

Выручив из кладовой свои 11 марок, я затребовал по-новой то, что нужно для штамповки очередной детали. Чего не оказалось — заменил некондиционным, но — **по указанию технолога**. Взял пуансон размером 1,9 мм (согласно техпроцессу) и, спарив его через марлю, обнаружил на пятой детали, что он затупился. Отдал мастеру — давайте шлифуйте (раньше такой диаметр и сам шлифанул бы на точильном камне, но — не положено!). Володе З., к которому мой пуансон попал теперь уже по официальным каналам, не повезло. «Иголочка» — тонкая, и сломалась у него под абразивом. Принесли замену («дубликат»), правда уже не цельнометаллический, а сборный. (На эти 40 минут, чтобы не сидеть без дела, я подключился к слесарной работе в бригаде...).

Еще через пять деталей новый пуансон (спаренный опять же через марлю!) чуть зарубился. Мастер взвыл: может, сами отнесете на шлифовку? Да не мое это дело... Отдал пуансон в кладовую, спросил там: «Нет ли у вас запасного, пока этот подправляют? А то деталь — аварийная!». Увы, запасного нет. Ну, тогда обеспечьте шлифовку. Согласно «правилам», из кладовой переправили тому же Володе. Через полчаса он принес мне отшлифованный пуансон.

Еще пара сотен ударов, и снова надо шлифовать! Я чуть было не плюнул, сколько же можно простаивать... Но, к счастью, выдержал характер и снова отдал в инструментальную группу. «К счастью», потому что благополучно спаренный с матрицей, хорошо отшлифованный пуансон сломался на пятидесятом, примерно, ударе.

Я не стал вытаскивать обломок из заготовки, чтобы видно было: пуансон **не успел** зарубиться! Предупредив мастера, взял у А. С. слесарную работу, все ожидая, что у ПКР соберется «консилиум». Но что-то не спешат (стыдно им, что ли?). Производство застопорилось.

Завтра, 4 мая — очередной субботник (в честь Победы). По-видимому, мой пресс на нем не вздрогнет. Разве что, предложат налаживать какое-нибудь другое срочное обозначение, т. е. «разрывать партию». Так иногда бывает в периоды штурмов. Затыкают маленькую дырку в производственной программе, но влезают в еще большую, стабильную дыру.

Вот такова наша третья **апрельская заморочка**.

* * *

...И все-таки мы с «Бугром» (бригадиром) с надеждой смотрим в будущее. «Не бери в голову!» — говорит он мне. Да я и не беру: «Прорвемся!» (Записано 2-3.05.85)

12.2. О дневных личных заданиях

Из «Производственных дневников» (сентябрь 1985)

<...> Система индивидуальных производственных заданий — особенность бригадной формы организации труда на «Ленполиграфмаше». Размер задания (как правило, неизменный в течение года) — это рублевый эквивалент коэффициента трудового участия, или доли работника в общебригадном заработке. У нашей бригады месячное задание на всех — порядка 2.100 руб. То есть — за день мы все вместе вырабатываем рублей на 100, что должно соответствовать сумме наших дневных личных заданий.

При этом внутри бригады индивидуальную выработку уже никто не учитывает. Важно выполнить бригадный план (задание). И тогда каждый получит зарплату на уровне своего месячного личного задания (дневное, помноженное на количество рабочих дней) плюс премия — 30% от заработанного (если не было прогула и т. п.).

Размер задания каждому поначалу было принято обсуждать в бригаде, в начале года, перед тем, как это утвердит начальник цеха. В нынешнем году — бригаде обсуждать не дали, а просто было доведено до сведения, кому что назначено администрацией.

«Задание» — своего рода обобщенная характеристика квалификации, опыта, стажа, личного мастерства, престижа рабочего. Это то, что он должен был бы и мог бы заработать в порядке индивидуальной сдельщины. Что, впрочем, было бы гораздо труднее, не будь он в бригаде, где «внутрибригадный маневр», «партизанщина», обобщественная самодеятель-

ная технология открывают значительные резервы роста именно коллективной (а не индивидуальной!) производительности труда.

В общем, дневное производственное задание — это тот гарантированный уровень заработка, за который рабочий «подражается» работать в бригаде (при том, что последнее слово остается за администрацией).

Распределение дневных личных заданий в нашей комплексной (по преимуществу — слесарной) бригаде на сегодня — следующее:

— Анатолий Сыщевич (бригадир) — 11,7 руб.; Василий Николаев — 11,0; Евгений Рыжов — 11,0; Сергей Русинов — 11,0; Алексеев — 9,0; Михаил Гуцин — 9,0; Виктор Носов — 8,3; Сергей Изотов — 7,5; Николай Реутов — 7,5; Татьяна К-ва (гравер) — 6,8.²⁴

Так называемый «встречный план», как правило, выше дневного личного задания на 0,2 руб. Его «назначает» ЭВМ (рабочего, разумеется, не спрашивая).

В комплексной бригаде И. В-ва [И. В. Виноградов. — А. А.], такого же профиля, работающей рядом, уровень дневных производственных заданий несколько выше, чем в нашей: от 12,9 до 8 руб. (если не считать новичков). Отчасти это — дань опыту и престижу бригадира, работающего на заводе свыше 30 лет. <...>

(Записано в сентябре 1985 г.)

12.3. Собрались вокруг стакана...

Из «Производственных дневников» (март 1986)

<...> В нашей бригаде 003 есть обыкновение отмечать последний день работы очередного отпускника. Выдерживается этот обычай не строго; инициатива обычно исходит от самого отпускника. Бывали и перерывы в традиции (сейчас не соображу, связанные или нет с мерами по борьбе с алкоголизмом).

Перед новым (1986-м) годом меня пригласили — в отпуск уходили сразу двое — Сергей И. и Сергей Р. Я тогда уклонился.

А 31 января был последний день моей работы перед отпуском. Помню, у меня по мелочи назанимали под этот день Миша Г. и Вася Н., в общей сложности рублей 12. Утром я предложил их истратить на мои «провода», пообещав добавить еще до 2-х бутылок.

Дело осложнилось сложными перерасчетами: долг Васи почему-то должен был отдать Миша, которому сам Вася был должен. Но Миша успел хлебнуть с утра, в итоге был удален с работы (вместе с не возвращенным мне долгом), в итоге коллективное мероприятие оказалось под вопросом.

Выход нашел тот же Вася (как-никак должный мне), заняв десятку у Люси К. Я добавил. Как обычно, собрались у гаражей (Вася, Сергей, другой Сергей, Витя, Толик и я). Как раз хватило 2-х бутылок водки, за которыми успел сбежать наш «Меркурий» — Витя.

²⁴ Здесь наличествовавшие в оригинале записи сокращения заменены реальными фамилиями.

Собрались вокруг стакана в начале пятого, а без четверти пять уже разошлись, как это обычно и бывает.

У этих гаражей приходилось раньше встречаться и в составе другой бригады. Вообще, там обычно собираются «по поводу», трудовым коллективом, а не просто так (для этой последней цели ходят в другое место, «на бочку»)²⁵.

...По возвращении из отпуска узнаю о ЧП в нашей бригаде, приключившемся 28 февраля, в мое отсутствие, когда ставил такие же две бутылки, на ту же компанию, уходивший в отпуск Витя Н. Место и время мероприятия были те же, что и месяц назад. Четверых (Витю, Сергея Р., Васю Н. и Мишу Г.) забрал у гаражей милицейский капитан с двумя бригадмилльцами без повязок (дружинники обычно выходят позже).

Должны были к этим четверым подойти еще двое («Бугор» Толя и Сергей И.), да чуть опоздали, так что товарищей загребли буквально у них на глазах. В итоге «в историю» попали лишь 2/3 нашего бригадного «ядра» (молодежную периферию бригады на такие мероприятия звать не принято), а не все «ядро» целиком. Повезло!

Облава была приурочена ко дню аванса (28-е), и не ошиблись.

Заглотнуть стакан успел только Серега Р. Миша и Вася выпить не успели. Витя — тоже, правда, он держал в руках сумку с бутылками и пирожками.

В оперпункте на Кировском²⁶ были составлены акты, выписаны штрафы (на этот день, видно, были запланированы...). Вите — 30 руб., Мише — 20, Васе — 30 (последний подписывать не стал, но это мало что изменит). А враз захмелевший от огорчения Сергей был отправлен в вытрезвитель.

Наутро Сергей Р. не досчитался в карманах всего аванса (80 руб.), так что его материальные потери оказались максимальными.

«Телеги» на ребят еще не пришли, но случай уже известен цеховому начальству, поскольку когда забирали Сергея, это почему-то видел зам. нач. цеха Н. Ярош.

Однако, повезло же двоим опоздавшим!.. А Алексеева — так просто бог уберег. <...>

(Записано в марте 1986 г.)

12.4. «Привязал себя...»

Из «Производственных дневников» (апрель 1986)

<...> День 18 апреля 1986 г. ознаменовался новым моим «техническим творчеством».

Еще два года назад я приспособился работать за своим ПКР, сидя на сборном сооружении из металлического ящика и вращающегося слесар-

²⁵ См. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 2.10.

²⁶ Ныне — Каменноостровский пр.

ного сиденья. Чтобы было куда девать колени, снял кожух координатного стола. Каждую пятницу прячу сидение под координатный стол, а кожух — ставлю на место (приборка!). А то ведь стоя за станком по восемь часов каждый день, можно и «без ног остаться».

Естественным следствием этой «рационализации» рабочего места стало (давно!) то, что поворачиваю рукоять воздухоподачи (для зажима заготовки), от себя — не рукой, а **коленом**. Чем, кстати, освобождаю руку для другого рабочего движения в это же время. А вот обратно (чтобы высвободить заготовку) я эту рукоять пять лет поворачивал — **рукой**. Для чего надо каждый раз опускать руку от пульта вверху — вниз, под координатный стол.

Но можно же привязать к рукояти веревку или провод так, чтобы и обратно, для перекрытия воздухоподачи, двигать эту рукоять коленом же, **к себе!** Давно уже этот рабочий прием используется Г. Богомоловым, на фрезерном станке. А тут и меня осенило (сегодня!). Нашел обрывок провода...

Если раньше я сравнивал свою рабочую позу с велосипедной, то теперь чем-то напоминает кавалериста. Сажу в седле, а правая нога — в стремя. «Привязался!.. (в смысле — **привязал себя**)», — как всегда точно отметил Стас.

Вообще — все заметили, всякое новшество замечается. Смеются: «Голь на выдумки хитра!». Действительно, высвободив правую руку на эти секунды, я теперь успеваю, во время холостого хода револьверной головки, обеими руками не только снять со станка готовую деталь, но и поставить новую заготовку!

Теперь **все** ручные операции «втискиваются» в машинное время. То есть — **и нереальную норму можно перехитрить!**..

А норма для той детали, которую я штамповал сегодня, уже такова, что почти совпадает с технически заданным временем полного оборота револьверной головки (1 мин.)! Головку-то быстрее крутиться не заставишь. Спрашивается, когда же ее еще останавливать, фиксировать (до десяти раз) и производить удары?!

...Тут возникает Вася Н., со своим предложением (уже вовсе не техническим). Оказывается, он уходит в отпуск. И, в отличие от некоторых, Вася **принес с собой!** И не надо, как в минувшем марте кружить вокруг рокового места у гаражей, где за месяц до этого погорело чуть не все «ядро» нашей бригады [см. выше. — А. А.]. Не надо искать на улице станок и где бы его опрокинуть!

Стало быть, состоится — **ритуал**, хоть и наспех, зато без помех. Сергей Р., больше всех «пострадавший» тогда, в феврале, похоже, всерьез завязал (или зашил ампулу?). Остались четверо, включая самого «именинника». Мы выполнили **обряд** в раздевалке, после окончания смены, уже переодевшись.

После стакана белого Васе больше «не надо», а Мише Г. — больше «нельзя»... Пришлось нам с «Бугром» [бригадиром. — А. А.] еще — по полстакана, чтобы добро не пропадало.

<...> Вышли с завода с Мишей Г. [ныне покойным. — А. А.]. Я ему говорю:

— Слушай, Миша, чего я удумал. Вот ты помнишь, как я спрашивал на собрании мастера Гошу, а потом на «едином Политдне» начальника отдела НОТиУ Плитмана (это было не далее как накануне) — насчет пересмотра норм на моем станке?

— Помню, — говорит Миша. — Ты их в угол загнал. Очень хорошо спросил!

— Так вот, — говорю, — я собираюсь подать такое заявление. Ты меня слушаешь?

— Ага!

— Нормы на ПКР за два года срезаны в среднем вдвое. Так?

— Так!

— Без всяких усовершенствований техники или организации, т. е. необоснованно!

— Конечно!

— Но мне же надо как-то выполнять задание! Пришлось кое-что придумать... (Чего только за пять лет ни придумал, включая и сегодняшнее «стремя!»). Вот и предлагаю: записать на мой и бригады «накопительный счет» соответствующую экономию. И даже, пожалуй, выплатить положенное вознаграждение...²⁷

Мише чрезвычайно понравилась моя хмельная идея (у самого-то, бедолаги, руки связаны: не покачаешь права — с его загулами!).

<...> Еще раз, другими словами, суть идеи:

— не то чтобы, мол, я придумал, а теперь, «из патриотических побуждений», прошу срезать нормы (на что провоцирует рабочих-сдельщиков новая форма соревнования). А — раз уж срезали необоснованно, то **пришлось** напридумывать. И тем самым как бы обосновать ваши производственные нормы «задним числом»...

Так будьте любезны: все мои усовершенствования — **учесть!** Ведь только ими и обеспечен рост производительности труда на ПКР аж в два раза. Понятно?! <...>

(Записано вечером того же дня, 18.04.86)

12.5. О коммунистических субботниках

Из «Производственных дневников» (май 1986)

<...> На протяжении шести с половиной лет работы на заводе я (как и все) выхожу в апреле на Ленинский коммунистический субботник.

²⁷ О «накопительных счетах» и иных новшествах в организации «социалистического соревнования» на «Ленполиграфмаше» см. ниже, в главе 15.

Начиная с 1983 г. я участвую в субботниках в качестве рабочего-сдельщика. Это значит, что в моем расчетном листке работа на субботнике, не будучи учитываемая в количестве отработанных часов, учитывается в зарплате, который номинально увеличивается на одну дневную выработку (плюс соответствующая ей премия). А потом эта сумма **удерживается** из заработка (ведь на коммунистическом субботнике работают бесplatно!).

Удержание в расчетном листке обозначено кодом 91, который расшифровывается как... «погашение ссуд на жилищное строительство»! Спрашивал: как это понимать? Говорят: когда-то этот код был введен для погашения ссуд, а потом — переадресован фонду коммунистических субботников. (Интересно: а погашают ссуды теперь по какому коду?).

Поскольку на субботнике, как и вообще по субботам, по неписаному правилу, работают не больше четырех часов (приходят не к 7-ми, а к 8-ми, а уходят в 12; ведь «добровольно»!), то получается, что удерживают **больше**, чем можно реально сделать.

Вообще-то, действительно произведенное на субботнике не имеет никакого отношения к нарядам, которые закрываются этим днем — за работу, выполненную, понятно, раньше (наряды на сделанное на субботнике, соответственно, будут закрыты потом!). Такая рассогласованность труда и учета — вполне закономерна: ведь наряды закрываются лишь на готовую (к отправке на сборку) продукцию. «Незавершенка» в нашем, механическом цехе отдельному учету не подлежит.

«Липой» здесь является вовсе не это естественное несовпадение того, что в данный день сделано, и закрытых нарядов. Настоящая липа — это так называемый «экран коммунистического субботника» на стенде, где отмечается якобы кем-то учтенная выработка бригад и участков в рублях... за каждые 2 часа!

Практически на субботнике успевают сделать не больше и не меньше, чем за 4 часа любого трудового дня. Но, скажем, в апреле за счет лишнего дня (Ленинского субботника) появляется возможность закрыть нарядов на большую сумму, чем в другие месяцы. Поскольку удерживают выработку не за 4 часа, а за **полный** рабочий день, это и воспринимается рабочими как «удержание за субботник».

Года два-три назад придумали было считать, что на субботнике успевают выполнить якобы не одно, а **полтора** сменных задания (тогда удержание еще увеличилось бы!). Но, ко всеобщему удовольствию, дальше разговоров об этом дело не пошло.

На Ленинский субботник обычно выходят **все**. И приплюсовывают, и удерживают — у всех, т. е. у каждого отработавшего. (Вроде, было несколько случаев, когда удержали у того, кто почему-то в этот день не вышел... Но то был просто административно-учетный недосмотр).

Согласно сохранившимся у меня расчетным листкам, на Ленинском субботнике в 1984 г. я «заработал» (т. е. у меня было удержано) 10,75 руб.,

в 1985 г. — 10,19. Нынче, в 1986 г. — 12,42 руб. Столько, стало быть, я зарабатываю (с учетом премии) **в среднем** за один рабочий день.

Кроме Ленинского коммунистического, бывают еще субботники в честь знаменательных дат (например: в честь 40-летия Победы, в честь открытия Съезда). На них выходят уже **не все**. Расчет производится аналогично Ленинскому. То есть — приплюсовывают и тут же удерживают дневную выработку.

Субботник — лишь одна из форм организации работы по субботним дням. Более распространена, понятно, форма обычных **сверхурочных**, когда на полдня в субботу выходят те, кто поддался на уговоры администрации. Отработанное время отмечается на проходной, в специальном «талоне-увольнительной», компостером, и оплата производится — из расчета этого времени, с небольшой приплатой.

Раза два-три за эти годы бывало, что суббота объявлялась **рабочим днем** по приказу директора завода. Причем отгул потом добавляется к отпуску. В таких случаях обязаны работать **все**, и — **полный** рабочий день. Но это, понятно, тоже не субботник.

Новую «мутацию» составил субботник 24 мая 1986 г. Он — в фонд помощи пострадавшим при аварии на Чернобыльской АЭС. Было решено, что в этот фонд каждый внесет по 5 руб. (независимо от того, выйдет ли на субботник). На субботнике же он имеет возможность «заработать» эти деньги, и даже несколько больше. (Для контроля за отработанным временем здесь тоже пробивали компостером «талон-увольнительную»).

...В пятницу, 23 мая я работал в вечер, и не у кого было взять талон на завтра. В субботу, уже отработав 2 часа, сообразил, что эдак мой выход окажется не учтенным. Взял талон у мастера. Тот «вручную» отметил в нем, что я вышел на работу в 8 час., а уход (12-30) я пробил компостером. Таким образом, к моей зарплате будет приплюсовано около 5 руб. и потом удержаны те же 5 рублей.

(Строго говоря, к фонду помощи пострадавшим в Чернобыле этот «субботник» прямого отношения не имеет. Ведь удержания будут производиться у всех тех, кто расписался на листе, а не только у тех, кто отработал).

На этом субботнике народу было очень мало (из нашей бригады — всего трое, включая меня). В фонд Чернобыля по 5 руб. внесли **все**. <...> (Записано в мае 1986 г.)

12.6. Июльские аккорды²⁸

Из «Производственных дневников» (июнь-декабрь 1986)

В пятницу, 13 июня 1986 г. после обеда сам генеральный директор вызывал к себе бригадиров с нашего участка. Ибо — **на нас сейчас все**

²⁸ Этот текст имел такое название уже в оригинале.

сошлось. Нам предложено... выдвинуть перед администрацией условия, на которых мы беремся в авральном порядке выполнить все необходимое в июне для сборки в 10-м цехе! Случай небывалый — рабочих спрашивают: каковы ваши **требования?**

Всего вариантов, вырисовавшихся после встречи бригадиров с директором, — три:

1) Закрывать хоть сто пятьдесят процентов задания. Бешеные заработки, а в январе будущего года... резанут нормы так, что закачаешься.

2) **Аккорд**, как называет это мой бригадир Толик [*он же — А. С., он же — «Бугор».* — А. А.], т. е. **подряд**. Бригады гарантируют своевременную сдачу всей нужной номенклатуры, а администрация гарантирует небывалую премию.

3) Оплата сверхурочных (вечера, субботы, может быть, даже воскресенье!), как минимум, в двойном размере (а не так, как сейчас, лишние полтора рубля за выход в субботу).

Обсуждаем ситуацию сначала по-двое, по-трое. У «Бугра» — ум враскорячку: чего конкретно запрашивать? Бригадир (А. С. и И. В.) совещаются, стоя рядом с моим станком. Я предлагаю — давайте всех соберем! Принимается. За четыре года, что я работаю в бригаде, не было такого, чтобы собрание сразу двух бригад, да еще без мастера...

Игорь В. дает «вводную». Первый вариант (кстати, это предложение директора) с ходу отвергается всеми. Знаем мы эти штучки! Второй вариант, отчасти исходивший от Толика (хоть сам же он его и опровергал!), тоже не годится. Во-первых, не ясно, какую премию запрашивать. Во-вторых, есть опасность, что сорвут график не по нашей вине, и окажемся с носом.

Сошлись вроде на 3-м варианте. «Упирается рогом». Лишняя десятка за субботу, и вся недолга! Толик пошел к начальнику цеха сообщить о наших предложениях. Реакция остается пока неизвестной.

К концу дня мастер Гоша, **как обычно**, пришел «уговаривать» выйти в субботу. Тут уж даже те, кто и так бы вышел, потребовали ясности. Снова наш «Бугор» идет к начальнику. Тот не может «решить» субботу без директора. От себя нач. цеха жалуется каждому, кто выйдет в субботу, дополнителем по пятерке из фонда мастера. Услышав о такой «милости», кто-то (уж не я ли?) произнес: «Что ж, подождем десятки из фонда директора...».

В субботу, 14 июня из двух наших бригад вышли **только** оба бригадира. Разумеется, не ради лишней пятерки, а в силу «сознательности».

<...> Под давлением обстоятельств, администрация от 1-го варианта продвинулась ко 2-му. Утром в среду, 18 июня всю нашу бригаду очень решительно собрал бригадир и сказал, что, если сделаем то-то и то-то, будет на всю бригаду сверхнормативная **премия** — 200 руб. Ну, ясно, что понадобятся эти «субботы» до конца месяца. А подробности — не проговариваются... Но вроде дали себя уговорить, ладно!

К концу дня выясняется, что этот «подарок» (в среднем по 30 руб. на брата), похоже, будет нам стоить того, чтобы до конца месяца, т. е. почти две недели, вкалывать до 8-ми вечера (т. е. 12-часовой рабочий день!). А в субботы — не по 4 часа, как обычно, а часов по 10. Хорошенькое дело! Все же, раз уж обещали, остаемся в среду после 16 час., шестером — «ядро» бригады: Толик, Вася, Сергей Р., Миша, Витя и я...

<...> Где-то между 19 и 20 час. назревает общее раздражение, подогретое выданными нам «талонами-увольнительными» для сверхурочных работ (откуда как будто следует, что мы просто — работаем сверхурочно, а никакой не «аккорд»). **На-ду-ва-тель-ство!** Перед уходом велим Толику еще раз уточнить условия.

В течение следующего дня (19 июня, четверг) новой информации не поступало. Толик, может, и спрашивал, но либо ему не дали гарантий, либо он «не сумел» их до нас донести... Тем не менее, он рассчитывал, что мы все останемся, как накануне. За пять минут до конца смены я подошел к собравшимся в кучку Васе, Мише и Сергею: ну что, остаемся? А им только и не хватало четвертого, чтобы плюнуть и уйти. Остались — «Бугор» и Витя. Счет 4 : 2.

Толик, похоже, **от меня** — не ожидал... Но я действовал «как все». Впрочем, не скрывая и собственного рабочего самосознания.

В пятницу, 20 июня начался новый тур переговоров «в верхах». Администрация с бригадой разговаривать побаивается, только с бригадиром. «Бугор» объясняет каждому порознь, что дело — «верняк», закроют нарядов, согласно заданию, **плюс еще почти на тысячу рублей!** Мда. На подряд это не похоже... Скорее 1-й, с порога отвергнутый нами вариант.

Предложение представляется все же соблазнительным, хоть и опасным для будущего — ведь такое перевыполнение плана никакими сверхурочными не «оправдаешь!» А стало быть — есть повод в будущем году существенно ужесточить нормы... Но это когда еще, а тут сразу — **большой куш!**

Ситуация такова, что и нам деваться некуда, и администрации. Никакие «варяги» (вроде присланных «в помощь» сборщиков из 10-го цеха) с этой **нашей** работой не справятся. Администрация не может не закрыть наряды, если не хочет провалить план.

Бригадир ведет переговоры с каждым в отдельности. Я предлагаю провести очередное собрание (за эту неделю чуть ли уже не треть!). Как настроены остальные — я не знаю и не разрешаю себе заранее узнавать.

На собрании с предложенными условиями соглашаются все, **кроме меня.** Я объясняю, что согласился бы, кабы администрация не темнила, как поступает уже целую неделю, а подписала с бригадой взаимобязывающий договор — «подряд», «аккорд» (называйте как хотите!). А так — доверия все это не вызывает. Но наш «Бугор» умеет выколачивать из администрации деньги, но не письменные договоры.

Дело осложняется тем, что именно мой ПКР — чуть ли не главный гарант выполнения этого, так называемого «подряда» с нашей стороны. И вроде не так уж много на моем станке и работы... Но самая ответственная и, вместе с тем, денежная (лицевые панели, каркасы!). Мы с бригадиром — уважающие друг друга оппоненты. Он говорит, что «аккорд» состоится, даже если кто-нибудь (в данном случае я) и откажется.

Я говорю, что панели на моем станке уже настроены, и если сам Толик отштампует их в субботу, то в понедельник днем (без всякого «аккорда») я и каркасы ему налажу. Штампуй себе их вечером!.. То есть — отказываясь из принципа, я никому руки не выламываю. Хоть «Бугру» за моим ПКР придется и не сладко. Мой отказ встречен с пониманием. Ведь «аккорд» — дело **добровольное!**

В субботу, 21 июня, я, неожиданно для всех (в том числе и для самого себя), не взяв талона накануне, вышел на работу. Бригадир с удовольствием уступает мне место за станком. Штампую сам налаженные накануне лицевые панели. В эту первую «сверхаварийную» субботу надумали работать с 7-ми до позднего вечера. Похоже, что все так и вкалывали. Что касается меня, то я пришел, как в обычную субботу, к 8-ми и закруглился к 12-ти, сделав изрядную часть производственной партии. Уходя, спросил бригадира: «Когда тебе нужны панели?» — «В среду». — «Хорошо, будут!».

Во избежание недоразумений, я пояснил, что в «аккорд» по-прежнему **не вхожу**. А просто вышел ему («Бугру») помочь...

В сущности, гарантия выполнения «аккорда» (лишь в том, что касается моего станка, разумеется) была заложена этими 4-мя часами моей работы в субботу. Толик прилаживался бы намного дольше. Неизвестно, пошло бы у него так же «по маслу», как у меня. (Станок, по его выражению, сейчас только меня и слушается; ведь уже третий год откладывается плановый ремонт!).

Буду ли я участвовать в «аккорде» — дело второстепенное. Важно, чтобы панели были в среду. Тогда до конца недели бригада успеет их зачистить, загнуть, сварить...

В понедельник, 23 июня, я задержался на два часа, хоть это, после той субботы, было уже и не обязательно. Как бы в порядке обычных сверхурочных... «Бугор» же, Сережа, Вася, Витя оставались (как наутро узнал) до 8-ми часов вечера (их работа шла после моей; и у них ее было побольше).

<...> Мои панели были готовы к среде, каркасы — тоже своевременны. Все — с опережением бригадного графика на несколько часов (тут счет шел действительно на часы!). Для этого оказалось достаточным всего 16-ти часов моей «переработки».

Кажется, еще в среду «Бугор» заявил: «Ну, Андрей, хочешь — не хочешь, а в аккорд ты попал!». Я не стал возражать. Но в среду, 25 июня, оставаться после смены уже не стал. И в четверг тоже. Незачем! Впро-

чем, и остальные работали по 12 часов не каждый день. Кажется, в понедельник мы уходили в 18 час. вместе с Васей. А в среду и сам бригадир ушел в 18 час., в ДНД [добровольная народная дружина. — А. А.].

В четверг, 27 июня, судьба «аккорда» была в основном уже решена. Можно было «расслабиться» [*«собраться вокруг стакана»* — А. А.].... Что, естественно, и было выполнено!

<...> В пятницу, 28 июня (а может и накануне, не помню!), стали известны денежные итоги «аккорда». Действительно, были закрыты наряды реально сделанного сверх задания почти на 1000 рублей.²⁹

Деlež общебригадного приработка производился выделенной для этой цели «тройкой» уполномоченных (Толик, Вася, Миша), впрочем, в основном — самим «Бугром». Вот какой получился расклад:

— Толик (бригадир) — ?; Вася — 148,47 руб.; Сергей Р. — 132,48; Витя — ?; Миша — 129,52; я — 92,77; Сережа Б. и Игорь М. (новички) — по 42,10 руб. (Это, разумеется, не вся зарплата, а только приработок!).

Делили наглаз, с учетом величины дневного личного задания, количества отработанных сверхурочно часов, а также — просто интуитивно-го ощущения значимости вклада каждого.

Напомню дневные производственные задания членов бригады:

— У «Бугра» (Толика) — 11,9 руб.; у Васи — 11,0; у Сергея Р. — 10,0; у меня и у Миши — по 9,2; у новичков Сережи и Игоря — по 5,6. Вкалывал сверхурочно больше всех сам бригадир (кажется, больше 50 часов). Вася — чуть меньше (42 час.). Кто-то — 36, кто-то — 28 час. Новички — помалу.

Итак, у меня — **среднее по величине** личное задание (9,2 руб.) и **минимум** сверхурочных: всего 16 час.. Мой «куш» вырос до 90 руб. в основном за счет коллективного ощущения **значимости вклада**. Я работал сверхурочно — строго в рамках необходимого, чтобы бригада справилась с «аккордом». Причем так, чтобы бригадиру не прикасаться к моему станку (что, как я уже говорил, могло и задержать выпуск продукции с него).

Результаты дележа здесь приведены с копейками. Это уже — формалистические изыски экономической службы. Ибо надо, чтобы деньги соответствовали определенному количеству «нормочасов». Эти последние писались уже **фиктивно**, исходя из заданной бригадным дележом суммы (или доли) для каждого.

Что касается сверхурочных, то их — за определенным пределом — уже не учитывали. У «Бугра» — чуть не 60 час., а ему засчитывают (по основной ведомости) только 42, Васе — 32 (вместо 42), и т. д. Нельзя так много сверхурочных **показывать!**

В общем, тут многие концы с концами не сходятся. Верно одно: общая сумма заработка бригады соответствует закрытым нарядам, а эти по-

²⁹ Не следует думать, что наряды — «липовые». Обычно в конце месяца закрываются не все наряды на выполненные работы, а ровно столько, чтобы выполнить или чуть перевыполнить план. Тут администрация от этого «правила» отступила.

следние — объему выполненной работы (тут — без тухты!). Сумма приработка (около 1000 руб.) поделена самой бригадой. А уж администрация подтасовывала свои ведомости под это наше решение. Причем «показанные» сверхурочные вовсе не покрывают сверхнормативного приработка, а лишь отчасти оправдывают его. Такая вот «экономическая механика»...

Итак, **не обманули!** Таков был главный итог нашего «аккорда» (или как его там называть!).

<...> В пятницу, 27 июня (когда уже были известны основные результаты), состоялся бригадный культпоход в пивбар «Янтарь», неподалеку от завода. Это мероприятие заслуживало бы отдельного рассказа. Здесь — опускаю...

В субботу, 28 июня, все участники культпохода вышли на работу и отработали по четыре часа. Я тоже, хоть в этом и не было производственной необходимости, а просто из чувства «рабочей солидарности». <...>

Суммарные (включая основную зарплату и приработок) бешеные заработки нашей бригады (например: 730 руб. — у бригадира, 608 — у Васи, 575 — у Вити, 427 — у меня, и т. д.) хоть как-то оправдывались сверхурочными. Бригада же Игоря В. от «аккорда» фактически уклонилась. Там — больше ветеранов, и так зарабатывающих по 400 руб. и больше... Кто отказался наотрез (Валентин К.), а кто (сам бригадир) вышел, из лояльности, раза два в субботу или задержался пару раз на пару часов. Но у бригады И. В. всегда остается задел (не закрытые наряды на выполненные работы).

Кроме конкретной номенклатуры, администрации, по-видимому, нужен был «вал», который можно было обеспечить, лишь закрыв эти наряды. И Игоря В. уговорили сделать это. Хоть он и предпочел бы свой «загашник» приберечь про черный день. Игорь беспокоился насчет дефицита сверхурочных в своей бригаде. Наш «Бугор» ему сказал: «Смотри сам! У нас сверхурочных — 340 часов».

В итоге этой манипуляции соответствующие приработки в бригаде И. В. составили от 150 до 60 руб. (Только у Валентина К., отказавшегося от сверхурочных вчистую, приработок — 0). Заработки в бригаде Игоря В. оказались в этом месяце почти не ниже наших. (Обычно они выше, чем в нашей бригаде, но тут — особый случай).

Наша бригада вкалывала до 8-ми вечера, чтобы закрыть нарядами лишнюю тысячу руб., а другой бригаде для этого и вкалывать не понадобилось... «Как бы ты это назвал?» — спросил я у нашего «Бугра». — «...!» — ответил тот. (И другим показалось несправедливым, хоть вообще-то и не имеют обыкновения считать в чужих карманах).

Так были решены задачи по обеспечению «плановой дисциплины» на нашем, 1-м участке цеха № 3 и выведена из-под удара заводская программа.

* * *

В июле «аккорд» повторился, и в масштабах не менее крупных. Бригадир полагал теперь мое участие само собой разумеющимся. И у меня уже не было оснований настаивать на письменном договоре с администрацией. «Процентов 70 денежной (выгодной) номенклатуры проходит через тебя!» — сказал мне А. С. — «Ладно, — сказал я, — попробуем!».

В нашем, механическом цехе, в отличие от сборочного, авралы начинаются не с третьей, а со второй декады. Не выделяясь из общего бригадного строя, я отработал сверхурочно 32 часа (три субботы — 12, 19, 26 июля — по 4 часа; а по 12 часов работал 15, 16, 17, 21, 24 июля — будние дни).

<...> Работы на ПКР в июле было побольше, чем в июне. Тут уж я мог обеспечить бригадный «аккорд» только полноценным участием в нем, а не экстравагантными выходками типа июньских. Работали на пределе сил и все остальные. Не повезло Мише Г., подзагулявшему перед самым началом июльского аврала и фактически выбывшему из игры.

Мы теперь уже знали, сколько **надо** и сколько **можно** иметь сверхурочных (в прошлом месяце испытание на максимум предпринял бригадир, а на минимум — я). За неписаную норму сверхурочных — 32 часа — все же стремились не вылезать: «Достаточно!». Сам бригадир позволил себе даже отсутствовать с пятницы по понедельник (ездил с женой на теплоходе в Кижы).

В понедельник, 28-го, штурм фактически завершился. Последнюю неделю июля работали уже нормально, по 8 часов.

Я, как и положено на ПКР, работал с опережением по технологической цепочке. Появившись после 4-дневной отлучки, Толик с удовлетворением узнал, что я отштамповал самую выгодную из партий еще в пятницу, а в субботу Вася Н. и Серега Р. эту деталь обрубали и загнули.

<...> По июльскому «аккорду» мне было отмерено чистого приработка (т. е. сверх задания) аж 180 руб. (Стало известно 30 июля). Когда бригадир сообщил мне об этом (не без торжественности!), я поинтересовался успехами остальных. — «Примерно то же!». Спросил у Вити. — «150 руб.» (он в этом месяце «вечерил» поменьше!).

* * *

...Все эти сугубо бригадные события не худо бы совместить в **синхронистической таблице** с «вехами» личной, лично-общественной, заводской, городской жизни, жизни страны и, если угодно, Мира. (Ведь это были июнь и июль 1986 г.). Даже не выходя за пределы первых двух названных уровней, объем информации возрос бы многократно (уж об остальных не говорю). В принципе возможность составления такой таблицы не исключена, ввиду сохранившейся в разного рода документах датировки важнейших событий жизни лично-общественной: **«дело социолога-рабочего** и т. п.³⁰

* * *

<...> В четверг, 30 июля, утром пошел к заводскому хирургу с указательным пальцем правой руки, распухшим с руку. Глубокий нарыв от

³⁰ См. в томе 2 настоящей книги: главы 7-10.

инфекции после микротравмы не мешал работать (палец сгибался), но стало ясно, что сам он не прорвется.

Хирург: — «Давно?». Я: — «С неделю». — «Чего раньше не пришли?». — «Некогда было». — «Надо резать!». — «Может в пятницу?» (жалко пропускать последний день этого урожайного месяца). — «Так в пятницу и приходили бы...». — «?!». — «А то проситесь в пятницу, а в четверг на меня навешиваете».

Я вернулся в цех, переоделся, предупредил мастера и бригадира («У меня все налажено, хочешь — штампуй»). — «Нет,ждемся тебя») и пошел на операционный стол. Режет хирург хорошо.

В пятницу бюллетень пришлось продлить до понедельника включительно.

* * *

Эти заметки были сделаны по горячим следам, в июне-июле 1986 года, отчасти в августе. Дописываю уже в декабре.

Август был последним, третьим месяцем летних «аккордов». Фронт работ был уже поменьше июньского-июльского. Несмотря на несколько дней пребывания на бюллетене в начале августа, я справился со своим «уроком» к концу второй декады (набрав 20 часов сверхурочных). Так что последнюю неделю августа смог даже заняться, наконец, ремонтом своего станка (для чего, по моему настоянию, был-таки переведен на неделю в слесари-ремонтники). <...>

При бригадном дележе мой вклад в этот «аккорд» был оценен чистым приработком 120 руб. Несколько снизились (против июля) приработки и у других членов бригады.

А в сентябре-октябре начались... крутые простои (и на моем станке, и в бригаде в целом). Вот где пригодились бы «истраченные» летом не закрытые наряды!..

Министр обратился к генеральному директору с «просьбой» выдать продукции к концу года **дополнительно** на 1 миллион рублей. Тогда начались новые авралы (правда, уже без «аккордов»). Пригашенные, впрочем, введением показушной двухсменки, когда все утонуло в неразберихе.³¹

Остается произвести некоторые подсчеты.

Согласно расчетным листкам за 11 мес. этого года, мною отработано в общей сложности 1618 раб. часов (включая сверхурочные). Что соответствует 197,3 рабочих дней (1 день = 8,2 час.). Начислено заработка по сдельным расценкам за 11 мес. — 2202,35 руб. Поделить на 197,3 — получится 11,16 руб., это — в среднем за рабочий день. А дневное личное задание у меня — всего 9,2 руб.

Такое перевыполнение личного задания возникло за счет летних «аккордов» (если рассчитать за 8 мес., без июня-августа, то выполнение в общем соответствует заданию). <...>

Это значит, что в период «аккордов» администрация вынуждена была при закрытии нарядов нарушить сложившийся «баланс» между невыгодными и выгодными работами, в пользу последних. (В самом деле, если, скажем, в августе мой приработок составил 120 руб. при 20 час. сверхурочных, то, согласно простому расчету, за каждый сверхурочный час я зарабатывал $120 : 20 = 6$ руб., что в 4 с лишним раза больше обычного!).

Но, уступив рабочим в период «аккордов», администрация развязала себе руки для последующего ужесточения норм (срезания расценок), в целях восстановления временно утраченного баланса интересов.

Теперь — какое же мне будут устанавливать дневное личное задание на 1987 г.? Обычно его повышают на 0,2-0,3 руб. от достигнутого. Скажем, я мог бы рассчитывать на 9,5 руб. Но ведь тогда мое задание получится **меньше** достигнутого в 1986 г.! А рабочий вправе претендовать на, по крайней мере, не меньшее задание, чем он имел в прошлом году.

За 11 мес. мой суммарный заработок (с премиальными, отпускными, оплатой по бюллетеню) составил 3.726 руб. Делим на 11, получаем 338,7 руб. (За 12 мес. он наверняка снизится, благодаря декабрю, примерно до 330 руб.). А за 8 мес. (без июня-августа) заработано 2.163 руб. Поделить на 8, получаем 270,4 руб. Это еще с учетом привалившей мне 75-рублевой премии за победу в соцсоревновании по заводу... (отдельный сюжет!). А если без этого «подарка», то: $2.163 - 75 = 2.088$. Поделить на 8, будет 261 руб.

Зарабатывать 260-270 руб. или 330 руб. в месяц — разница? (Впрочем, не столько для материального благосостояния, сколько для самоуважения рабочего-сдельщика; ведь высокий заработок — знак общественного признания). Вот и возникает вопрос: какое мне теперь назначать «дневное производственное задание» — 9,5 или 11 руб.?

Возможно, сторгуемся на 10 руб. (для чего еще понадобится «выламывать руки» бригадиру, ввиду моей относительной незаменимости). Но — не больше! Ведь в таком же положении все участники июльского «аккорда». А столь резкий скачок в личных заданиях и, соответственно, в гарантированном заработке для всех членов бригады — дело абсолютно нереальное. Ибо тогда пришлось бы так же резко повышать бригадный план. А это уже противоречит интересам администрации...

По-видимому, наше перевыполнение будет как-то закамouflировано в отчетной документации. И у нас останется лишь перспектива вновь приподнять потолок своего среднемесячного заработка в 1987 г. рублей эдак на 50 на брата, за счет очередного «аккорда».

* * *

В таком вот разрезе предстает социальный механизм нашей экономики — **глазами рабочего**.

(Записано в июне-декабре 1986 г.)

³¹ См. об этом ниже, в главе 15.

Ремарка 1: самоидентификация в качестве рабочего.

В отличие от первых трех лет эксперимента социолога-рабочего (см. предыдущую главу), здесь представлены «заводские будни», где положение социолога-испытателя никак не отличается от положения его товарищей по труду. И сам субъект «наблюдения и участия» фактически отождествляет себя с ними, в своем жизнеощущении.

Его «социологическое поведение» сводится едва ли не только к этим записям (ведению «производственного дневника»); в остальном же он — **«рабочий как все»**.

Во многом такая самоидентификация в качестве рабочего обеспечивается теперь уже вероятной **бессрочностью** эксперимента: ведь возвращение в стены академического института и т. п. для исключенного из рядов КПСС и т. д. — вовсе не предвидится.

... Социолог-испытатель к тому времени успел понять, что «перемен надо ждать, их надо делать»³². Но рассчитывать на безусловный успех такого «делания» пока (в 1986 году) ему, как и всем остальным «делателям» (будущим «прорабам перестройки»), не приходится.

Вообще, автора в этот период уместно называть, пожалуй, уже не «социологом-рабочим», а скорее — **«рабочим-социологом»**. Его самоидентификация с «рабочим классом» становится не игровой, а вполне «всамделешней». (Май 2003).

Ремарка 2: о форме «Производственных дневников...».

По-видимому, сюжетно выстроенные тексты (вроде «Апрельских заморочек» или «Июльских аккордов») оптимальны для регистрации социологических наблюдений, в случае наблюдающего участия. При этом важно точно вычленив, «угадать» начало сюжета, увидеть росток будущей «моделирующей ситуации» в процессе повседневной жизни, а дальше — лишь отслеживать данную сюжетную линию. (Март 2001 — май 2003).

* * *

Постскриптум к главе 12

Как уже отмечалось однажды³³, знакомство социолога-испытателя с западной феноменологической школой в социологии в тот период было минимальным. Пожалуй, оно ограничивалось изданным под грифом «для научных библиотек» в 1978 г. переводом знаменитого (на Западе) сборника «Новые направления в социологической теории» (1972).

Вот сейчас передо мной эта книга, с пометками, отчеркиваниями конца 70-х. Например:

«...Процесс описания членом коллектива собственного опыта есть процесс превращения уникальных специфических индивидуальных переживаний в общеизвестные путем их систематической организации... Результатом

выражения индивидом своих переживаний каждый раз становится сущностная (то есть необходимая и неизбежная) рефлексивность всякого описания. Именно вербальное выражение придает описываемому опыту его рациональный, связный и систематический характер; именно оно включает его в контекст обыденного или же формально-социологического объяснения, делающий его осмысленным и рациональным с точки зрения данной аудитории...

Задачей профессиональных социологов с точки зрения этнометодологии становятся, таким образом, не принятие на веру того, что обычно принимается на веру на уровне повседневной деятельности, — темой социологического исследования должна стать тогда сама реализация адекватности значений в повседневных, основанных на здравом смысле объяснениях...» (П. Филмер. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля / Новые направления в социологической теории М.: Прогресс, 1978, с. 347-348).³⁴

Но во всяком случае в период создания приведенных выше описаний («вербализаций индивидуального опыта» и т. п.) меньше всего социолог-рабочий вспоминал А. Шюца или Г. Гарфинкеля. Этнометодология присутствовала разве что в его «профессиональном подсознании». (Апрель 2005).

³² См. в томе 2 настоящей книги: раздел 10.14.

³³ См., в томе 1: Предисловие («От автора — сегодня. 2002»).

³⁴ Другие фрагменты из сборника «Новые направления в социологической теории» см. также в томе 4 настоящей книги: приложения к главе 23.

Приложения к главе 12

П.12.1. Как же повысить КПД общественной системы?

Несколько вступительных слов

Мне уже приходилось рассказывать об А. Г. Солипатрове — слесаре-механике высочайшей квалификации и авторе публицистических эссе (заметок) «Я просто слесарь...», «Глазами рабочего», «Воспитатель без диплома» и др., публиковавшихся в 1960–80-х гг. в журналах «Знамя», «Новый мир», в «Литературной газете»...¹

Нашей дружбе с Анатолием Гавриловичем — вот уже 40 лет. На «Ленполиграфмаше», где А. Г. работал в 1940–50-х гг. (а я — в 80-х), мы, понятно, не встречались. Но, между прочим, трудились мы — в разное время — в одном и том же механосборочном цехе (цех № 3) и даже на одном и том же производственном участке.

А. Г. — сейчас на пенсии. Писание своих «заметок рабочего» не оставляет. К сожалению, сегодняшних читателей работ Солипатрова можно пересчитать по пальцам (я — из самых прилежных!).

Недавно А. Солипатров вдруг вновь оказался востребован СМИ: в серии телевизионных передач к 300-летию Петербурга, подготовленных И. Шадханом, одна была посвящена ему.

Ниже — фрагменты из записок А. Солипатрова, датированных нынешним годом. Как мне кажется, эти заметки позволяют увидеть (почувствовать?) «связь времен»: и совсем давнего (начало XX века), и позднейшего (когда на этом заводе работал мой старший друг), и вроде бы недавнего (когда там работал я сам), да и нынешнего времени тоже. (Декабрь 2003).

Из заметок А. Солипатрова (апрель–ноябрь 2003)

...Послал нам бог в Россию талантливого хозяина-механика, предпринимателя Ивана Семенова. И сам он был, как видно, щедро одарен, и с ходу видел и понимал таланты, собирал их вокруг себя. И вырос на Петроградской стороне, подстать самому хозяину, завод.

Изготавливались там гильзовые, табачнонабивные машины, которые должны были устойчиво работать на больших скоростях и не «ошибаться». Делали еще много чего — на самом высоком техническом уровне. И держалось все это прежде всего на организаторском таланте самого Семенова, на установленной им и затем вошедшей в традицию, строжайшей технологической дисциплине...

¹ Об А. Г. Солипатрове, а также одну из его работ см. ранее, в томе 1 настоящей книги: приложение 3 к главе 5.

Ремарка: завод точного машиностроения.

Датой основания Ленинградского завода полиграфических машин принято считать 1890 год, когда молодой инженер, выпускник Петербургского технологического института И. А. Семенов, сын петербургского предпринимателя Семенова-старшего, организовал мастерскую по изготовлению сконструированной и запатентованной им гильзовой машины для набивки папирос. (До этого И. А. Семенов работал механиком по обслуживанию заграничных машин этого профиля на Петербургской табачной фабрике Н. А. Шапошникова).

Собственно заводской корпус на Песочной ул. (Аптекарский остров, Петроградская сторона) был заложен в 1896 г. Семеновский завод уже в начале прошлого века стал одним из известнейших российских машиностроительных предприятий. После Октябрьской революции на заводе, получившем имя немецкого революционера Макса Гельца, выпускались машины для текстильной и табачной промышленности. В 1924 г. решением ВСНХ завод стал экспериментальным предприятием точного машиностроения. С начала 30-х гг. — пионер и лидер выпуска отечественных линотипов и иного полиграфического оборудования.² (Январь 2004).

...Пришел я на этот завод в 1946 году. Поработал несколько лет слесарем, и стало меня мало-помалу удивлять и беспокоить: как же так — все участки, хоть станочников, хоть слесарей, возглавляются мастерами, которые и по возрасту, и по рабочей квалификации, как правило, ниже среднего уровня рабочего-производственника, да и в руках такого мастера вовсе не железки, а одни бумажки...

И стал я тогда рассуждать: — А не лучше ли, если на участке сельщиков будет один из рабочих — на ставке, и чтобы был он мастером высшей квалификации, к которому и мне, «желторотому», за советом можно обратиться, и сам он, проходя мимо, бросит опытный взгляд через мое плечо. А коли такие Мастера на всех участках были бы, то вот они бы, с полуслова понимали бы друг друга. И с технологом, и с конструктором у такого мастера было бы взаимопонимание. <...>

Начал я, где можно и где нельзя, выступать со своими предложениями... естественно, безрезультатно. Только сейчас, когда мне 76, я отчетливо понимаю, что изобретал-то я «велосипед». Осознал и то, что ухватил лишь «хвост традиции» созданного Семеновым завода. Дело в том, что почти на каждом участке все же был свой мастер (не по должности).

...Получая работу, мне выдавали в инструментальной кладовой: чертеж, наклеенный на фанеру и покрытый лаком для долговечности; вместе с чертежом выдавали ящик с инструментом, специально для моей

² См.: Киришин В. Н. Орден на знамени. Краткий очерк истории Ленинградского ордена Отечественной войны I степени завода полиграфических машин. М.-Л.: Машиностроение, 1965; Строка и время. История Ленинградского завода полиграфических машин. Л.: Лениздат, 1985.

операции, подготовленным и опробованным квалифицированным слесарем-инструментальщиком, с полной гарантией, что ни один инструмент [приспособление. — А. А.] не выпустит размер из пределов допуска (разумеется, если я сам буду аккуратен), а стало быть — **брака быть не должно**. Сделав работу и предъявив ее в ОТК, я не просто сдавал инструмент в кладовую, а **отдавал в руки** слесарю-инструментальщику, ибо он отвечает и за его исправность и надежность.

(Вначале такая обязанность была у инструментальщика Федора Филипповича Калугина).³

Но это был именно **хвост традиции!**.. У «мастеров по должности», уже и тогда, учиться было нечему. А ведь при полноценной опеке со стороны настоящего профессионала — и квалификация самого рабочего-исполнителя могла бы быть на разряд ниже, и время «слепого котенка» на подготовку работы не расходовалось бы бездарно, стало быть, и расценка на сделанную операцию могла бы быть ниже.

Для того, чтобы я «не дергался», «не путался», «не сделал брака», — надо было, чтобы вся руководящая и техническая «обслуга» была неизмеримо выше меня по таланту и квалификации, а стало быть — могла меня и научить, и подстраховать. Так оно и было, как я теперь понимаю, прежде — во времена, которых я не застал.

<...> Его (Семенова) деловой и воспитательный принцип был, по-видимому, таков: «Я тебе **подготовил все** — материал, станок, я тебя страхую от ошибок. Так будь любезен — не теряй время зря, а чего не понял — спроси у мастера». А уж если при такой постановке технической (и вообще — производственной) дисциплины рабочий все же допустил брак, то удержание из зарплаты — немедленное и неотвратимое! <...>

Похоже, мне повезло работать на таком заводе, где еще не совсем забыто было такое правило — выбирать из своих работников самых способных в **производственном деле** и продвигать их выше и выше. Чтобы «над рабочим» был настоящий **мастер**.⁴ Но традиция эта неуклонно сходила на нет, на советском промышленном предприятии.

Шли годы... И если явление рабочего профессионализма так или иначе сохранялось (хотя и там наблюдался некоторый упадок), то вся другая половина работников — технически руководящая, чиновничье-пар-

³ Ф. Ф. Калугина, ныне покойного, застал в цехе и я: в начале 80-х он, уже пенсионер, еще работал — занимался в той же самой инструментальной кладовой контролем и мелким ремонтом инструмента. Кстати, именно он оказался первым негласным наставником социолога-рабочего — в пору моих ранних безуспешных попыток запустить координатно-револьверный пресс. (См. в томе 1 настоящей книги: глава 2; Ф. Ф. фигурирует там под «псевдонимом» — Степан Филиппович К.).

⁴ В 1970–80-х гг., с развитием бригадного подряда в промышленности, такую мастерскую, наставническую функцию отчасти осуществляли наиболее опытные рабочие-бригадиры. Но при этом они оставались сделыщиками, т.е. на них ложился груз низкой организации производства и обучения молодежи — параллельно с выполнением собственно трудовых операций. (См. об этом в томе 1 настоящей книги: главы 2 и 3).

тийная — стала деградировать, а попросту говоря — **проваливалась** с необыкновенной быстротой, точнее — с ускорением.

Анатолий Стреляный как-то сказал, что Россия это страна, где все заняты не своим делом. Хорошо сказал, но я бы выразился помягче: «...где половина работников заняты не своим делом, а вторая половина, хоть и с трудом, но удерживает Россию на плаву».

<...> В итоге возникла ситуация массовой их (руководящих и обслуживающих производственный процесс работников, так сказать, «мастеров по должности», а не по способностям и опыту) незаинтересованности, некомпетентности и безответственности (а попросту — разгильдяйства). Именно эту ситуацию застал, уже после меня, на том же самом заводе, «заводской дилетант» (поначалу!), социолог-рабочий или рабочий-социолог.

<...> Разумеется, и среди начальственной и технической «обслуги» (на которую я в такой «большой обиде»...) встречаются также и мастера своего дела, и энтузиасты, и люди, озабоченные не только тем, чтобы удержаться в своем кресле. Некоторые способны видеть дальше своих подчиненных (имеют более широкий кругозор и т. д.). Вот только они — уже скорее исключение, чем правило. Ибо социальный механизм продвижения **таких** людей «наверх» — отсутствует; а действуют здесь — совсем иные «селекционные» механизмы. <...>

* * *

Попробую зайти к той же проблеме «с другого конца». Вот, почему у нас в России передовые в мире: самолеты, ракеты и еще много чего, и — до предела деградированное, скажем, жилищно-коммунальное хозяйство?

Мне кажется, что так же, как организму свойственно отторгать чужеродный белок, так и в интеллектуальной элите: ученые и просто от природы талантливые люди отторгают от себя всю серость и бездарность. Главное же, что бездарность и сама не стремится в эти круги, ибо ей там **просто неуютно**... И это следует запомнить.⁵

И напротив: все серое и бездарное само воспроизводит свой «организм» и тоже... **отторгает** настоящих профессионалов и одаренных людей. И, главное, такие люди в подобную среду сами не стремятся.

Нужны годы и годы, чтобы создать, скажем, науку или школу, чтобы почувствовать там кадры, чтобы выросли лидеры. И в то же время, нет, пожалуй, ничего проще, чем управлять тем же ЖКХ (на любом уровне). Сев в кабинет, надо лишь, по возможности, раздуть штат — преимущественно женский (оно уже давно так и есть), а эти «мастера по должности», не будучи специалистами, вызубрят несколько профессиональных фраз, вроде «короткого замыкания», и уж ни одну идею, предложение, даже жалобу — и сами не поймут, и до начальства не допустят.

⁵ Замечу, что А. Г. заведомо идеализирует «научную среду» и «интеллектуальную элиту». Но здесь важны не столько конкретные примеры, сколько логика рассуждения.

И опять же, надо бы осознать и запомнить, что в такой среде им «работается» очень уютно и безнаказанно. И пока этот уют будет сохраняться, с этим хозяйством ничего не поделаешь, сколько бы денег туда ни закачивать. Вот именно с этой психологии, много лет назад, и началась деградация нашего жилищно-коммунального хозяйства.

И все же! Даже сегодня внизу этой «вертикали» должен стоять хотя бы один настоящий профессионал, в рабочей спецовке, который, чуть что, и сам лучше всех знает, где и что делать: резиной обмотать или кувалдой пробку вогнать, или же... на уши повесить такую лапшу, которая пойдет потом гулять из кабинета в кабинет как истина. (Впрочем, и этого профессионала не стоит идеализировать: он у своих начальников тоже кое-чему научился).

<...> Если согласиться, что весь мир — это непрерывное соревнование за повышение КПД (коэффициент полезного действия) системы, то выходит, что наша матушка-Россия оказалась расколотой на тех, кто работает на пользу дела, и — на инертный-ватный балласт, вроде того же ЖКХ, а то и таких, от которых только вред. К примеру, чем хуже работает жактовский водопроводчик, тем больше заявок, а следовательно и «чаевых», и чем капризней даже самый маленький чиновник, тем больше ему подношений, а это — тромб...

И мне думается: вот бы правительство заказало ученым (экономистам, социологам, психологам), чтобы разобрались до самых корешков — когда, где, почему такая вот якобы работа обходится людям и государству «себе дороже». И сделать так, чтобы каждый публично и неотвратимо отвечал собственным карманом за свою «производственную операцию», пусть это «только» подпись; и так устроить, чтобы никакой возможности свалить свой «брак» на другого не было, а уж если валить, то у всех на виду, а это и стыдно, и небезопасно.

<...> Так или иначе, а у социализма КПД оказался меньшим, чем у современного капитализма. То, что мы имеем и по сей день в нашей экономике, — это, при всех произошедших изменениях в «основах» (частная собственность и т. п.), во многом есть результат 70-летней партийно-советской системы «подбора и расстановки кадров» — системы, родной для наших (и старых, и новых!) чиновников и управителей.

<...> Кто-то хорошо сказал: руководить — это значит предвидеть. Я вот, по наивности и навскидку, предложил бы следующее: если бы сегодня наши экономисты, политики, хозяйственники, депутаты и прочие желающие продвигаться «вверх» — записывали свои прогнозы, озарения, идеи, предложения и предостережения в какую-то специально созданную информационную систему, а в последующем (обязательно «задним умом») система эта определяла «снайперов», и именно по этим показателям СМИ строили свои рейтинги, — вот тогда бы и избиратели не выбирали «кота в мешке» или «кто больше раскручен». И для высоких назначений был бы объективный критерий отбора.

Мне кажется, что не только проявить, но и значительно сократить потери КПД по всему нашему народному хозяйству могло бы внедрение моего давнего предложения — «Как сделать инициативу материальной силой», опубликованного в «Лит. газете» 23 сент. 1981 г. и получившего в свое время мешки откликов. Тем самым, я и по сей день думаю, удалось бы пошатнуть жалкую позицию: «А что я могу — я человек маленький...».⁶ Нечто подобное давно применяют у себя японцы — так называемые «кружки качества».

<...> Я бы так перефразировал Константина Симонова, заметившего, что всю правду о войне не знает никто, ее знает только весь народ. Я бы сказал: как поднять КПД государства — знает только весь народ, и посему путь тут один: идти на поклон к маме-эволюции, т. е. брать все таланты из народа и, по возможности без потерь, использовать их «по максимуму», создать своего рода эволюционный, естественный «отдел кадров».

Вот нынче китайцам (как в давние времена на нашем заводе — хозяину Семенову) удалось создать почти эволюционный «ОК». Они пригласили высокопрофессиональных европейских архитекторов и строителей, которые там превратились (а куда денешься?) в высококлассных учителей. И тогда, сама собой, вся китайская стройплощадка превратилась в добротные: ПТУ и ВУЗ, ОТК и ОК, — так мне кажется. И, наверное, встал вопрос: что же следует выпустить вперед — практику или учебу?

Решили, как видно, практике дать фору, но не больше, чем на **полшага**, чтобы успевать и учиться. В результате ученик, мне кажется, получает диплом уже став аттестованным практикой профессионалом, а всему бездарному, ленивому в такой ситуации вряд ли есть смысл «светиться», лучше уйти. А коли одних меньше, то выходит — других больше, а отсюда — высокий КПД! Вот откуда, скорее всего, взялись китайские темпы строительства городов (чем наши СМИ так восхищаются). Такой подход к делу у нас, увы, отсутствует.

<...> Я здесь еще не коснулся вопроса о мелком и среднем предпринимательстве, для развития которого у нас, при всех декларациях, столько препон. Тоже очень эффективный способ «учиться на ходу» и открывать возможность для продвижения, в данном случае, уже собственно организаторских талантов и инициативы...

<...> Козьма Прутков мудро сказал: «Зри в корень!». Однако никак у нас это пока не получается.

И всего-то навсего — именно то государство, которое лучше других сумеет использовать таланты своего народа, оно и побеждает в любых соревнованиях и в любых направлениях.

⁶ Суть предложения состояла в организации потока письменно закрепленных идей и предложений «снизу», с их последовательным обязательным продвижением по инстанциям, но так, чтобы каждая нижестоящая инстанция несла ответственность за пересылку ее «выше», если она сама могла решить соответствующую проблему.

В формулировке самого А. Солипатрова: «Суть идеи “Листков-бланков” строгой отчетности — в конкретности и гласности. Все зафиксировано, все на виду. То или иное решение по каждой инициативе снизу — неотвратимо» (Литературная газета, 1981, 23 сентября).

...Такая вот «домашняя логика» у меня выстроилась. Не надеюсь, что она бесспорна, хоть я и добросовестно старался «смотреть в корень».

А. Солипатров, апрель—ноябрь 2003

* * *

Из заметок А. Солипатрова «Интервью наивного человека» (1998)

<...> Я обратил бы внимание на то, что у нас, к счастью (а заодно и к несчастью), как мало где в мире, золотые руки рабочих и светлые головы инженеров и ученых, ибо инженеру (почти) ничего не мешает обдумывать и выражать на бумаге свою идею, а опытному рабочему, получив чертеж, выстроить по традиции в голове свою **универсальную** технологию и на универсальном же оборудовании выгрызть из куска металла нарисованное; а так как все универсальное слишком дорого, то на втором этапе, после чертежа, весь КПД должен бы прирастать на уходе от универсального на технологическое поле между мыслью инженера и руками рабочего, а он, КПД, именно там и проваливается как в черную дыру.

<...> Когда [в середине 30-х гг. — А. А.] немецкие специалисты приехали на «Полиграфмаш», — рассказывал мне мой учитель, слесарь высшего разряда Платонов Владимир Павлович, — чтобы помочь наладить выпуск «Линотипа», и поняли, что у рабочих руки золотые, а хороших технологов нет, то они легко и просто обошлись без этого звена: начертив чертежи, они сами приходили с ними в цех и работали там (якобы и в самом деле) подручными слесарей, но фиксируя все, что надо, в чертежах и журналах, чтобы учесть в документации.

<...> И последний вопрос: почему это я все — КПД да КПД? Во-первых, у заводских сделщиков за всю их жизнь проблемы КПД вьдаются и в плоть, и в кровь, и в печенку — хлопнешь ушами и останешься без штанов. Во-вторых, если считаться с природой, то, мне кажется, эволюция оплачивает все сама, а если опаздывать, догонять, заставлять, короче — **пытаться природу обмануть**, то это стоит намного дороже: отвлекает, потребляет энергию, требует денег и человеческих жертв.

В-третьих <...>, выход, на мой взгляд, только в одном: по всему пути «снизу-вверх» должна быть <...> природная селекция, когда не участвовать в управлении (в пределах своего разума и рабочего места), оставляя при этом четкий след в своей работе, как участвует маленький корешок, — это значит терять КПД и отставать в развитии. А законы природы и эволюции вряд ли возможно «переизобрести», выдумать, изменить, обмануть, а можно только, при желании, разглядеть и следовать им. <...>

А. Солипатров, апрель 1998

П.12.2. Будни производственной жизни (20 лет спустя)

Несколько вступительных слов

...Уже не раз мне приходилось слышать: «Объект твоих тогдашних (80-е гг.) исследований — исчез. Сейчас все другое...».

Такое категорическое утверждение представляется справедливым только для социально-экономического строя и обусловленных им способов управления предприятием на «верхних» этажах. **Сменилась господствующая форма собственности** (отождествляемая в марксистской парадигме с производственными отношениями). Но так ли уж переродилась «**материя**» **производственных отношений**, данная нам «в ощущениях», в жизненном опыте работников?

В том, что повседневная жизнь в «низовых» ячейках традиционных (ныне акционированных) промышленных предприятий за истекшие 20 лет во все не претерпела **качественных** изменений, позволяют убедиться некоторые современные социологические публикации на эту тему.

Сошлюсь хотя бы на интереснейшую работу моего коллеги, ведущего научно-сотрудника Социологического института РАН Б. И. Максимова. См. ниже. (Май 2003 — апрель 2005).

Из статьи Б. Максимова «Жизнь рабочих на питерском предприятии», опубликованной в журнале «Телескоп» (2002)

Вкратце

В начале статьи, в разделе «Предприятие одно, но типичное», автор рассказывает о том, как директор одного из известных питерских заводов пригласил его для исследования сложившейся в ОАО (после падения производства и массовых сокращений середины 90-х гг.) ситуации острейшего дефицита рабочих кадров, причем — массовых машиностроительных специальностей (токари, фрезеровщики, сверловщики, автоматчики, слесари, сварщики).

«Задачи были поставлены (директором завода. — А. А.) такие: изучить и оценить положение рабочих, мотивы текучести (увольнений), а также факторы стабильности и эффективности рабочих кадров (про себя я умахнулся: вот и пришлось вернуться к текучести, с которой начинал и которая, казалось, канула в Лету)... Лично меня интересовало, как обстоит дело с социально-трудовыми правами рабочих... как выглядит жизнь рабочих в целом».

Здесь опущены методологическое обоснование «исследования случая», описание круга использованных способов сбора данных (наблюдение, изучение статистических материалов, разные виды опроса; материалы — не только по данному предприятию), ряд теоретических соображений, «предыстория» сложившейся на данном заводе ситуации.

Ниже представлены лишь те разделы статьи, в которых описывается и анализируется современное положение дел — «жизнь рабочих на питерском предприятии».

<...> *Как изменилась жизнь рабочих, когда они стали нужны?*

Но вот ушла в прошлое ситуация, когда от рабочих старались избавиться. Работодатели громко заговорили, что «нужны рабочие». Некоторые даже социаломы пригласили. Как изменилась жизнь рабочих в новых условиях?

Рассмотрим новую ситуацию прежде всего с точки зрения занятости. Начнем с тех рабочих, которые были сокращены или ушли сами в период падения производства. Могут ли они вернуться на завод, в исходное положение, восстановить свой профессиональный, социальный и, между прочим, психологический статус, возобновить прерванную профессиональную карьеру и, обрета душевный покой, приветствовать наступление нового светлого будущего? В более широком плане — возможно ли повернуть вспять великое перемещение рабочего класса (с промышленных предприятий в 1992-1998 гг. убыло около 40% рабочих по таким отраслям, как электротехническая, станкостроительная и инструментальная, легкая промышленность, приборостроение, не говоря уже о том, что и оставшиеся менялись в своем составе). Казалось бы, самый простой выход — вернуть людей на свои места, раз они снова понадобились, и тем решить проблему восстановления утерянных рабочих кадров (а для самих рабочих — обретения утерянного места в жизни).

Предприятие предприняло попытки разыскать, пригласить обратно на «родной завод» наиболее ценные кадры из уволенных. Секретари начальников цехов длительное время «висели на телефонах», вызванивая своих бывших рабочих; работающим был дан наказ «тащить назад» своих знакомых. Несколько человек удалось вернуть. Такие же результаты по возвращению получены и на других предприятиях. Наш (телефонный) опрос уволенных тоже включал вопрос о возможном возвращении и условиях возврата. По этим данным могли бы вернуться около 2% опрошенных. Остальные переменили специальность, ушли вообще из рабочих, вышли на пенсию, так изменили свою жизнь, что ломать ее снова не хотят, некоторые «затаили обиду». (Из интервью: «Нет, обратно не пойду! Не хочу! Остался осадок»). Готовые возвратиться, как люди старой закалки, ставят умеренные условия. Но поскольку само возвращение проблематично, умеренность ничего не дает предприятию.

Таким образом, эти потери кадров для промышленных предприятий оказываются невозвратными, а лишения самих рабочих уходят в так называемую цену реформ (платить пришлось дважды — сначала за переход к социализму, потом — в обратном направлении).

Работающие на заводе повысили свои запросы, при этом в первую очередь — относительно заработка, но не только его, повысились требования по отношению к условиям труда, на которые до того «не обращали внимания». По нашим результатам, запрашиваемый заработок за 2 года вырос в 1,5 раза; по данным Т. З. Протасенко и В. Г. Ревтовой, желаемый нормальный доход на 1 человека в семье в мае 2001 г. по сравнению с 1999 г. повысился с 4,5 до 6,5 тыс. рублей.⁷ (В то же время ВЦИОМ показывает даже снижение запросов). Изменение ситуации с кадрами стало одной из предпосылок выступления рабочих (о котором речь ниже).

⁷ См.: Протасенко Т. З., Ревтова В. Г. Изменения в уровне жизни и социальная атмосфера (Петербург, 1991-1999 гг.) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2001, № 1; Протасенко Т. З., Ревтова В. Г. Различия в уровне жизни и социальной атмосфере населения Северо-Запада России: к проблеме глобализационных трансформаций // Телескоп... , 2001, № 4.

Однако рост запросов рабочих наталкивается на фактическую неизменность позиции администрации относительно этих запросов. Она, как говорилось, озаботилась проблемой дефицита кадров, но в каком плане? В плане поиска источников комплектования (вплоть до возобновления завоза иногородних и даже иностранных (из стран СНГ) рабочих, и особенно в плане подготовки кадров через учреждения профессионально-технического образования, рассчитывая получить молодое, бесплатно подготовленное пополнение (и принять его на сегодняшних условиях). В плане же повышения цены труда, улучшения его условий, расширения общей заботы о своих (и принимаемых) рабочих сдвигов почти не наблюдается. Предлагаемый и реальный заработок сдвинулись незначительно. Администрация только еще собиралась ставить вопрос перед собственниками об абсолютном повышении заработной платы рабочих и была совершенно не уверена, что это предложение, увеличивающее долю оплаты труда в себестоимости продукции, пройдет. Вместо того, чтобы всеми силами удерживать имеющиеся кадры, администрация прибегла к прокачке через завод заведомо нестабильных работников, увольняющихся через несколько месяцев работы. В итоге, в 2001 г. 40% составляли рабочие со стажем до 1 года, 65% — со стажем до 2 лет. В свете такого подхода становится понятным «странное» неудерживание кадрового рабочего, об увольнении которого мы говорили в начале предыдущего раздела.⁸ Радиомонтажник ставил вопрос об изменении оплаты труда именно работающих. И хотя он всего лишь ставил вопрос, такое требование оказалось неприемлемым (даже при условии потери ценного кадра).

Профсоюз на предприятии не использовал ситуацию дефицита рабочих и не поставил вопрос, который вынужден был ставить одиночка, даже не поддержал выступления своего активиста. Группы рабочих выступали с заявлениями, но не получили даже ответа. На этом возможности улучшения положения на своем предприятии для работающих (в связи с дефицитом) были исчерпаны. Так, по крайней мере, считали рабочие. Пойти на более решительные шаги они были неспособны.

Как бы в компенсацию «негибкой» позиции работодателей, рабочие получили возможность сменить место работы с целью улучшения своего положения, или, другими словами, реализовать возросшие запросы путем перемещения на другое место (предприятие). Рабочие используют этот способ продвижения, который мы описали еще в советское время. Многие из них «встали на крыло». Потенциальная текучесть (число намеревающихся сменить место работы) в городе в 2000 г. доходила до 50%.⁹ На рассматриваемом предприятии только 30% опрошенных заявили, что они «не ищут другую работу». При этом используют самые разные источники информации: районные центры занятости, где выдают бесплатную распечатку с вакансиями по всему городу, фирмы по набору кадров, невидимые каналы — через объявления, знакомых, родственников, посредством посещения самих предприятий.

⁸ Из опущенного здесь раздела статьи Б. Максимова:

«...Радиомонтажник высшей квалификации, трудоспособного возраста, отработавший на заводе 26 лет, на выставках, за рубежом, представлявший продукцию завода, не пьющий, к тому же отличающийся высокой социальной активностью — председатель комитета профсоюза цеха..., зам. председателя общезаводского профкома. Не какой-то там скандалист, одиозная личность. Правда, принципиальный, но в пределах разумного...».

⁹ Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга. Данные 2000 г. (неопубликованные). (Примеч. Б. М.).

Из интервью: «Я убедился, что на своем заводе ничего не добьешься. Они скорее нового возьмут, чем пойдут навстречу своим. Вот и приходится увольняться. Там обещали повышение».

Таким образом, пока администрация ставит вопрос о дефиците рабочих кадров, «затыкает кадровые дыры» заведомыми «летунами», под носом у нее последние кадры из «золотого костяка» находят другую работу и покидают «родной завод». Правда, при этом можно порадоваться за рабочих и те предприятия, которые нашли возможность предложить лучшие условия.

Все же и этот путь имеет определенные ограничения. Воспользоваться им могут наиболее мобильные рабочие и вновь вступающие в трудовую жизнь, которым изначально присущи более высокие запросы (молодежь, однако, как отмечалось, не появляется на традиционных промышленных пиетерских предприятиях). Наряду с мобильными и молодыми, значительное число рабочих «вросло в предприятие», имеет нарушения дисциплины, не могут перемещаться по семейным обстоятельствам и т. п. Отсюда, стабильные кадры, которые ранее весьма ценились, выигрывают от дефицита меньше всех. Им открыта, главным образом, «возможность заработать».

В результате нехватки рабочих рук появилось одно преимущество — «возможность заработать». Мы коснемся его также в разделе, посвященном заработной плате, здесь же отметим его значение с точки зрения занятости. Речь идет о возможности выполнять работу за отсутствующих (недостающих) и тем самым повышать заработок. На рассматриваемом предприятии работы стало столько, относительно имеющихся трудовых ресурсов, что ее приходится передавать на другие предприятия. В этих условиях администрация предоставила «возможность заработать» — за счет переработок (сверхурочных, работы в выходные дни), а также повышения интенсивности труда в нормальное рабочее время. Администрация убила сразу трех зайцев: она обходится (хотя бы частично) тем же количеством рабочих, повысила у них номинальный заработок, при этом обошлась без повышения цены труда. Рабочие пошли навстречу работодателям, ухватились за «возможность заработать», пренебрегая режимами труда и отдыха.

Только 3% опрошенных отмечают, что в их работе «не практикуются сверхурочные», и 9% — что «не приходится работать в выходные дни». Практика переработок получила всеобщее распространение. Например, в тракторном производстве Кировского завода, где были самые массовые сокращения, когда появились заказы, работу за недостающих также стали выполнять оставшиеся. Зарботки у них повысились, в отдельные месяцы до 10 тыс., но это и здесь за счет работы по 10 и более часов, более быстрого темпа, даже сокращения обеденного перерыва. Особенно напряженно становится, когда кто-то заболевает, уходит в отпуск. В целом по городу, по нашим данным, только 20% опрошенных говорят, что у них не применяются переработки. Таким образом, на смену простоям, вынужденным отпускам пришло это «благо» — переработка, повышенная интенсивность труда. На данном заводе нормальным (средним) стала выработка 300-350 нормочасов при обычном фонде рабочего времени в 160-170 часов (в месяц). Есть рекордсмены, вырабатывающие более 400 нормочасов, остающиеся после работы практически каждый день и выходящие на работу почти каждую субботу. Плюс к этому и в течение смены им приходится «крутиться как белка». На

нарушение законодательных норм о переработках (сверхурочных) все закрывают глаза (и рабочие тоже).

Таким образом, можно сказать, что, стремясь заработать, рабочие начинают буквально «жить на предприятии» (вот гротескная форма ответа на вопрос, «живут ли люди на работе?»). На работе проходит основная часть активной жизни. Опрошенные рассказывают, что приходят домой, ужинают, а рано утром снова на работу. И так день за днем, неделя за неделей, месяцы и годы. Таково новое преимущество для них.

Главная проблема рабочих

В начале статьи я заявлял, что буду рассматривать работу не просто как зарабатывание денег. Это так. Но для рабочих-то оплата труда, их материальное положение имеют первостепенное значение в работе, являются в настоящее время главной и наиболее сложной проблемой, в т. ч. и на рассматриваемом предприятии. Свидетельствует об этом безраздельное доминирование мотива неудовлетворенности заработком среди других мотивов неудовлетворенности (по данным мониторинга социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга, до 70% рабочих отмечают этот мотив).¹⁰ А обусловлен этот рост значимости проблемы падением реального уровня материального положения при одновременном увеличении ценности материального достатка в рыночных условиях.

В порядке оплаты труда бросается прежде всего в глаза высокая степень произвольности в начислении заработка. Такова тенденция и в городе. На государственных и акционированных предприятиях еще сохранились элементы старых систем оплаты с применением нормирования, тарификации работ, на малых частных предприятиях произвольность доходит до высшей степени, платят там так и столько, сколько «Бог на душу положит», а точнее, не Бог — хозяин (директор, собственник).

Произвольность в оплате повышает зависимость рабочего от работодателя <...>. Работодателю же произвольность удобна, позволяет платить не по мере труда, а в зависимости от конъюнктуры, наличия средств, лояльности работника и т.п., «управлять рабочими».

На данном предприятии в оплате труда применяется система нормочасов, окладов. Сдельщикам оформляются сменно-суточные задания, в которых выставлена стоимость выполняемых операций. Но это не избавляет от произвольности, лишь маскирует ее. Сами нормочасы определяются приблизительно, и администрация не стремится их уточнять, ссылаясь на мелкосерийность производства. Общим мнением рабочих является то, что «нормочасы — зарезанные», по ним «невозможно сделать нормальный заработок». Кроме того, они делят работы на «выгодные» и «невыгодные».

Из интервью: «Иной раз за 8 часов на 4 нормочаса дашь, на другой день наоборот — за то же время сделаешь 20 нормочасов». Рабочие убеждены, что зарплата зависит не от их квалификации, старания, а от того, какая работа — выгодная или невыгодная — им достанется. ... «Вопрос норм 100 раз со всех сторон обсосан, все ясно и известно, но ничего не меняется. Можно бы все упорядочить, было бы желание. Но никто этим не занимается. Видимо, кому-то нужен бардак».¹¹

¹⁰ Там же. (Примеч. Б. М.).

¹¹ Ср. с нашими наблюдениями и анализом 1983 г., т. е. 20 лет назад: раздел 11.1. — А. А.

Какие операции достанутся, зависит, в свою очередь от распределения работ, которое осуществляют мастера под наблюдением начальника цеха, его заместителей. В интервью постоянно звучало: «Все зависит от того, какую работу дадут. Можно вклявывать в поте лица и ничего не заработать. Администрация не заинтересована в честном труде и рабочие тоже». При распределении работ рабочим приходится «шустрить», проявлять изворотливость, иногда «брать на горло», вступать в конкуренцию с товарищами по работе. Ключевую роль приобретает фигура мастера, распределяющего работы. С ним надо «налаживать отношения».

Из интервью: «Кто знаком с мастером — выбирает работу. Возьму то, это... Остальное пусть другие делают. У кого нет отношений с мастером — никогда не заработает».

Таким образом, технологические отношения переводятся в психологические, личностные, при этом последние приобретают эмоционально окрашенный, нервный характер, сопряжены с чувством неуверенности, возмущения несправедливостью, обиды, бессилия, переживаются нередко сильнее, чем само несоответствие заработка работе.

Из интервью: «Работаем, не знаем, за что. Надоело дергаться, налаживать отношения. Не работа а нервотрепка».

Рабочие говорят, что от дерготни, ощущения зависимости они устают даже больше, чем от переработок. В частности, высказывается множество претензий в адрес мастеров, по поводу их поведения. Одни обвиняют их в несправедливом распределении работ, другие в том, что мастера не занимаются регулированием выгодных и невыгодных операций (деталей), не беспокоятся о том, какой у рабочего складывается заработок.

Из интервью: «Мастер должен бы смотреть по нарядам — у кого сколько заработано. Если заработок уже есть, можно и мелочевку дать. А если на загнанных деталях сидел, подбросить должен. Но мастера не интересует моя зарплата, ему наплевать».

Произвольность оплате придает также большой удельный вес переменной части зарплаты (за счет премирования, переработок). На данном предприятии переменная часть доходит до 2/3 и более. Те рабочие, которые «сидят на окладах», тоже зависят от порядка начисления переменной части, сходного по произвольности с уже описанным. Они тоже должны не только «вклявывать», но еще и «шустрить».

В части размера оплаты труда впечатляет низкий исходный уровень заработной платы. И по окладам, и по нормочасам он составляет 1600-1800-2000 рублей в месяц при 8-часовом рабочем дне. То есть, если работать нормально, как положено по Трудовому кодексу, получишь 1,6-2 тыс. рублей. На одном из лучших машиностроительных предприятий. В Петербурге, городе с не самым низким уровнем жизни.

На предприятии установлен свой нижний предел (свой МРОТ) — 1500 рублей. Завод мог бы спокойно придерживаться и более низкого уровня, не нарушая КЗоТ, Конституцию РФ, ибо, как известно, в стране до 2000-го года был установлен МРОТ в 83 рубля 49 копеек. Он позволял работодателям делать нижнюю планку заработной платы как угодно низкой, по сути дела представлял собой воплощение ханжества, жестокости с примесью шизофрении, ибо как иначе оценить МРОТ, составляющий 0,05 прожиточного

минимума?! Кто способен прожить на такую зарплату? Могут возразить, что МРОТ существовал номинально, на практике не применялся. Однако мне известны случаи, когда администрация использовала МРОТ, сажая на него работников, которых надо было «уйти» с предприятия.

Если сопоставлять исходный уровень заработной платы с государственным МРОТом, она выглядит вполне благополучной. Но если соотносить с прожиточным минимумом (ПМ), который чаще всего применяется в качестве критерия оценки, картина становится несколько иной. В период исследования, ПМ в Петербурге составлял около 2,2 тыс. рублей, соответственно исходный уровень зарплаты на заводе равнялся 0,7-0,8-0,9 ПМ. А ведь прожиточный минимум, как известно, это уровень физического выживания, даже для одинокого человека, не имеющего детей, других иждивенцев. Если же сопоставлять исходные (нормальные) заводские зарплаты с минимальной потребительской корзиной, которая позволяет удовлетворять минимальные потребности, или субъективным уровнем среднедушевого дохода для «нормальной жизни» (по Протасенко, Ревтовой), то эти зарплаты выглядят и совсем бледно, составляют около 0,3 МРОТ и 0,2 субъективной нормы.

Сами рабочие соотносят свои заработки чаще не с ПМ, МПК и тем более субъективной нормой, а говорят — позволяет ли зарплата «жить» или лишь «выживать», какая часть уходит на питание. Так вот, даже весь (номинальный) заработок (который, как будет видно далее, в 2-3 раза превосходит исходный-нормальный уровень) 48% опрошенных оценивают как «позволяющий сводить концы с концами» и 18% — как «позволяющий лишь выживать»; опрошенные также говорят, что 60-80% заработка (всего номинального) уходит на питание.

Из интервью: «На голый оклад прожить, конечно, невозможно. На один транспорт, квартплату половина уходит. А если надо ребенка в школу отправить — как тут быть?!»

«Возможность заработать»

Но практическая (номинальная) заработная плата рабочих, как правило, намного выше рассмотренного исходного уровня. Когда мы пришли на предприятие, то были приятно удивлены тому, что заработки у рабочих оказались здесь достаточно высокими. У радиомонтажников они составляли (в начале 2001 года) 5,5-6 тыс., у металлообработчиков в среднем 6,5 тыс., по отдельным специальностям доходит до 8 тыс. (наладчики станков с ЧПУ) и даже 12 тыс. (токари-расточники); максимальная зарплата у отдельных рабочих достигала до 18 тыс. Выходит, на практике все не так плохо, как выглядело при наших расчетах в предыдущем разделе? Названные заработки можно смело соотносить не только с прожиточным минимумом, но и с потребительской корзиной и даже желаемой нормой среднедушевого дохода. Во всяком случае, администрация шеголяет именно этими цифрами, их она называет в приглашениях на работу. На заводе принята даже гарантированная заработная плата рабочих, составляющая 5,5 тыс. рублей. Эта норма — неписаная, но все стараются ее придерживаться. Вновь поступивших рабочих поддерживают, помогают им дотянуть зарплату до гарантированного уровня.

Статистические организации, органы власти также уверенно оперируют цифрами номинальной заработной платы. Складывается довольно благополучная картина благополучного материального положения рабочих. Не упоминается только одно обстоятельство — что высокие номинальные заработки

получены за счет упомянутой нами «возможности заработать», т.е. за счет переработок, повышенной интенсивности труда. Государственная статистика не показывает, какая часть зарплаты получена за счет переработок, интенсификации, но на известных нам предприятиях она составляет <...> до 2/3. Во всяком случае, на рассматриваемом заводе ее нетрудно вычислить, соотнеся номинальные заработки в 6, 8, 10, 12 тыс. рублей с исходным нормативным уровнем в 1,6-2 тыс. Такова фактическая сторона благополучной картины.

Как же нужно «вквалывать», пардон — использовать «возможность заработать», чтобы сделать гарантированный уровень в 5,5 тыс. рублей? Цеховой экономист-практик разъясняет: чтобы заработать 5 тыс. рублей, рабочий 5-го разряда должен выработать 355 нормочасов при фонде рабочего времени примерно в 190 часов; сделать это рабочий может за счет интенсификации своего труда, получения выгодных работ, выполнения сверхурочных и работы в выходные дни; сверхурочно остаются многие и часто. Есть рабочие, у которых сверхурочные составляют 74 часа в месяц плюс 6 выходов по выходным дням, т.е. они оставались практически каждый день и работали почти все выходные (мы повторно сказанное ранее в артикуляции специалиста).¹² На сверхурочные иногда уговаривает мастер, в основном же рабочие остаются сами — ввиду повышенной оплаты переработок, за счет чего и делается в значительной части заработок. Система премирования построена так, что чем выше уровень выполнения нормочасов, тем выше процент премирования. Экономист заканчивает: «Все три первых месяца года были очень напряженными, и рабочие, и мастера не вылезали с завода».

Возможность заработать практиковалась и ранее. Предприятие держало численность меньше расчетной, давая людям возможность подрабатывать. С появлением дефицита, переработки, интенсификация стали необходимостью, и завод использовал свой опыт в расширенном масштабе. Администрация создала соответствующие условия (предпосылки): вечернее освещение в цехах, открытые ворота в выходные дни, упрощенный учет переработок, прогрессивную шкалу премирования. Исходный размер заработной платы остается при этом на прежнем уровне...

Ремарка: переработки и сверхурочные — раньше и теперь.

Итак, одно из главных различий с временами «застоя» (20 лет назад) состоит в том, что тогда в переработках и сверхурочных (периодически) была заинтересована администрация (для выполнения плана), а рабочие (иногда) «не отказывались» подзаработать; теперь же в переработках оказываются заинтересованы рабочие (администрация только «создает условия»), поскольку «иначе не прожить». Прежде действовали «административные рычаги» плюс «материальный интерес», теперь — «экономическое принуждение». Прежде практиковалась «штурмовщина», теперь — по свидетельству Б. М. — «ритмичная» работа на износ. (Май 2003).

...Как уже говорилось, рабочие активно используют «возможность заработать». Она является весьма важным фактором привлечения рабочих на предприятие и их стабильности. Мотив «заработать» созвучен духу времени.

¹² По сравнению с описанным здесь постоянным режимом труда, «чрезвычайная» ситуация «июльских аккордов» 1986 г. в цехе № 3 на «Ленполиграфмаше» (описанная в предыдущей главе: раздел 12.6) предстает чуть ли не «идиллической».

Из интервью: «Знакомый рассказал, что здесь можно выгнать 8-10 кусков. Решил перейти сюда. На старом месте планка была, выше которой не прыгнешь. Это меня и держит на заводе, правда, пока не очень получается».

Однако нельзя сказать, чтобы переработки, интенсификация труда, оказывающиеся платой за неограничиваемый рост заработка, доставляли рабочим удовольствие. Жалобы здесь типичны.

Из интервью: «Если не будешь работать сверхурочно и в выходные — ничего не заработаешь. В день надо сделать 20 нормочасов, это 2,5 смены. Ни в какие рамки не лезет. Я за 2-х человек работаю». «Система не устраивает. Часы очень дешевые. Чтобы заработать, надо набрать 300-400 нормочасов... приходится оставаться после работы, выходить в субботу». «Заработать можно, но это жуткая потогонка». «Исходный заработок в одну восьмьсот-две тысячи — это же подкачка нищему. Мне в другом месте сразу 6 тысяч оклад дают». «Система заработной платы — это потогонка. Для того, чтобы заработать, половина фрезеровщиков работает на двух-трех станках, только успевают перебежать от одного к другому. Три дня в неделю у меня обязательно работа до 6 часов, а то и две-три субботы в месяц приходится выходить. Сколько можно такое выдержать? Мне 50 лет. Через 5-7 лет я такую работу не выдержу. Вот и приходится думать о другом месте».

Недовольство переработками было одним из главных мотивов протестного выступления рабочих. «Надо, чтобы человек за 8 часов заработал столько, сколько за 30. Для этого платить за нормочас не 5, а 15 рублей», — говорили рабочие.

Однако заявление рабочих, как можно видеть далее, осталось без ответа. Разумеется, для разных групп рабочих «возможность заработать» имеет различную значимость, соответственно, и недовольство разное. Для первой группы, ориентированной в первую очередь на заработок, возможность (хорошо) заработать является главным мотивом. Это в основном молодые рабочие, имеющие достаточную квалификацию, способные работать с повышенной нагрузкой. Они принимают как неизбежность существующие условия и их недовольство системой оплаты — в пределах «ворчания». Вторая группа рабочих, самая многочисленная, основная — это люди среднего и старшего возраста, как правило — с достаточно большим стажем работы на предприятии, наиболее квалифицированные. Они также ориентированы на возможность заработать, но не любой ценой. Они «выгоняют» свою норму заработка за счет мастерства, использования запасов своего инструмента, получения достаточной доли выгодных работ. Но им тоже приходится работать с повышенной интенсивностью, «прихватывать сверхурочные», работать в выходные дни. По высказываниям этих рабочих, им это тяжело, надоело, они ощущают, что с течением времени не смогут работать в таком ритме, при существующих порядках, и начинают подыскивать место с менее напряженными условиями труда. В наиболее сложном положении оказываются новички, а также те рабочие, которые не сумели приспособиться к работе с повышенной напряженностью. Их запросы также высоки, но им не хватает мастерства, резерва в виде выгодных работ, а нередко именно им достаются работы, которых избегают более опытные рабочие. Большинство таких рабочих не успевает преодолеть трудности первого периода работы, приходит к убеждению (в течение довольно короткого времени), что не смогут реализовать свои запросы, и уходит с предприятия. Но и на новом месте история повторяется. Эти рабочие и составляют в настоящее время группу, пере-

мещающуюся с предприятия на предприятие. На данном заводе их используют для затыкания (хотя бы на время) «кадровых дыр».

«Организация труда? Хуже, чем при коммунистах!»

Как известно, одним из камней преткновения для социалистического производства оказалась организация труда. Не было «хозяев», не хватало «исполнительской дисциплины», отсутствовала безработица, позволяющая «приструнить рабочих». Как обстоит дело с организацией труда, когда появились и хозяева, и безработица, и все другое, что нужно для победы нового общественного строя? Коснемся кратко организации труда, но не с точки зрения победы нового-старого общественного строя, а положения, самочувствия рабочих.

Их восприятие в виде ключевой фразы вынесено в подзаголовок раздела. Рабочие жалуются на устаревшее, доперестроечное оборудование, на отсутствие планирования и «отвратительную» работу технологических служб, некачественные заготовки и др. — все это создает дополнительную напряженность в работе. Рабочие матерятся, вслух и громко, но вынуждены «крутиться в этом бардаке» каждый день. С инструментом опытные рабочие находят выход в том, что заводят «по 2 тумбочки своего инструмента». Ухудшение планирования, техобслуживания связано с тем, что центральные (заводские) службы урезали, спустив их функции на уровень цехов, а в последних плановые, технологические подразделения маломощны.

Из интервью: «Планирование практически отсутствует. В начале месяца абсолютно неизвестно, какая будет работа, сколько. Не знаешь, на что настраиваться, какие приспособления готовить. Посмотрите — на стеллажах заказов — лежит 3-5 работ — на 17 человек. Работу выдают 20-го числа. Завод знает же перспективу. Он же не собирается с завтрашнего дня выпускать самолеты». «Особенно досаждают мелкие партии деталей. Только сделаем 3-5 штук, через два дня идут те же детали. Снова нужно налаживать станок. Раньше на малую партию был коэффициент». «Отвратительно работают технологически службы. Я не знаю, что вообще на заводе делает главный технолог. Техпроцессы безграмотные, не соответствуют чертежу. Если детали сложные, технологию приходится выдумывать из головы». «Обеспечение инструментом — слов нет. Бежишь в кладовую — либо нет нужных фрез, либо такие, что лучше сразу выбросить. Оснастку приходится делать самому — я, что, инструментальщик?! И кто мне заплатит за инструмент? Вот хвалят тех, у кого два шкафа инструментов. Но ведь это не от хорошей жизни. При этом — все куплено за свои кровные». «Все оборудование — старое. Шпинделя болтаются, как хочешь лови две десятки. Оборудованию по 30 лет, а они стены красят. Станок "починили", но он до сих пор не крутится. Теперь все вокруг него крутится, а воз и ныне там»...

Ремарка: как же они «выкручиваются»?

В принципе эта картина ничем не отличается от описанной хотя бы в наших «Апрельских заморочках» (1986).¹³

...Интересно, однако, что (в цитированных интервью) рабочие не договаривают (или исследователь не акцентирует), как же они, в ситуации дискриминационной системы нормирования и оплаты труда, с одной стороны, и, казалось бы, полного «бардака» в организации труда и инженерной подготовки производства, с другой, — все-таки «выкручиваются», чтобы «заработать свою (необходимую им) зарплату».

Тут, по крайней мере, три «переплетающихся» пути. Два — отчетливо названы. Это: во-первых, переработки, сверхурочные, интенсификация труда; во-вторых, налаживание отношений с низовой администрацией и т. п. (не исключая и взаимную конкуренцию за получение «выгодной» работы). Третий же (лишь угадываемый из ответов рабочих) путь — это повышение производительности, за счет «внеформальной самоорганизации», «скрытых раций», «технологической самостоятельности», «партизанщины».¹⁴ (Недаром тумбочки ломаются от оснастки). Благодаря такой самостоятельности удается рабочим (как и в советские времена) фактически повысить «цену» своего труда (которую отказывается повышать администрация).

Интенсификация труда ныне несомненно возросла; зависимость рабочих от администрации, пожалуй, тоже; но и рабочая инициатива, надо думать, не оскудела (а скорее — вынужденно! — возросла).

Иначе — в самом деле — «не выжить» (сегодня, как и прежде). (Май 2003).

«Не до условий труда!»

В период кризиса производства, действительно, было не до условий труда практически на всех промышленных предприятиях. Экономили, как известно, на всем, и в первую очередь — на охране труда, здоровья работников. Урезалось финансирование мероприятий по технике безопасности, сокращались соответствующие службы, нарушались тепловые режимы, не ремонтировались бытовые помещения. Разрушилась система общественного питания, люди перешли на питание (обеда) бутербродами с чаем. В последнее время на рассматриваемом заводе внимание к условиям труда повысилось. Капитально отремонтировали туалеты, провели косметический ремонт раздевалок, душевых, наладили питание в столовой, выделили дотацию в 50% стоимости обедов.

Но жалобы на условия труда остаются многочисленными. Неудовлетворенность условиями труда была одной из причин протестного выступления рабочих. При этом досаждают людям как будто бы мелочи.

Из интервью: «В раздевалке тесно. 50 человек вынуждены тесниться в маленьком помещении. На всех — 4 раковины, да и те либо не работают, либо из них течет коричневая жижа. А заканчивают работу все одновременно». «Холодно на участке штамповки».

Парадоксально, что проблемами оказались снабжение питьевой водой и возможность вскипятить чай.

Из интервью: «Титан поставили, но вода идет грязная, ржавая, пользоваться нельзя. Конца этой канители не видно». «Для меня большое неудобство — негде вскипятить чай. Пожарная охрана кипятильники отбирает. Приходится делать тайком, каждый раз дрожжишь, как бы не застучали».

Проблема питания в столовой оказалась нерешенной. Предприятие платит дотации на питание, но они не достигают цели. Большинство рабочих просто не ходит в столовую (по результатам опроса — 76%). В качестве причины практически все называют качество пищи. А дотация людей «не соблазняет».

Из интервью: «Я в столовую пару раз сходил, но замучала изжога. Дотация меня не интересует». «В столовую не хожу, хотя знаю, что завод 50% оплачивает. Вначале ходил, но у меня терпения хватило недели на две. Здоровье дороже».

¹³ См. выше: раздел 12.1.

¹⁴ См. в томе 1 настоящей книги: главы 3, 5. См. также в томе 3: раздел 11.1, глава 12.

Таким образом основным остается питание бутербродами, при этом — обычно прямо у станка, на рабочем месте, стоя возле стола; сами столы, там, где они есть, заняты в это время «забывающими козла». Из-за «козла» многие не ходят и в столовую. Тут уж претензии предъявлять некому.

Участие в управлении

Можно констатировать тот факт, что на данном предприятии прежние формы участия в управлении под лозунгом «сохозяина производства» (во многом и тогда номинальные) в настоящее время «вымерли». Не проводятся производственные собрания, не обсуждаются планы работы и отчеты администрации; отсутствует даже такая простейшая форма, как оперативки в начале смены, месяца, на которых давалась информация о предстоящей работе, выслушивались вопросы, обсуждались изменения в организации труда. Формы производственной демократии, имевшие место в краткий миг расцвета самоуправления, на первом этапе перестройки,¹⁵ если и упоминаются, то как отрицательный пример «разгула демократии».

На место прежних форм должно было стать, как известно, акционерное участие. Его судьба на рассматриваемом заводе практически такая же, как и на других питерских акционированных предприятиях. Здесь тоже имел место первоначальный энтузиазм работников, в т. ч. и рабочих, точно так же был применен институт доверенных лиц (в основном в лице руководителей подразделений, начальников цехов), один к одному на акционерных собраниях (единственное место, где можно проявить акционерное участие) рабочим не удавалось выступить, заявить «свое слово», как и везде, рабочие скоро пришли к мнению о бесполезности держания акций и бессмысленности присутствия на собраниях, начали «избавляться» от документальных свидетельств причастности к акционерной собственности. При этом продавали в первую очередь голосующие («обыкновенные») акции — это показывало, что рабочие отдают предпочтение не участию в принятии решений, а получению дивидендов. Но и финансовое участие оказалось иллюзорным (дивиденды — мизерными) так, что вслед за голосующими на распыл пошли и привилегированные акции. Около 15% работников (среди рабочих удельный вес ниже) продолжают удерживать акции, но в основном «по инерции», не рассчитывая ни на долю в прибылях, ни на участие в принятии судьбоносных для АО решений. Акционерное участие фактически сошло на нет.

Мы побывали на акционерном собрании ОАО 2001-го года. Картина была типичная. Среди присутствующих рабочих было около 2%, в основном — из бывших членов трудового коллектива (пенсионеров), посещающих собрания ради любопытства или в силу неизжитого чувства «сохозяина». Никто из них не выступил, хотя некоторые порывались с мест хотя бы задать вопросы; вообще обсуждения при принятии решений не практиковались, выражать мнение предлагалось путем голосования. Голосование же определяла практически полностью огромная корпорация по добыче полезных ископаемых, ставшая фактическим хозяином предприятия. Корпорация обладала наибольшим по величине, определяющим, можно сказать — подавляющим пакетом акций (наиболее подходящим смыслом слова здесь является «подавление»), ее воля была практически абсолютной, именно подавляла ни-

чтожные, распыленные голоса мелких акционеров. Администрация однозначно считала корпорацию хозяйкой положения. Отсюда весь этот демократический экономический форум в духе «демократии собственников» (а собранию были присущи элементы торжественности) имел в основном ритуальный характер. Все решения лишь публично обозначались. Они даже не артикулировались, а представлялись в текстах, в т. ч. из благих соображений ускорения принятия решений. Скорость, действительно, была изумительной — за 1,5 часа удалось принять, включая процедурные вопросы, более десятка емких и сложных решений, в т. ч. заслушать и утвердить годовой отчет АО.

В качестве иллюстрации — выдержка из интервью:

«На первых порах все хотели попасть на собрание. Но сказали, что нет такого большого помещения, предложили передать голоса начальнику цеха как доверенному лицу. Но часть рабочих все же написала доверенность на мое имя. Я был очень гордый — еще бы — 3 тысячи голосов! Но на собрании ничего толком сказать не удалось. Торопили, просили не превращать собрание в митинг. На следующий год вообще уже никаких дебатов не было, вопросы предлагали подавать в письменном виде. А самое главное — стало видно, что как ни голосуй, все равно выходит по корпорации этой, которая нас к рукам прибрала. Сходил я еще пару раз, посидел, потом плюнул и перестал. Ребятам говорил: “Спасибо за доверие! Но ходите сами!” Они не были в претензии, к тому времени сами в большинстве избавились от акций. Я держу пока... сам не знаю, зачем. Эти ельцинские призывы о миллионах собственников оказались таким же надувательством, как и вся приватизация».

Администрация предприятия не ощущает потребности в развитии участия, скорее проявляет к нему негативную установку, хотя и говорит о необходимости «формирования коллектива», заинтересованности людей в общих результатах. Сказывается, очевидно, предыдущее навязывание коллективности, главным же образом — нежелание сегодняшнего собственника делиться хоть какой-то властью с рядовыми работниками. Западное культивирование производственной демократии вызывает недоверие, скепсис, но не желание подражать «развитым странам»; администрация полагает, что «это применимо только в тех условиях». Участие, таким образом, выделяется в тот вид культуры труда (производства, управления), который не заимствуется.

Сами рабочие в большинстве случаев отрицательно относятся к ограничению их участия в управлении, хотя значительная часть опрошенных высказывает убеждение, что «управление — это дело профессионалов, рабочим там делать нечего» — эти рабочие не отделяют профессионализм в управлении от участия в принятии принципиальных решений с целью защиты интересов наемных работников. Но и у настроенных на участие, положительная установка пассивна — никто не собирается добиваться участия, бороться за него. Дело ограничивается выражением недовольства. Так, опрошенные рабочие говорят, что чувствуют себя отвергнутыми от предприятия, неинформированными о состоянии дел на нем.

Из интервью: «Раньше было, в начале месяца собирали, объясняли — будем делать то-то и то-то. Вопросы можно было задать, обсуждали. Сейчас собраний вообще не проводится». «Нас ни о чем не спрашивают. Зачем начальству моя точка зрения?! Больше того — будешь высываться — попросят за ворота».

Наряду с отчуждением, на этом предприятии также можно было наблюдать давно отмеченное нами явление самоотчуждения от участия, выражаю-

¹⁵ См. об этом ниже: глава 18.

шееся в дистанцировании от какой-либо кооперации с администрацией, добровольном отказе от имеющихся возможностей.

Из интервью: «Конечно, в принципе можно было бы, как вы говорите, собрать акции рабочих в кулак. Хотя бы, действительно, чтобы быть в курсе дела. Но я этого делать не буду. И никто из рабочих не будет играть в эти игры. Все равно они нас приручат, исползуют по назначению. Нет, нам с ними не по пути».

Участие через профсоюзы, как известно, незначительно. Таким образом, рабочие оказались отчужденными от участия в управлении практически полностью. Эта существенная, в принципе, сторона их жизни на предприятии остается нереализованной. <...>

Вкратце

Статья заканчивается разделом «Выступление рабочих», в котором описываются два эпизода протестных действий рабочих данного предприятия. В обоих случаях это было — «обращение к руководителю предприятия посредством подачи заявления. По сути дела, это была традиционная жалоба. По нашим данным, такая форма достаточно распространена, составляет около 15% всех протестных действий, главенствовавших в советское время, сохранившихся и в новых, нередко более жестких условиях».

Ниже — описание одного из таких протестных действий.

<...> Второе выступление — рабочих радиомонтажного цеха — произошло по примеру первого и имело многие сходные черты. Также оно осуществлялось в форме обращения-заявления на имя руководителя предприятия, как и первое, содержало просьбу, одинаково было проигнорировано, не имело результата. Отличие состояло в том, что здесь и на уровне цеха рабочие не получили поддержку (цеховая администрация заявляла, что «нельзя кому-то делать лучше, надо только всем, а это невозможно»), организовывал выступление радиомонтажников профсоюзный комитет цеха (но это не придало результативности обращению). Реакция на отказ здесь заглохла полностью: члены цехкома частично уволились, частично перевелись в другие подразделения, само заявление куда-то затерялось, рабочие о нем вспоминали в трудом. <...>

Здесь можно добавить, что упомянутый демонстративно уволившийся рабочий был председателем комитета профсоюза радиомонтажного цеха. Помимо коллективного заявления, он устроил индивидуальную акцию протеста — поставил, как отмечалось [в начале статьи. — А. А.], принципиальный вопрос — либо администрация пересматривает систему оплаты труда, либо он увольняется. Поставив на карту свою судьбу, он принципиально не принимал предложение повысить ему индивидуальный заработок (на тысячу рублей). Это был протест одиночки, хотя и во имя всех (рабочий подчеркивал, что выступает один, не призывал никого оказать ему поддержку — «чтобы не подставлять других»). <...>

(Б. Максимов. Жизнь рабочих на питерском предприятии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2002, № 4, с. 19-27)¹⁶

¹⁶ См. также только что вышедшую книгу: Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России. 1990-е — начало 2000-х годов. СПб.: Наука, 2004 (глава 5, раздел «Жизнь рабочих на типичном питерском предприятии (2001)»). (Февраль 2005).

Ремарка: жизнь рабочих на «ленинградском-питерском» предприятии — вчера и сегодня.

Как читатель мог убедиться, наш объект — (бывшее) советское промышленное предприятие, и предмет — жизнь рабочих на таком предприятии, — вовсе не ушли в небытие. Конечно, то и другое претерпели заметную эволюцию. Но сегодня черты «социальной преемственности», пожалуй, преобладают над «социальным изменением» (опуская период обвального падения производства и массовых увольнений работников на традиционных, бывших государственных предприятиях в середине 90-х гг.).¹⁷

Я не нахожу в работе коллеги, посвященной исследованию «случая» современного питерского завода, таких социологических наблюдений, которые бы давали основания принципиально отличить его от «случая» другого (ленинградского!) завода, 15-20 лет назад.

В частности, из статьи Б. И. Максимова видно, что многие «стародавние» проблемы рабочей жизни — усугубились, получили обострение. Например: разнообразные формы зависимости рабочих от администрации; переработки и интенсификация живого труда; массовые нарушения КЗоТ; перспектива для работника оказаться за воротами предприятия, в случае нелояльного поведения; и т. д.

Разумеется, возникли и новые проблемы. Но в основном все же наблюдается «расширенное воспроизводство» старых. И ни одна из прежних проблем не решена! Положение человека в системе реальных производственных отношений (в том смысле, в каком употреблялся автором этот термин в работе 1983 г.; см. ранее: раздел 11.1) радикальных преобразований, насколько мы можем судить из данных современных исследований, не претерпело.¹⁸

...Было бы, конечно, очень интересно предпринять социологическое исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», сегодня. Впрочем, в современных условиях понадобилась бы серьезная корректировка метода. (Май 2003 — январь 2005).

¹⁷ Тогда, действительно, произошел некоторый «разрыв» в эволюционном процессе. Но сейчас будни производственной жизни (на крупных промышленных предприятиях) вновь возвращаются «на круги своя».

¹⁸ Свидетельства тому находим в материалах и других социологических исследованиях, проведенных на промышленных предприятиях постсоветской России.

См., в частности: Собственность и трудовые отношения: варианты трансформации. Сборник кейсов / Под ред. В. И. Герчикова, М. И. Кошман. Новосибирск: издательство ИЭиОПП, 1995; Барсуков С. Ю., Герчиков В. И. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего к частному и разному. Новосибирск: издательство ИЭиОПП, 1997; Шершнев Е. Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999; Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. В. Ядова и др. М.: Академический проект, 2004.